

KAZAN JOURNAL OF INTERNATIONAL LAW AND INTERNATIONAL RELATIONS

КАЗАНСКИЙ ЖУРНАЛ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА И МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

№ 13
2022

Учредитель:
Университет управления «ТИСБИ»

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Проф. кафедры международного и европейского права Казанского федерального университета д.ю.н., **Г.И.Курдюков** (Председатель), заведующий кафедрой международного права Томского государственного университета д.ю.н. **А.М.Барнашов** (Томск), профессор кафедры международного права Санкт-Петербургского государственного университета, д.ю.н., проф. **С.В.Бахин** (Санкт-Петербург), заведующий кафедрой международного и евразийского права Воронежского государственного университета д.ю.н., проф. **П.Н.Бирюков** (Воронеж), профессор кафедры международного права Южного федерального университета д.ю.н. **Л.И.Волова** (Ростов), заведующий кафедрой международного права Дальневосточного федерального университета д.ю.н., проф. **В.В.Гаврилов** (Владивосток), доцент кафедры международного права Дагестанского государственного университета к.ю.н. **А.М.Ибрагимов** (Махачкала), главный научный сотрудник Краснодарского высшего военного училища им. С.М. Штеменко д.ю.н. проф. **Н.И.Костенко** (Краснодар), заведующий кафедрой международного права Саратовской государственной юридической академии к.ю.н., доц. **Д.В.Красиков** (Саратов), заведующий кафедрой международного и европейского права Уральского государственного юридического университета д.ю.н., проф. **Л.А.Лазутин** (Екатеринбург), директор Института государства и права Тюменского государственного университета д.ю.н., проф. **С.Ю.Марочкин** (Тюмень), профессор Российского государственного университета правосудия (Казанский ф-л) д.ю.н. **Ю.В.Самович**; заведующий кафедрой международного права Сибирского федерального университета д.ю.н., проф. **Т.Ю.Сидорова** (Красноярск), заведующий кафедрой международного права Новосибирского государственного университета д.ю.н., проф. **В.Л.Толстых** (Новосибирск), заведующий кафедрой мировой политики и международного права Нижегородского государственного университета д.и.н., к.ю.н., проф. **О.О.Хохлышева** (Нижний Новгород), профессор кафедры международного права Белгородского государственного университета д.ю.н., проф. **Е.В. Сафронова** (Белгород).

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Главный редактор – доктор юридических наук, заведующий кафедрой международного права Университета управления «ТИСБИ», профессор **А.Б. Мезяев**

Ответственный секретарь – кандидат юридических наук, доцент кафедры международного права Университета управления «ТИСБИ» **Е.Ю. Мотрохин**

Члены редколлегии: доктор юридических наук, профессор **Р.М.Валеев**; доктор юридических наук, профессор **Г.Р.Шайхутдинова**; доктор юридических наук, профессор **Л.Х.Мингазов**; доктор юридических наук, профессор **А.Г.Гатауллин**, доктор юридических наук, профессор **Н.Е.Тюрина**; кандидат юридических наук профессор **Р.А.Шарифуллин**.

КОНТАКТНАЯ ИНФОРМАЦИЯ:

*Почтовый адрес: 420012, г. Казань, ул. Муштары, 13. Университет управления «ТИСБИ».

Юридический факультет. Заведующему кафедрой международного права д.ю.н., проф. Мезяеву А.Б.

*Адрес электронной почты: alexmezyaev@gmail.com

*Факс: 8 – (843) – 294-83-23

*Интернет-сайт: www.kznjil.ru

Мнение авторов не обязательно совпадает с мнением редакции или учредителей журнала.

**«КАЗАНСКИЙ ЖУРНАЛ
МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА
и МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ»**

№ 13 (2022)

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОЙ ЮБИЛЕЙ

К 100-летию Генуэзской конференции

**Мезяев А.Б.* Международная конференция в Генуе 1922 года: вопросы внешней политики, дипломатии и международного права.....4

ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА

**Evelyne Asaala, Dire Tladi*, Assessing the Respective Mandates of the UN and AU in the Maintenance of International Peace and Security: Partnership and Cooperative Division of Labour or Competition?...19

**Bekithemba Sibanda, Tinashe Sithole*, Implications of Sino-Russian Geostrategic Alignment on U.S Policy on Venezuela.....37

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОЙ АРХИВ

*О новой рубрике нашего журнала.....52

*Первый российский журнал международного права.....52

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ МЕМУАРЫ

**Е.Ю.Гуськова* (свидетель Международного трибунала по бывшей Югославии).....69

*О показаниях на судебном процессе «Прокурор против генерала Станислава Галича».....69

РОССИЙСКИЕ МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ ИНИЦИАТИВЫ

*О российской инициативе по разработке всеобъемлющей конвенции по противодействию информационной преступности.....74

*О российских проектах резолюции ГА ООН по расследованию случаев применения химического и биологического оружия.....76

НАШ ОТВЕТ ЧЕМБЕРЛЕНУ

*Заявление МИД РФ о выходе России из Совета Европы.....78

*Указ Президента РФ «О специальном порядке исполнения иностранными покупателями обязательств перед российскими поставщиками природного газа».....79

НЕСБЫВШЕЕСЯ В МЕЖДУНАРОДНОМ ПРАВЕ

*О новой рубрике нашего журнала.....82

*Проект договора о ненападении Генуэзской конференции.....83

*Проект договора между РФ и США о гарантиях безопасности.....84

*Проект соглашения о мерах обеспечения безопасности РФ и государств-членов НАТО.....86

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВАЯ ПОЭЗИЯ

*Стихотворения первого президента Гвинеи Секу Туре. К 100-летию со дня рождения.....89

*Стихотворения первого президента Анголы Агостиньо Нето. К 100-летию со дня рождения.....98

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОЙ АНЕКДОТ

*Смех в зале Нюрнбергского трибунала.....102

INTERNATIONAL LEGAL JUBILEE

100th anniversary of the Genoa Conference

Mezyaev A.B. International Conference in Genoa 1922: Issues Of Foreign Policy, Diplomacy and International Law.....4

QUESTIONS OF THE THEORY AND PRACTICE OF INTERNATIONAL LAW

**Evelyne Asaala, Dire Tladi*, Assessing the Respective Mandates of the UN and AU in the Maintenance of International Peace and Security: Partnership and Cooperative Division of Labor or Competition?.....19

**Bekithemba Sibanda, Tinashe Sithole*, Implications of Sino-Russian Geostrategic Alignment on U.S Policy on Venezuela.....37

INTERNATIONAL LEGAL ARCHIVE

*About a new rubric of our Journal.....52

*First Russian Journal of International Law.....52

INTERNATIONAL LEGAL MEMOIRS

Guskova E. Yu. (witness of the International Tribunal for the Former Yugoslavia).....69

On the testimony at the trial “Prosecutor vs. General Stanislav Galic”.....69

RUSSIAN INTERNATIONAL LEGAL INITIATIVES

*On the Russian initiative to develop convention to combat information crime.....74

*On the Russian draft resolutions of the UN General Assembly on the investigation of cases of the use of chemical and biological weapons.....76

OUR RESPONSE TO CHAMBERLAIN

*Statement of the Russian MFA on Russia’s withdrawal from the Council of Europe.....78

*Decree of the President of the Russian Federation “On a special procedure for the fulfillment by foreign buyers of obligations to Russian suppliers of natural gas”.....79

UNHAPPENED IN INTERNATIONAL LAW

*About a new rubric of our Journal.....82

*Draft Non-Aggression Pact of the Genoa Conference.....83

*Draft agreement between the Russian Federation and the United States on security guarantees.....84

*Draft agreement on measures to ensure the security of Russia and NATO member states.....86

INTERNATIONAL LEGAL POETRY

*Poems of the first President of Guinea, Sekou Toure. To the 100th anniversary of the birth.....89

*Poems of the first President of Angola, Agostinho Neto. To the 100th anniversary of the birth.....98

INTERNATIONAL LEGAL JOKE

Laughter in the hall of the Nuremberg Tribunal.....102

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОЙ ЮБИЛЕЙ

К 100-летию Генуэзской конференции

МЕЖДУНАРОДНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ В ГЕНУЕ 1922 ГОДА: ВОПРОСЫ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ, ДИПЛОМАТИИ И МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА

Мезяев А.Б.

Аннотация. В статье рассматриваются некоторые вопросы стратегии и тактики делегации РСФСР на международной конференции в Генуе в апреле – мае 1922 года. Анализируются особенности позиции России и основных империалистических государств и степень их реализации. Молодая советская дипломатия сумела поставить верные цели и задачи, и сумела, как не допустить экономической зависимости, планируемой основными западными участниками, так и прорвать ещё одно «звено» империализма и открыть дорогу для признания и заключения равноправных международных договоров. Опыт РСФСР на Генуэзской конференции имеет значение и столетие спустя, ибо цели империалистических стран в отношении России остались прежними. Таким образом, изучение данного опыта представляет собой одну из актуальных задач и для современной России.

Ключевые слова: международная конференция; Генуэзская конференция; дипломатия; империализм; империалистические государства; суверенитет России.

Abstract. The article deals with some issues of strategy and tactics of the delegation of the Soviet Russia at the international conference in Genoa in April-May 1922. The features of the position of Russia and the main imperialist states and the degree to which they have been implemented are analysed. The young Soviet diplomacy was able to set the right goals and objectives and was able to prevent the economic dependence planned by the main Western participants as well as to break through yet another “link” of imperialism’s chain and open the way for the recognition and conclusion of international treaties on the equal basis. The experience of the Soviet Russia at the Genoa Conference is also significant a century later, because the goals of the imperialist countries in relation to Russia have remained the same. Thus, the study of this experience is one of the urgent tasks for modern Russia.

Key words: international conference; diplomacy; Genoa Conference; imperialism; imperialist states; Russian sovereignty.

10 апреля – 19 мая 1922 года в Итальянской Республике проходила одна из важнейших международных конференций XX века, вошедшая в историю под названием Генуэзской. Её участниками были 29 государств (34 - если считать пять британских доминионов).

Среди приглашённых была Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика (РСФСР). Следует, однако, иметь в виду, что конференция проходила за семь месяцев до создания Союза ССР. Создание СССР уже шло полным ходом и не случайно, что на первую международную конференцию в составе делегации РСФСР были включены представители государств - будущих участников Союза (Белоруссия, Бухара, Хорезм, Армения, Азербайджан, Грузия и Украина).

Интересно, что Генуэзская конференция стала в определённом смысле катализатором ускорения процесса создания СССР.¹ Так, в записке членам Политбюро ЦК РКП(б) от 13 января 1922 года, И.В.Сталин писал:

«В связи с вопросом о составе и полномочиях нашей делегации на европейскую конференцию встаёт вопрос о наших независимых республиках (как советских, так и о ДВР). На конференции впервые придётся столкнуться с вопросом о границах РСФСР и о юридических взаимоотношениях между независимыми республиками и РСФСР. Несомненно, что наши противники постараются вскрыть при этом всю неопределённость и противоречивость в этих взаимоотношениях, найдут щели и попытаются сделать невозможным единство дипломатического фронта между РСФСР и независимыми республиками, обойдут вопрос (как обходят они вопрос о приглашении Японии), предоставив её на съедение Японии и не считая её связанной СССР и вообще попытаются использовать всю несообразность в наших отношениях с независимыми республиками с точки зрения юридической для того, чтобы поставить нас в неловкое положение.

Считаясь с обрисованной высшей нежелательной перспективой и исходя из необходимости установления единства дипломатического фронта, некоторые товарищи предлагают добиться в кратчайший срок объединения всех независимых республик с РСФСР на началах автономии.

Вполне разделяя эту последнюю точку зрения, считаю, однако, что для её проведения в жизнь потребуется серьёзная подготовительная работа, требующая более или менее длительного срока (я имею в виду особенно ДВР, Хорезм, Бухару, Украину), между тем, как нам нужно быть готовыми уже через месяц».²

¹ В научной литературе советского периода установление сотрудничества советских и народных республик во внешнеполитической области и образование единого дипломатического фронта называлось второй фазой объединения республик в процессе создания СССР (см.: Якубовская С. Объединительное движение за образование СССР. М. 1947. С. 145).

² Сталин. Труды. Том 18. Декабрь 1921-июль 1922. Москва Прометей инфо. 2021. С. 59-60.

Ввиду столь сжатых сроков И.В.Сталин предлагает иное решение, которое и было реализовано.³ Накануне Генуэзской конференции состоялось совещание представителей советских и народных республик и Дальневосточной Республики, на котором их полномочные представители подписали специальный документ, в котором поручали РСФСР обеспечивать на конференции интересы соответствующих субъектов [2, с. 258].

Определённый интерес представляет, в том числе, с точки зрения международного права (прежде всего, с точки зрения признания государств и правительств), вопрос о возможном участии в Генуэзской конференции «белых правительств». Белая эмиграция пыталась сорвать конференцию или атаковать Россию во время её проведения. Так, например, до начала Генуэзской конференции т.н. «Русский торгово-промышленный союз» пытался оказывать давление на ряд государств, которые были готовы к признанию советского правительства: «подготовительные работы к Генуэзской конференции показали, что некоторые западноевропейские державы становятся на путь признания большевиков правительством России. Такой акт явился бы соглашением не с русским народом, а с отдельной политической партией, приведшей Россию к гибели и разорению». Белая эмиграция весьма специфически оценила и позицию США. Тот же союз в письме государственному секретарю США выражал властям США «глубокую благодарность за то, что своим отказом участвовать в Генуэзской конференции, оно подтвердило неизменность тех позиций, которые неоднократно отстаивались им в отношении России».⁴ Вторая фаза белогвардейских атак пришлась на время проведения самой конференции.

³ Постановление Политбюро ЦК РКП(б) гласило: «Принять предложение т. Сталина с дополнениями т. Троцкого». (Дополнение Троцкого касалось возложение на председателей ЦИК республик обязанности «запасти» полномочиями от своих Ц.И. для подписания договоров, соглашений и пр.).

⁴ Цит. по: Романовский, Генуэзская конференция и белая эмиграция. Вестник Народного комиссариата по иностранным делам. 1922. № 6. С. 51-52.

Так – на протяжении полутора месяцев – ежедневно выходили советские газеты.

Генуэзская конференция – главное событие текущего момента

Цели и задачи Советской России определялись как внутренним, так и внешним положением страны. Поэтому стратегия и тактика советской делегации в Генуе определялись положением империалистических государств (каковых в начале XX в. было шесть),⁵ противоречиями в их лагере и их позицией (как общей, так и особенной) в отношении России.

Как известно, главой делегации РСФСР на Генуэзской конференции был В.И. Ленин (хотя он и не выезжал в Геную). В этой связи представляет интерес позиция Ленина касательно стратегии и тактики делегации Советской России на этой международной конференции. Так, он полностью одобрил положения, содержащиеся в письме наркома иностранных дел Г.В. Чичерина в его письме, направленном Ленину 10 марта 1922 года. Председатель СНК сделал ряд одобрительных помет в отношении ряда важных тезисов Чичерина. Так, советских наркоминдел выдвинул тезис о «новизне международной схемы» Советской России в отношении народов Африки и других колониальных народов, которых предлагалось рассматривать как равных участников в международной дипломатии (помета Ленина: «Верно!»). Отсюда – и идея выдвинуть в Генуе предложение о Всемирном Конгрессе с участием всех народов земного шара на почве полного равенства, на основе провозглашения права на самоопределение и права на полное отделение. При этом Чичерин подчеркивал, что целью Конгресса должно стать не принуждение меньшинства, а полное соглашение и «действие моральным авторитетом», при этом предлагалось, что Конгресс сформирует технические комиссии для «проведения нашей широчайшей экономической программы мирового восстановления» (помета Ленина: «Именно!»).⁶

Что касается позиции западных стран в отношении Советской России можно выделить два её аспекта: во-первых, наличие весьма существенных особенностей в позиции различных

⁵ В своей работе «Империализм как высшая стадия капитализма» В.И. Ленин убедительно доказывает, что к 1916 году в мире существовали следующие империалистические государства: Россия, США, Великобритания, Франция, Германия и Япония.

⁶ Ленинский сборник. Т. XXVI. С. 451-455.

империалистических стран в отношении России и, во-вторых, наличие и их общей позиции. В самых общих чертах она была сформулирована наркомом иностранных дел РСФСР Г.В.Чичериным, который писал, что у правительств империалистических стран создалось впечатление о том, что советская власть «переродится» в буржуазную власть, причём, это произойдёт «само собой». Именно такой подход был положен в основу позиции британского премьера Ллойда Джорджа и руководителей других империалистических акул и в Генуе. Чичерин объяснил подчеркнуто любезное отношение руководства западных стран этим ложным представлением. Получалась комичная картина, когда империалистические страны восприняли согласие России принять участие в конференции как «возвращение блудного сына».⁷

Интересен и масштабный взгляд И.В.Сталина, который выделил три основные стороны, на которые советская делегация в Генуе должна была «оглядываться». Этими сторонами генеральный секретарь ЦК РКП(б) выделял: «ллойджорджевцев»; «мелкобуржуазно (пацифистски) настроенных рабочих масс Европы и Америки» (с уточнением: «их большинство!»); и «коммунистически настроенных рабочих».⁸

Изучение подготовительных материалов советского правительства к Генуэзской конференции показывает, что «чрезвычайно предупредительного» к себе отношения не ожидалось. Так, из переписки В.И.Ленина с Г.В.Чичериным видно, что, на самом деле, готовились к самым жестким вариантам, включая срыв конференции. Ленин инструктировал Чичерина применить всё его дипломатическое искусство, чтобы успеть огласить советскую программу ясно и громко «до разгона»,⁹ если же огласить не дадут, то напечатать с протестом. В постскрипуме Ленин предложил также ряд иных возможных тактических инициатив, направленных на то, чтобы по выражению самого Ленина «осрамить и оплевать» капиталистов, хотя и сделать это «по-доброму».¹⁰

Позиция советской делегации на Генуэзской конференции определялась целями империалистических государств. Как сформулировал её в статье «Пять лет красной дипломатии» в ноябре 1922 г. Г.В.Чичерин - перед советской дипломатией стояла следующая дилемма: будет ли обеспечено независимое развитие Советской России посредством использования иностранного капитала, или Россия окажется во власти этого капитала [10, с. 230]. Отсюда и задача «ультимативно» стоять на страже советского характера РСФСР и экономического строя России [10, с. 205].

Ставились и другие важнейшие цели, в частности, признание правительства РСФСР *de jure*. Заключение международных договоров должно было основываться на «полном юридическом признании ... правительства России». В российском меморандуме, представленном во время конференции, в частности, отмечалось, что «практически нетрудно будет достигнуть соглашения по вопросам условий работы иностранцев в России и гарантии их личности и имущества», однако «она не может не обратить самого серьёзного внимания на то, что законодательные и административные мероприятия советского правительства только тогда смогут дать действительно надёжную гарантию иностранному капиталу, как внутри России, так и в международных отношениях, когда это правительство будет признано *de jure* и его права и компетенции не смогут оспариваться ни с чьей стороны» [2, с.34].

Интересно, что некоторые советские руководители утверждали перед конференцией, что добиться признания в Генуе не получится. Так, Карл Радек, занимавший в то время должность члена Исполкома Коминтерна, в записке на имя В.И.Ленина¹¹ утверждал, что любые

⁷ Такое отношение вполне объяснимо с позиций ленинского вывода о составе империалистических государств к 1916 году, имея в виду выход Российской империи из узкого состава империалистических государств.

⁸ Сталин. Труды. Т. 18. С. 110.

⁹ Ленин В.И. Письмо Г.В.Чичерину // Ленинский сборник. М., Государственное издательство политической литературы. 1959. Т. XXXVI. С. 455.

¹⁰ Речь, в частности, идёт о предложении РСФСР об отмене всех военных долгов и пересмотре Версальского и всех военных договоров.

¹¹ Записка адресовалась Ленину, Троцкому, Сталину, Зиновьеву, Каменеву, Чичерину, Литвинову, Красину и Раковскому. Четверо последних – члены делегации РСФСР на Генуэзской конференции.

надежды на признание Советского правительства во время конференции «вполне тщетны».¹²

Однако несмотря на столь категорические предсказания К.Радека, цель признания хотя и не была достигнута полностью, но деятельность российской делегации в Генуе существенно приблизило её достижение. Особенно значимым здесь, конечно, стало заключение договора с Германией в Рапалло. Интересно, что РСФСР выдержала тот мощный прессинг и даже угрозы со стороны главных империалистических держав (особенно Франции) в связи с заключением договора, в то время, как Германия была готова сдаться. Делегация Германии даже обратилась к Чичерину с просьбой вернуть её текст договора, однако получила категорический отказ.

Кстати, и другие предсказания К.Радека оказались столь же неудачными. В той же докладной записке он утверждал, что требование признания советской власти выдвигается Британией «как дипломатический акт против Франции», причём «на деле Англия всегда уступала Франции, когда получала за уступки в русском вопросе компенсации» и что без французского одобрения Британия не посмеет признать РСФСР.¹³ Однако Генуэзская конференция и заключение Рапалльского договора положили начало «полосе» признаний, которая среди империалистических государств началась в 1924 году именно с Англии. Франция оказалась самой последней в списке основных двенадцати государств, признавших Советскую Россию в этом году.¹⁴

Наконец, стоит отметить и ещё один ошибочный вывод К.Радека касательно расклада сил в Генуе. Так, он утверждал о том, что Генуэзская конференция не является международной конференцией и сводил всё лишь к этапу англо-французского противостояния, в котором то или иное их отношение к восстановлению России или Германии обусловлено ролью этих стран во франко-британской конкуренции.¹⁵ Тем не менее, советская делегация, хотя и учитывала англо-французские противоречия, прежде всего, исходила в своей деятельности на конференции из западного враждебного единства по отношению к России.

Экономическими целями России на Генуэзской конференции была попытка получить западные кредиты [5, с. 39-41]. При этом советское правительство было готово предоставить Западу весьма заманчивые предложения. Так, в своей речи на первом пленарном заседании Г.В.Чичерин утверждал, что экономическое восстановление России, как самой крупной страны Европы, является обязательным условием экономического восстановления для всего континента. Эту идею он развил далее, когда заявил, что идя навстречу западным странам, Россия выражает готовность «открыть свои границы для международных транзитных путей» [10, с. 209].

Весьма любопытные факты экономической ситуации данного периода. В 1916-1920 гг Англия, Франция, Германия и Италия производили на 25 млн. тонн хлеба меньше, чем до войны. Таким образом, потеря для этих стран обычного ввоза 8 млн. тонн хлеба в год из России представляло для них серьёзный продовольственный кризис. Как актуально сегодня звучит описание ситуации, сложившейся в Европе и мире сто лет назад!

Секретарь советской делегации в Генуе Б.Е.Штейн отмечал, что делегация РСФСР сразу же заявила, что в Геную она прибыла для «купеческих переговоров». Хотя делегация и намекала на то, что коммунисты знают лишь одно средство спасения от всех зол (имея в виду социалистическую революцию), но внесла исключительно такие предложения, которые теоретически были осуществимы в рамках и капиталистической системы. Штейн утверждал, что в отношении своих предложений российской делегация с самого начала не питала никаких иллюзий, не верила, что они на деле будут приняты буржуазными правительствами. В то же время, он подчеркивает, что буржуазная Европа, «сама не имевшая никакой экономической программы восстановления разрушенного хозяйства, не могла отвергать российской экономической программы и промолчала» [9, с. 24].

¹² Радек К. Докладная записка «Генуэзская конференция и задачи РСФСР» от 7 марта 1922 г. // Коммунистический интернационал и идея мировой революции. М., Наука. 1998. Документ № 99. С. 353.

¹³ Радек К. Указ. соч. С. 354-355.

¹⁴ Англия, Италия, Швеция, Дания, Норвегия, Греция, Китай, Франция.

¹⁵ Радек К. Указ. соч. С.353.

Позиция РСФСР на Генуэзской конференции базировалась на принципиальных подходах и прочных аргументах. С особенностями этой позиции лучше всего можно ознакомиться через ответ российской делегации на т.н. Лондонский меморандум западных стран. Российская делегация представила на него весьма подробный ответ, в котором содержатся ценные разъяснения, которые позволяют более точно уяснить её мотивацию при принятии тех или иных требований Западных стран или их отклонения.

Так, излагая свою общую позицию по самим условиям будущей работы конференции, советская делегация обратила внимание на то, что позиция европейских правительств дефектна по своей сути. Для решения тех целей и задач, которые были официально провозглашены, главное внимание следовало бы уделить вопросу о средствах, необходимых для поднятия производительных сил России, а не способам удовлетворения претензий кредиторов России: «Перед грандиозными заданиями восстановления хозяйственных отношений Европы, разрушенных войной, послевоенной политикой и небывалым кризисом, и ухудшением быта широких трудовых масс, должны отойти на задний план претензии частных лиц в отдельных странах, хотя бы самые справедливые». При этом, русская делегация заявила, что готова выслушать все те пожелания, которые будут предложены другой стороной в развитие и укрепление указанных гарантий, придавая самое серьёзное значение созданию условий, наиболее благоприятных для иностранного капитала.

Делегация РСФСР также обратила внимание на то, что ряд требований, касающихся положения иностранного капитала в России, «резко отступают от параграфа первого каннских резолюций, стремясь навязать России определённое внутреннее законодательство, чуждое её нынешнему строю, и, под предлогом создания условий “успешной работы” иностранного капитала, ввести в России систему капитуляции, покушающуюся на её суверенитет». Среди таких выходящих за рамки Каннских условий, требований, была, например, статья 24 Лондонского меморандума, которая имела целью установить «судебную экстерриториальность иностранцев», создать некую «комиссию русского долга», которая стала бы, по сути, органом «иностранного контроля над всей хозяйственной жизнью России, подобно установленной Версальским договором репарационной комиссии».

Советская делегация на Генуэзской конференции заняла достаточно определённую позицию в отношении любой ответственности «за те разрушения иностранного имущества, которые произошли от экономического кризиса, вызванного войной и её последствиями, или вследствие оставления имущества уехавшими за границу владельцами его, а также от разорения иностранного имущества во время союзной интервенции и гражданской войны, поддерживаемой союзными правительствами».

Было обращено внимание на тот факт, что планомерные действия самой Советской власти (национализация орудий производства или реквизиция имущества, принадлежащего иностранцам), не возлагают на неё обязанности компенсации. В советском меморандуме отмечалось, что «союзные правительства, а под их давлением и правительства нейтральных стран, враждебно встретили самый факт советского переворота и отказались вступить с новым русским правительством в официальные отношения ещё до того, как им были приняты первые меры по национализации. Ими не было сделано ни малейшей попытки войти в соглашение с Советской властью для защиты интересов их сограждан. Несмотря на то, что в тех случаях, когда отдельные представители иностранных правительств вступали сношение с Советской властью для защиты интересов их сограждан, там, где это оказалось возможным, правительством РСФСР были приостановлены реквизиции имущества и был возмещён целый ряд убытков. Также некоторые иностранные заводы, владельцы или управляющие которыми вошли в определённый контакт советским правительством, не были национализированы и работают до сих пор на началах их частной собственности. Вместо того, чтобы озаботиться защитой интересов своих граждан при происходившем социальном перевороте в России, иностранные правительства (как воюющих, так и нейтральных стран) отзывали не только своих дипломатов, но и частных лиц. Иностранное имущество оказалось брошенным на произвол судьбы, «что угрожало серьёзной опасностью промышленности страны, ввиду

того, что ряд иностранных предприятий имел исключительно важное значение для общего хозяйства России» [2, с. 35-36].

Важнейшим предложением для западных правительств было заявление о том, что Советская власть готова на взаимное возмещение убытков: «Правительство РСФСР, желая найти почву для соглашения и восстановления деловых сношений с иностранным капиталом, готова признать за пострадавшими иностранными гражданами право на возмещение убытков». Однако было названо «непременное» условие соблюдения взаимности. Советское правительство противопоставило убыткам иностранных граждан от действий Советской власти убытки России от разорения её союзными войсками и поддерживавшимися ими русскими белогвардейцами. Оно выразило согласие «рассмотреть те и другие и возместить убытки, если счёт будет не в его пользу» [2, с. 38].

Позиция РСФСР по т.н. военным долгам заключалась в следующем. Такие долги представляют собой «запасы военного снабжения, изготовлявшегося на заводах союзных стран и посылавшегося на русский фронт для обеспечения успеха союзных армий. Русский народ принёс в жертву общим союзным военным интересам больше жизней, чем все остальные союзники вместе; он понёс огромный имущественный ущерб и, в результате войны, потерял крупные и важные для его государственного развития территории. И, после того, как остальные союзники получили по мирным договорам громадные приращения территории, крупные контрибуции, с русского народа хотят взыскать издержки по операции, принесший столь богатые плоды другим державам».

Российская делегация призвала всех участников Генуэзской конференции «оценить всю непоследовательность и необоснованность подобного требования» и самым категорическим образом отклонила вообще предъявленные счета по военным долгам «как недопустимую попытку взвалить на плечи разорённого русского народа значительную долю военных расходов союзных держав» [2, с. 39].

Россия заявила, что не признаёт т.н. военные долги по следующим причинам:

Во-первых, потому что все они были сделаны на военные поставки и, следовательно, целиком служили целям общей войны. Кроме того военные материалы, поставляемые России Западной Европой и Америкой, были «никуда не годными».

Во-вторых, потому что империалистическая война, в которой царская Россия принимала участие на стороне союзников, была своего рода сделкой, на основании которой все участники «этого общего предприятия» несли тяготы, но в случае успеха должны были получить и определённые выгоды. «Царская Россия в этой войне, не говоря уже о цене крови, материально затратила суммы, во много раз превышающие её военные долги, а убитыми, ранеными и умершими от эпидемии потеряла гораздо больше своих союзников. В случае успеха, России в этой сделке были обещаны большие контрибуции, Константинополь, Дарданеллы, Восточная Галиция и т.д. и т.п.». Российский меморандум отмечал, что союзники, действительно получили все те выгоды, к которым стремились», в то время, как Россия не только ничего не получила, но и потеряла часть своей территории.

«Верните нам обещанные громадные контрибуции, Дайте нам обещанные территории; Мы, конечно, не империалисты, мы против аннексий и контрибуций. Может быть, мы вернём контрибуции тем народам, от которых они получены; может быть, мы передадим Восточную Галицию украинскому народу, а Константинополь и Дарданеллы - турецкому. Но это наше дело, а не ваше. Нет никаких оснований, чтобы вы владели всем этим. Во всяком же случае только после того, как вы исполните все ваши военные обязательства, данные царскому правительству, может идти речь о том, чтобы Советская Россия платила военные долги царского правительства» [2, с. 44]

О том, насколько «чудовищно велики» предъявленные России требования, видно, например, из следующих данных: «Царское правительство платило ежегодно перед войной по

Казанский журнал международного права и международных отношений № 13 (2022)

своим долгам сумму, равную 3% всего чистого или ежегодного национального дохода и около 13% всего государственного бюджета. Меморандум экспертов считает возможным требовать от России уплаты через пять лет такой суммы, которая равна около 80% всего теперешнего государственного бюджета России, причём уплата должна производиться странам, ежегодный национальный доход которых на душу населения в семь-восемь раз больше национального дохода России».

Принципиальная позиция российской делегации по вопросам долгов сводилась к следующему: России признаёт эти долги при условии взаимности, то есть при условии признания противниками всех контрпретензий РСФСР и дружественных с ней советских республик. Что касается возмещения убытков частных лиц-иностранцев, пострадавших от революционных мероприятий в России, то делегация РСФСР категорически отказывалась даже обсуждать этот вопрос, доказывая, что право экспроприации буржуазных фабрик и заводов в руки рабочих и крестьян есть бесспорное право победившей революции. Именно против этого права революции восставал весь буржуазный мир, именно для того, чтобы заставить Советскую власть отказаться от этого права, весь буржуазный мир четыре с лишним года вёл ужасную войну против Советской России. И было бы чрезвычайно странно, если бы Советская Россия теперь добровольно признала то, что весь буржуазный мир не смог заставить её признать силой.

Делегация РСФСР в Генуе

НОТА РОССИЙСКОЙ ДЕЛЕГАЦИИ**(контрпредложения по поводу параграфов 1-7 Лондонского доклада)**

При условии оказания России немедленной и достаточной помощи и признание *de jure* Российского Советского Правительства.

1. Российское правительство объявляет себя готовым платить по финансовым обязательствам бывшего русского царского правительства, заключённым им до 1-го августа 1914 года, по отношению к иностранным державам и их подданным.

Однако признаётся, что право предъявлять иски на основании настоящей статьи будут иметь те, кто являлся законными держателями подобных облигаций раньше марта 1917 года.

Примечание А: Настоящая статья не относится к государству, у которых с Россией имеются неулаженные ещё территориальные конфликты.

Примечание Б: Вопросы, затронутые в примечании к статье первой Лондонского меморандума будут переданы на рассмотрение политической комиссии.

2. Российское правительство предпишет местным русским властям признать финансовые обязательства, заключённые ими по отношению к державам и их подданным.

Не подходят под смысл выше помещенного параграфа обязательства, заключённые после 7 ноября 1917 года местными властями, которые, во время заключения этих обязательств, не находились под контролем центрального советского правительства.

3. Российское правительство объявляет себя готовым восстановить иностранцев в правах пользования их бывшими, национализированными или реквизированными, имуществами в случаях, когда это будет возможно в силу социально-экономической системы и основных законов Российской республики, то есть предоставить им преимущественное право при получении на концессионных началах или в аренду их бывших имуществ или дать им предпочтение в отношении участия в обществах или трестах, в случае, когда их бывшие имущества составляют часть актива этих обществ или трестов, причём формы этого пользования будут определены на срок и в условиях, имеющих быть установленными особо в каждом отдельном случае. Российское правительство также расположено удовлетворить претензии иностранцев бывших собственников, которые будут признаны им справедливыми и не противоречащими вышеуказанному условию, путём свободного соглашения между российским правительством и бывшими собственниками или другим путём, который сможет быть установлен во время конференции.

4. Недоимки по процентам и проценты сроком платежа впредь до окончания мораториума, равно как и погашение долгов и всевозможных обязательств, предусмотренных в статьях 1 и 3, будут аннулированы.

5. Со своей стороны, державы объявляют себя готовыми вернуть России принадлежащую ей и находящуюся за границей собственность всякого рода (например, драгоценные металлы, недвижимости, суда), а также урегулировать все свои финансовые обязательства и обязательства своих подданных, заключённые ими по отношению к Российскому правительству.

Примечание: Державы обязываются оказывать всякую необходимую помощь с целью обеспечить выполнение настоящей статьи, а именно

сделать возможным доступ к банковым книгам и так далее.

6. Возобновление платежей, вытекающих из финансовых обязательств, принятых на себя российским правительством в силу статей 1,2 и 3 включая и уплату процентов, начнётся через тридцать лет со дня подписания настоящего соглашения.

Западные страны (Англия и большинство государств Европы) согласились не требовать от Советской России непереносимого возвращения бывшей иностранной собственности в натуре. Однако с этим категорически не соглашалась Бельгия, чей капитал был более всего заинтересован в России. Не согласилась с этим и Франция, которая, кроме тех же причин материального характера имела ещё и причины принципиального плана: во-первых, из стремления ещё прочнее привязать к себе Бельгию против Англии, и во-вторых, как верная защитница крайних буржуазных позиций [9, с. 51]. В итоге компромисс, предложенный Россией, принят не был.

В западной литературе встречается упоминание о попытках среди членов делегации РСФСР отойти от данных им инструкций в Москве. Так, Ф.Конт в своей книге «Революционер-дипломат Христиан Раковский»¹⁶ утверждает, что когда Чичерин, Раковский и Красин «намекнули, что готовы пойти на уступки в вопросе о национализированной собственности, Литвинов¹⁷ немедленно «донёс на них Ленину». Конт пишет далее, что Ленин «тотчас призвал их к порядку и сделал это весьма сурово: он не постеснялся пригрозить им тем, что публично «дезауирует» их и снимет со своих постов, если они проявят на этот счёт ещё хотя бы одно колебание, даже самое незначительное».¹⁸

Данная ситуация, действительно, имела место, хотя и изложена данным автором несколько упрощённо. В апреле 1922 г. Г.В.Чичерин передал особое мнение члена делегации Л.Б.Красина, которая состояла в следующем. Переговоры зашли в тупик, добиться соглашения и получить заем на основе директив ЦК невозможно. Следует пойти на серьезные уступки:

1) Признать довоенные долги без процентов, (что составило бы сумму не свыше 8 млрд золотых рублей)

2) Признать возможной единовременную компенсацию за убытки всех частных лиц и фирм в размере 3-4 млрд золотых рублей

3) На эту сумму выпустить заем, распределив облигации между бывшими владельцами

4) Уплату всей суммы обусловить признанием союзными державами Советского правительства *de jure* и официальным обещанием их правительств оказать содействие организации кредита Советской России.

Передавая данный план Красина, Чичерин указывал, что союзники согласны говорить конкретно о предоставлении Советской России кредита лишь после согласия Советского правительства на компенсацию всем иностранцам-бывшим собственникам.

В другой телеграмме из Генуи, на этот раз от М.Литвинова говорилось, что представители держав Антанты в случае, если Советское правительство согласится удовлетворить претензии частных собственников, выдвигают план создания международного консорциума в целях помощи Советской России, а также оказания ей кредита, организации экспорта железнодорожных и других материалов, направления в Россию технического персонала и др. Литвинов предлагал не рассчитывать на немедленное получение займа, указывая, что это возможно только в том случае, если будет достигнуто соглашение по вопросу о компенсации собственников-иностранцев. В следующей телеграмме Литвинов писал, что западные страны «до признания нами принципа компенсации для всех собственников иностранного имущества в России... решительно отказываются даже обсуждать детали кредитов».

В начале мая Политбюро ЦК получило новые телеграммы Чичерина, в которых

16 Conte F. Un révolutionnaire-diplomate: Christian Rakovski. L'Union soviétique et l'Europe (1922-1941). Mouton. Paris. 1978. На русском языке книга издана в 1991 году под названием «Революция и дипломатия. Х. Раковский».

17 Редактор русского издания данной книги уточняет, что «донёс» не Литвинов, а Рудзутак.

18 Конт Ф. Революция и дипломатия. Х. Раковский. М.: Международные отношения. 1991. С. 72.

содержалось предложение, чтобы, наряду с провозглашением незыблемости права на экспроприацию частной собственности, Советское правительство заявило, что в связи с необходимостью получения кредита оно согласно на денежную компенсацию частных собственников путем выпуска советских государственных бон, погашаемых через десять лет.

Уже после первых тревожных «ласточек» из Генуи, В.И.Ленин направляет письмо И.В.Сталину:

Телеграмма Рудзутака с протестом против письма, посланного Ллойд Джорджу, показывает, по-моему, что Чичерин либо уже сделал, либо вполне способен сделать несомненную ошибку и нарушить директиву ЦК. Ошибка именно в том, что Чичерин, ничего практического не достигая, может лишить нас единственного, вполне выгодного, принципиально важного и дающего в дальнейшем верный выигрыш объяснение разрыва: именно разрыва из-за несогласия восстановить частную собственность иностранных капиталистов. Поэтому предлагаю опросить Сегодня же по телефону членов политбюро и послать от моего имени следующую телеграмму:

ЧИЧЕРИНУ для всех членов делегации

Считаю мнение Рудзутака, выраженное в его телеграмме от 22 апреля, вполне правильным. Считаю очень опасной ошибкой всякий шаг и всякую фразу, способные отнять у нас единственный выгодный предлог разрыва, обеспечивающий притом нашу полную дипломатическую и коммерческую победу в самом недалёком будущем, именно тот предлог, что мы безусловно не согласны восстановить частную собственность заграничных капиталистов.

Повторяю ещё раз, что мы сообщили вам совершенно точный текст наших предельных уступок, от которых не отступим ни на йоту. Как только выяснится полностью, что на этих уступках соглашение невозможно, уполномочиваем вас рвать, сохраняя для агитации и для дальнейшего дипломатического наступления два козыря:

1)Принципиальное значение русско-германского договора.

2)Наше расхождение по вопросу о восстановлении собственности капиталистов».¹⁹

2 мая 1922 года Политбюро ЦК РКП(б) обсудило новый проект В.И.Ленина телеграммы Г.В.Чичерину. Записка Ленина гласила:

*В виду неслыханных позорных и опасных колебаний Чичерина и Литвинова (не говоря о Красине) предлагаю **огреть***

Мой проект:

Крайне жалею, что и Чичерин и частью Литвинов скатились до нелепостей Красина. Ввиду таких колебаний предписываем делегации безусловно порвать, и как можно скорее, причем ясно и точно мотивируйте несогласием восстанавливать частную собственность и заявить, что лишь на условии очень выгодного и немедленного мы согласились на частичные уступки, стоя безусловно на договоре, как равного с равным, между двумя системами собственности. (В случае малейших ещё колебаний дезавуируем публично в ЦИКе и уволим от должности.) Открытая телеграмма Литвинова ясно показывает, что нас

¹⁹Письмо [В.И.Ленина] И.В.Сталину для членов Политбюро ЦК РКП(б) с проектом телеграммы Г.В.Чичерину // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Изд. 5, т. 45. С. 164-165.

хотят надуть.²⁰

В постскрипуме Ленин добавляет: «На поправку Сталина удалить угрозу дезавуирования не согласен». Действительно, И.В.Сталин предложил три поправки к проекту ленинской телеграммы: во-первых, снять фразу о дезавуировании, во-вторых, слово «нелепостей» в первой фразе телеграммы заменить словом «ошибок», и в третьих, закончить текст телеграммы словами: «Цека категорически требует выполнения этой директивы». Все предложения Сталина были приняты...

Для западных стран Генуэзская конференция закончилась без каких-либо реальных результатов. Хотя на ней и были приняты некоторые важные решения (например, о восстановлении так называемого «золотого стандарта»), однако главная цель (экономическое восстановление Европы) достигнута не была. Чичерин называл итоги Генуэзской конференции «провалом». При этом, нарком по иностранным делам РСФСР имел в виду как Запад, так и Россию. Для Запада, Генуя была «кульминационным пунктом программы **мирного капиталистического внедрения в Россию**»²¹ и этого ему не удалось.

Данная оценка Чичерина вполне оправдана, если учитывать те задачи, которые он сам сформулировал накануне конференции. В своей записке «Дополнительные соображения по вопросу о тактике российской делегации в Генуе», нарком иностранных дел писал так: «Из материалов хозяйственных Комиссариатов я убедился, что в данный момент действительное восстановление нашего транспорта, нашего сельского хозяйства и важнейших отраслей нашей промышленности невозможно без иностранного капитала. Генуя, в случае благоприятного исхода или хотя бы в случае разрыва не из-за нас, послужат во всяком случае началом притока к нам иностранного капитала, даст если не желаемые миллиарды, то хотя бы некоторые суммы путь к дальнейшему экономическому сотрудничеству с Западом» [5, с. 347].

С оценкой Г.В.Чичерина как «провала» был согласен и И.В.Сталин. При этом Сталин говорил о крахе не только Генуэзской, но и Гагской конференции (называя их «Генуей-Гагой»). Так, он, например, писал, что «крах Генуи – Гаги» показал, что иностранный капитал привлечь в Россию почти невозможно и, кроме того, не исключена возможность и военной интервенции.²²

Если оценивать достижение трёх главных задач, которые ставились делегации РСФСР в Генуе (признание *de jure*, аннулирование долгов, получение кредитов), то оценка Чичерина и Сталина вполне правомерна: ни одна из задач решена не была. (Хотя и возникает вопрос принципиальной возможности решения данных задач-максимумов именно во время самой конференции).

В то же время, вполне правомерны и другие оценки. Так, член делегации РСФСР в Генуе А.А.Иоффе еще до начала конференции в письме В.И.Ленину и другим руководителям страны²³ писал, что «нельзя упустить такой трибуны, как Генуя, не изложив нашей программы, тем более, что мы обязаны делать это в интересах мировой революции» [5, с. 339].

Секретарь российской делегации в Генуе Б.Е.Штейн говорил о «колоссальной победе» Советской России на Генуэзской конференции, имея в виду, что для Советской России конференция сыграла роль «глубокой разведки в тылу у неприятеля» [9, с. 26]. Он делал вполне обоснованный вывод: после Генуи мы стали знать слабые и сильные места противника лучше, чем до Генуи. Причём, работа российской делегации это была разведка боем! Если же включать в итоги Генуи также и Рапалло, то можно вполне говорить и о победе.

Профессор В.Ю.Катасонов говорит о положительных итогах Генуэзской конференции,

²⁰ Записки [В.И.Ленина] в Политбюро ЦК РКП (б) с проектом телеграммы Г.В.Чичерину // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Изд. 5, т. 45. С. 172.

²¹ Чичерин Г.В. Пять лет красной дипломатии // «Известия», 1922, № 252 (1691), 7 ноября.

²² Сталин И.В. набросок тезисов по вопросу объединения советских республик // Сталин. Труды. Т. 19. С. 23-24.

²³ На письме Иоффе имеется помета В.И.Ленина: «Строго секретно. Членам П[олит]бюро. Прошу пометить и вернуть мне. 22 февраля. Ленин». Из других членов Политбюро только И.В.Сталин сделал свою помету о прочтении.

отмечая, что в целом, в Генуе Россия сумела показать Западу, что она может «держат удары», что она не настолько слаба, как это казалось бывшим союзникам России накануне конференции [4, с. 115].

Эту сторону итогов Генуи, впрочем, признавал и сам Чичерин. Так, давая общее заключение по итогам конференции через несколько месяцев после её завершения, нарком писал:

«Российская делегация подверглась всем утонченным приемам зазывания и кокетства: как в известной притче сатана обещал Иисусу превращение камней в хлеба и господство над расстилавшимися перед его взором царствами, если Иисус поклонится сатане, точно так самые соблазнительные перспективы открывались перед Советской Россией в награду за признание господства капитала. Можно сказать, что именно в Генуе с наибольшей яркостью выдвинулся основной вопрос русской политики: подчинение капиталу, или самостоятельное развитие с его помощью, или, еще точнее, сделка, но не кабала. Именно поэтому формальным базисом всей деятельности российской делегации в Генуе была Каннская резолюция о равноправии двух противоположных экономических систем; равноправии, но не подчинении одна другой. Новое рабоче-крестьянское государство, возникшее в середине между передовыми странами Западной Европы и угнетенными странами Востока, консолидировалось и окрепло и выступило в Генуе как самостоятельная крупная мировая сила» [8, с. 230-231].

Другой член делегации РСФСР на Генуэзской конференции А.А.Иоффе признавал, что «если расценивать Генуэзскую конференцию только с точки зрения её реальных достижений, то значение её может быть очень невелико». С другой стороны, он отмечал, что значение ГК вовсе не в тех резолюциях, которые были ей приняты, а в той новой социально-политической обстановке, которая была ей создана. А.А.Иоффе писал, что при всем разнообразии интересов буржуазных государств и при взаимной вражде их между собой, Генуэзская конференция должна была служить самым разнообразным целям.

Генуэзская конференция с самого начала показала, что буржуазный мир устал от командования, от гегемонии Антанты и, в особенности, от гегемонии Франции. Она показала также, что весь мир устал и от Версальского мира, детища Вильсона и Клемансо, сохраняющего во всём мире послевоенную политическую и экономическую неустойчивость и порождающего тревогу новой мировой войны. Громадное большинство мировой буржуазии даже восторженно аплодировала всем миролюбивым заявлениям российской делегации и недвусмысленно показывало, что жаждет, наконец, полного покоя и действительной возможности зализывать тяжёлые раны последние мировой войны. Поэтому на Генуэзской конференции с каждым днём возрастали симпатии к миролюбивой политике Советской России и в той же мере росли антипатии по отношению к французской агрессивности и милитаризму. Буржуазный мир переориентировался, и те государства, которые недавно ещё ориентировались в сторону Франции, отшатнулись от неё и, пока ещё, медленно и неуверенно начали переходить на сторону Советской России.

В результате, Франция оказалась морально изолированной в Европе и осталась почти без союзников, во всяком случае, без сочувствующих. А моральный престиж Советской России чрезвычайно вырос. Если Англия в своей борьбе против Франции руководствуется такими же империалистическими интересами, как и последнее, и с этой точки зрения для пролетариата оба хуже, то в данной обстановке мировому пролетариату всё же гораздо выгоднее Победа английского либерализма над французским черносотенством, а не

обратно. Поскольку Генуэзская конференция содействовала этому, постольку она оказалась полезной революционному пролетариату.

Высший орган государственной власти (ВЦИК РСФСР) в постановлении по итогам работы советской делегации в Генуе отметил, что советские представители выполнили стоящие перед ними задачи верно, не поддались на «попытки закабаления»²⁴ населения России. К сожалению, впоследствии российская политика 1990-х годов продемонстрировала полную утрату всего того, что так мастерски отстаивалось дипломатией РСФСР, в том числе, на Генуэзской конференции. Россия выплатила долги западным странам, но не получила ничего из тех законных требований, которые она выдвинула в Генуе в 1922 году. Выплатила тем самым странам, которые финансировали интервенцию и гражданскую войну против России...

Отмечая вековой юбилей Генуэзской конференции, следует ещё раз обратиться к стратегии и тактике молодой советской дипломатии Российской Советской Социалистической Республики для решения сегодняшних проблем. Эти проблемы, во многом, схожие, и опыт РСФСР чрезвычайно полезен для их решения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Документы внешней политики СССР. М., Государственное издательство политической литературы. 1961. Т. 5
2. Иоффе А.А. (В.Крымский), Генуэзская конференция. М., Издательство «Красная новь» при Главполитпросвете. 1922.
3. История дипломатии. Под ред. Громыко А.А., др. Изд. 2. М., Издательство политической литературы. 1965.
4. Катасонов В.Ю., Генуэзская конференция в контексте мировой и российской истории. М., «Кислород». 2015
5. Коммунистический интернационал и идея мировой революции. М., Наука. 1998.
6. Любимов Н.Н., Эрлих А.Н. Генуэзская конференция. Воспоминания участников. М., Издательство института международных отношений. 1963. 157 с.
7. Романовский, Генуэзская конференция и белая эмиграция. Вестник Народного комиссариата по иностранным делам. 1922. № 6. С. 51-52.
8. Чичерин Г.В. Статьи и речи по вопросам международной политики. М., Издательство социально-экономической литературы. 1961. 516 с.
9. Штейн Б.Е. Генуэзская конференция. М. 1922.

²⁴ Постановление ВЦИК по отчёту советской делегации на Генуэзской конференции 17 мая 1922 г. // Документы внешней политики СССР. М., Государственное издательство политической литературы. 1961. Т. 5. Документ № 159. С. 383-386.

**ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ
МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА**

**ASSESSING THE RESPECTIVE MANDATES OF THE UN AND
AU IN THE MAINTENANCE OF INTERNATIONAL PEACE AND
SECURITY: PARTNERSHIP AND COOPERATIVE DIVISION
OF LABOUR OR COMPETITION?**

**Evelyne Asaala²⁵
Dire Tladi²⁶**

1. Introduction

The maintenance of international peace and security stands at the pinnacle of the infrastructure of modern international law. It is only in a peaceful and secure environment that other values, such as development and the protection of human rights can be realized. It is thus unsurprising that the maintenance of international peace and security is the foundational building block of the Charter of the United Nations (hereinafter the “Charter”).²⁷ The United Nations (hereinafter the “UN”), and in particular its Security Council, is generally acknowledged as the entity with the primary mandate for the maintenance of international peace and security.²⁸

Yet, while the UN has the primary responsibility and mandate for the maintenance of international peace and security, other entities also have *some* role in the maintenance of international peace and security. Indeed, the Charter envisages a role for “regional arrangements or agencies” in matters relating to maintaining international peace and security.²⁹ The precise contours of the role of other entities, however, are not at all clear. On the one hand, the Charter reserves for the UN a place for pre-eminence in the maintenance of international peace and security. Yet, on the other hand, it recognizes the role of other entities in the broader international peace and security project. This has the potential to cause tension between the UN and other entities. It raises the question, both as a doctrinal matter and as a matter of practice, whether the relationship between the UN and the entities provided for in Chapter VIII is governed by a cooperative division of labour or hampered by undertones of competition. The question of the nature of the relationship between the UN and Chapter VIII entities certainly arises especially in relation to the African Union (AU) which has an obvious role to play in the maintenance of international peace and security.³⁰ Both the AU’s constituent instrument and its

²⁵ **Evelyne Asaala** - Lecturer of Law, University of Nairobi, Member of the African Expert Group on International Criminal Justice in Africa.

²⁶ **Dire Tladi** - Professor of International Law, University of Pretoria; Member of the UN International Law Commission and its Special Rapporteur on Peremptory Norms of General International Law (*Jus Cogens*); Member of the *Institut de Droit International*.

²⁷ The objective of maintaining peace and security is ubiquitous in the Charter of the United Nations. For example, the very first preambular paragraph expresses the determination of the United Nations to “save succeeding generations from the scourge of war”, while the sixth paragraph expresses the commitment to “unite our strength to maintain international peace and security”. Similarly, the Articles 1 and 2 of the Charter on the purposes and principles of the United Nations, are replete with references to this objective. See Dire Tladi “The Use of Force in Self-Defence against Non-State Actors, Decline of the Collective Security System and the Rise of Unilateralism: Whither International Law?” in Mary Ellen O’Connell, Christian Tams and Dire Tladi *The Max Planck Trialogues on War and Peace: Volume I*, at 28 (Cambridge, 2019) (“It is not surprising that the first purpose, and arguably the most important purpose [of the United Nations], is the maintenance of international peace and security.”)

²⁸ UN General Assembly Resolution 60/1 of 16 September 2005, A/RES/60/1, para 80; See the President to the UN Security Councils’, and the then president of South Africa Jacob Zuma, speech in S/PV/6702, Security Council, 6702nd Meeting (2012) 3; Obijiofor Aginam “Turbulent Marriage or Peaceful Divorce? Forecasting the future Relationship of the PSC and the United Nations Security Council” *The African Union Peace and Security Council : A Five year Appraisal* (Eds Tim Murithi & Halleluja Lulie) Monograph No. 187 of 216

²⁹ See generally Chapter VIII of the Charter.

³⁰ Juliana Abena Appiah “Africa Peace and Security Architecture: Reflections on over a Decade of Promoting Peace

practice are testament to its significant role in the maintenance of international peace and security.

In its last month as member of the UN Security Council for the 2019/2020 tenure, South Africa used its Presidency to bring attention to this potential for cooperation between the African Union and the United Nations.³¹ During this debate, the Security Council adopted a Presidential Statement which, *inter alia*, “encourage[ed] the United Nations and the African Union to strengthen their efforts to coordinate their engagement in a mutually supportive manner, across the range of possible responses to conflict.”³² It also “expresses its willingness to continue its cooperation and collaboration with the African Union Peace and Security Council on issues of peace and security in Africa”.³³ Yet, even in this generally collaborative statement, there is a competitive undertone. For example, the Council “reiterate[d] its primary responsibility under the Charter for the maintenance of international peace and security” noting that any cooperation with the African Union is subject to the Charter of the United Nations.³⁴

Against the background of the opportunity for cooperative division of labour and the threat of competitive undertones, this article seeks to provide an assessment of the relational mandate of the UN and the AU in maintaining international peace and security. The analysis undertaken in this article is based on an assessment of the respective instruments of both organizations, doctrine and practice of the organisations. In particular, the article assesses the potential for both competitive and cooperative division of labour between the AU and UN. Our article is divided into four sections. After this introduction, the second section defines the respective mandate of the UN and the AU in maintaining international peace and security as outlined in their instruments. The third section identifies areas of potential conflict and also establishes the cooperation framework between the two institutions. Central to the purpose of this section is the identification of the scope and extent to which the two institutions corporate with each other in the exercise of their mandate. Finally, we offer some concluding remarks.

2. Defining the Mandates

2.1. The role of the UN in maintaining international peace and security

The role of the UN in the maintenance of international peace and security is undisputed. In its very first line, the preamble of the Charter of the United Nations powerfully sets out the purpose of the UN as being to “save succeeding generations from the scourge of war”. It commits the members of the UN to “unite [their] strengths to maintain international peace and security.” The purposes and principles of the UN, contained in Articles 1 and 2, are peppered with provisions that attest to the centrality of peace and security in the UN’s mandate. For example, Article 1 provides that the purpose of the UN is to “maintain international peace and security”. It further identifies the measures that it is to adopt in achieving this purpose, including the taking of collective action to remove threats to peace and to suppress acts of aggression. Moreover, the Charter states that the UN and its members are to act in accordance with a number of principles, all of which are intended to ensure a more peaceful world. Perhaps the most important of these principles is Article 2(4) of the UN Charter which prohibits the use of force, a prohibition that is generally accepted as a peremptory norm of general international law.³⁵ Under the Charter framework, save for exceptional cases of self-defence, only the

and Security in Africa” (2018) 47 *Africa Insight* 29; Norman Mlambo “Evolution of the Peace and Security Council of the African Union and the African Standby Force, Up To 2006” (2006) 36 *Africa Insight* 42.

³¹ See Press Release “Security Council Presidential Statement Urges Stronger Response to Conflict, Coordination between African Union, United Nations” (SC/143/71), 4 December 2020.

³² See Statement by the President of the Security Council (S/PRST/2020/11). It also “welcome[d] the African Union’s determination to rid Africa of conflicts and create conditions favourable for growth”.

³³ *Ibid.*

³⁴ *Ibid.*

³⁵ See, e.g. Mary Ellen O’Connell “Self-Defence, Pernicious Doctrines, Peremptory Norms” O’Connell, Tams and Tladi (above note 1), at 228 *et seq.*; See also Olivier Corten and Vaios Koutroulis “The *Jus Cogens* Status of the Prohibition on the Use of Force: What is its Scope and Why Does it Matter?” in Dire Tladi (ed.) *Peremptory Norms of General International Law (Jus Cogens)* (Forthcoming, Brill, 2021). See also International Law Commission’s Draft Conclusions on Peremptory Norms of General International Law (*Jus Cogens*), adopted on first reading *Report of the International Law Commission*, Seventy-first Session, General Assembly Official Records (A/74/10), Chapter V. See also Fourth Report of

UN Security Council may authorise the use of force. Thus, the Charter establishes a monopoly over the use of force in Chapter VII.³⁶ The UN Declaration on Principles of International Law concerning Friendly Relations and Cooperation among States in accordance with the Charter of the UN and the UN General Assembly Resolution on the definition of Aggression further amplifies the UN Security Councils' monopoly over use of force.³⁷

To give effect to the normative purposes and principles of the UN, the Charter puts in place an elaborate institutional framework. The main organs that play a role in relation to peace and security are the General Assembly and the UN Security Council.³⁸ Member States to the UN have bestowed upon the UN Security Council the primary responsibility to maintain international peace and security.³⁹ While carrying out these duties, the UN Security Council acts on behalf of these States and it is thus obligated to act in accordance with the purposes and principles of the UN.⁴⁰ While the powers of the UN Security Council under the Charter are incredibly deep in the sense that it makes decisions that are binding on Member States of the UN,⁴¹ which powers, moreover, override obligation of Member States arising from other sources of international law,⁴² the scope of its mandate under the Charter is narrow and limited to the maintenance of international peace and security. In exercising this mandate, the UN Security Council can resort to either peaceful means or the use of force where the latter is deemed by the Council to be insufficient. Yet, even where the UN Security Council resolves that the use of force is necessary, it relies on its member states to contribute their armed forces as it lacks a standing force.

The Charter also bestows upon the General Assembly numerous responsibilities relating to maintenance of international peace and security. General Assembly, for instance, has the mandate to discuss "any questions or any matters within the scope of the ... Charter or relating to the powers and functions of any organs provided for in the Charter."⁴³ This provision sets out a very broad mandate which, without more, would suffice to establish the competence of the General Assembly in matters relating to international peace and security. Yet the Charter goes further, as if to exclude any possibility of doubt, by a series of affirmations of the General Assembly's role in the maintenance of

the Special Rapporteur (Dire Tladi) on Peremptory Norms of General International Law (*Jus Cogens*) (A/CN.4/727), at para. 62 *et seq.*

³⁶ Thomas Weiss, David Forsythe, Roger Coate and Kelly-Kate Pease *The United Nations and Changing World Politics*, at 4-5; Peter G. Danchin "Things Fall Apart: The Concept of Collective Security in International Law" in Peter G. Danchin and Horst Fischer (eds.), *United Nations Reform and the New Collective Security* (Cambridge, 2010), at 41-42.

³⁷ UN Declaration on Principles of Friendly Relations and Cooperation among States in accordance with the Charter of the UN, Principle 1 (b); GA Resolution 3314 (XXIX) paras 2 & 4, of the Preamble. See generally Jorge Viñuales (ed) *The UN Friendly Relations Declaration at 50: An Assessment of the Fundamental Principles of International Law* (2020).

³⁸ While the UN Security Council and the General Assembly, are the main organs for peace and security, other organs like the International Court of Justice and the Secretariat also play important roles in the maintenance of international peace and security. In addition to these principal organs of the United Nations, there are a number of subsidiary organs of the United Nations, such as Peacebuilding Commission, that play a role in the maintenance of peace and security. On the establishment of the Peacebuilding Commission, see, UN General Assembly Resolution 60/1 of 16 September 2005, A/RES/60/1, para 97-105. See also Ulrich Schneekener & Silke Weinlich "The United Nations Peacebuilding Commission: Tasks, Mandate and design for a new Institution" SWP Comments, German Institute of International and Security Affairs https://www.swp-berlin.org/fileadmin/contents/products/comments/comments2005_38_skr_weinlich_neu_ks.pdf (accessed 20 August 2020).

³⁹ Article 24(1) of the UN Charter.

⁴⁰ Article 24(1) and (2) of the UN Charter. For an interesting application of the principle see Jennifer Trahan *Existing Limits to Security Council Veto Power in the Face of Atrocity Crimes* (Oxford, 2020) at 5 ("Second, the chapter argues that the veto power sits within the context of the UN Charter, which states that the Security Council must act pursuant to the UN's '[p]urposes and [p]rinciples'; a veto in the face of genocide, crimes against humanity, and/or war crimes does not accord with the UN's '[p]urposes and [p]rinciples.'")

⁴¹ See Article 25 of the UN Charter ("The Members of the United Nations agree to accept and carry out the decisions of Security Council in accordance with the present Charter.")

⁴² Article 103 of the Charter ("In the event of a conflict of obligations of the Members of the United Nations under the present Charter and their obligations under any other international agreement, their obligations under the present Charter shall prevail.")

⁴³ Article 10 of the UN Charter.

international peace and security.⁴⁴ There seems to be only two limitations to the scope of the mandate of the General Assembly in relation to the maintenance of international peace and security. The first is that, unlike the UN Security Council, the General Assembly does not, under the literal terms of the Charter, have the power to make decisions that are binding on Member States of the UN – the scope of its powers is limited to discussions and recommendations. Second, the General Assembly's ability to make recommendation is limited to cases in which the UN Security Council is not exercising its own functions.⁴⁵ Thus, in contrast to the UN Security Council, the General Assembly's mandate is broad, but its powers lack of depth.

The Charter seems pretty clear on the separation of the roles between its two principal political organs, the General Assembly and the UN Security Council. Yet, a full account of the role of the UN, and in particular the respective roles of its two main organs, is only possible by an appraisal of the practice of the respective organs. In the context of the main question posed in this paper, this practice serves two functions. First, it serves to more fully circumscribe the mandate, functions and powers of the UN in relation to peace and security to enable a juxtaposition with the AU's own mandate, functions and powers. Second, to the extent that the relationship between the UN Security Council and the General Assembly is also characterized by the potential for both cooperation and competition – and we argue that it is – how these organs of the UN have navigated their relationship may provide a useful prism through which to see the relationship between the AU and the UN as a whole.

As noted above, the relationship between the UN Security Council and General Assembly is also characterized by the potential for cooperation and competition. Elements of cooperation can be seen in, for example, the Charter creating room for the UN Security Council to refer situations to the General Assembly,⁴⁶ the possibility of the General Assembly making recommendation to the UN Security Council,⁴⁷ as well as the obligation to report to the General Assembly on its activities (although the latter may also be seen as basis for conflict).⁴⁸ Indications of the possibility for a more competitive role can be seen, for example, in the Charter prohibiting the General Assembly from making a recommendation when the UN Security Council is seized with a matter,⁴⁹ and the very broad discretion granted to the UN Security Council to determine whether a situation falls within its mandate, i.e. the discretion to “determine the existence of any threat to the peace, breach of the peace, or act of aggression”.⁵⁰ The effect of this discretion has been to contribute to a power imbalance which often manifests in the dominant role of the UN Security Council.

As described above, in terms of breadth, the General Assembly's reach is more extensive, going beyond peace and security. Yet even in this area where the General Assembly is supposed to have a “competitive advantage”, the UN Security Council has exhibited an ability to expand its reach by interpreting broadly the notion of international peace and security, the area over which it has primary responsibility. For example, under the original construction of the Charter, the UN Security Council mandate was limited to international peace and security issues narrowly defined, i.e. excluding conflicts and disturbances taking place within the confines of a single State.⁵¹ Yet in time,

⁴⁴ See UN Charter, e.g. Article 11(1) (“The General Assembly may consider the general principles of co-operation in the maintenance of international peace and security ...”); Article 11(2) (“The General Assembly may discuss any question relating to the maintenance of international peace and security brought before it by any member of the United Nations, or by the Security Council ...”); Article 14 (“...the General Assembly may recommend measures for the peaceful adjustment of any situation ... which it deems likely to impair the general welfare or friendly relations among nations, including situations resulting from a violation of the provisions of the Charter setting forth the Purposes and Principles of United Nations.”)

⁴⁵ See Article 12 of the UN Charter (“While the Security Council is exercising in respect of any dispute or situation, the functions assigned to it in the present Charter, the General Assembly shall not make any recommendation with regard to that situation unless the Security Council so requests”).

⁴⁶ See, e.g. Article 11(2) of the Charter.

⁴⁷ Article 11(2) of the Charter.

⁴⁸ Article 15(1) of the Charter.

⁴⁹ Article 12(1) of the Charter.

⁵⁰ Article 39 of the Charter.

⁵¹ Almost all focus of whatever constitutes international law was to regulate inter-state relations. See Malcolm N. Shaw, *International Law*, Cambridge University Press (2002) at 1068 – 1070. See Peter G Danchin and Horst Fischer “Introduction: the New Collective Security” in Danchin and Fischer (above note 6), at 2, noting that the “1990s [thus] witnessed major shifts in multilateral efforts to maintain peace and security”, with the Permanent members beginning to work

the Council has, through practice and interpretation, expanded its mandate to the extent that by now, it is generally accepted that the Council can address issues without any international conflict as was the case in Somalia, Haiti, Bosnia, Albania, Kosovo, Columbia, Sierra Leone, Rwanda, Eritrea, Libya, Sudan, Afghanistan, Democratic Republic of Congo. More to the point, the UN Security Council has adopted the approach that non inter-state incidences like civil wars, international humanitarian crises and the systematic violation of international humanitarian and human rights law in armed conflicts are covered by the notion of international peace and security.⁵² The broad interpretation that the UN Security Council accords to the concept of international peace and security has been further expanded to potentially include issues such as HIV and AIDs,⁵³ matters of climate change,⁵⁴ transnational crimes,⁵⁵ democratic processes within countries,⁵⁶ and violence against women.⁵⁷ While it has been said that the wide margin of discretion afforded by Article 39 of the Charter does not mean that the UN Security Council “is *legibus solutes*”,⁵⁸ it appears that, through its practice, the UN Security Council has been able to unshackle itself from the scope of constraints of the text Charter and is now constrained only by political dynamics on the Council, i.e. where a sufficient level of support for inclusion of a matter can be obtained.⁵⁹

It is not only the UN Security Council that has been able to unshackle itself from the constraints of the Charter. The General Assembly itself has been able to create greater space for itself than envisioned under a literal reading of the text of the Charter. One of the limitations of the General Assembly under the Charter is that, at most, all it can do is make recommendations. Moreover, when the UN Security Council is seized with a matter, even that is not permissible. Yet the General Assembly has not been shy, even when the UN Security Council is seized with a matter, to go beyond discussing such a matter. In respect of Kosovo, for the example, the General Assembly requested an advisory opinion from the International Court of Justice while the Security Council was ostensibly still seized with the matter.⁶⁰ Moreover, the General Assembly made demands of Iran following failed attempts to have the UN Security Council censure Iran for an alleged plot to assassinate the Ambassador of Saudi Arabia to the United States of America.⁶¹ More recently and more significantly, following allegations of increased widespread and systematic violation of human rights by the Syrian

together and the Security Council approving “enforcement action on *non-originalist interpretation of ‘threats to peace’*, now read to include humanitarian considerations in principally internal conflicts.” (emphasis added). See for discussion John Dugard and Tiyanjana Maluwa “The United Nations and the Maintenance of International Peace and Security” in John Dugard, Max du Plessis, Tiyanjana Maluwa and Dire Tladi *Dugard’s International Law: A South African Perspective* (2018), at 713-715.

⁵² UN Security Council Resolution 688 (1991) [Iraq]; SC Resolution 733 (1992) [Somalia]; SC Resolution 713 (1991) [Yugoslavia]; SC Resolution 827 (1993) and 836 (1993) [Yugoslavia]; UN Security Council Resolution 918 (1994), 929 (1994) and 955 (1994) [Rwanda]; Machiko Kanetake ‘Subsidiarity in the maintenance of international peace and security’ 79 (2) *Law and Contemporary Problems* (2016) 172.

⁵³ Repertoire of the practice of the Security Council, 2004-2007, page 782 https://www.un.org/en/sc/reper-toire/2004-2007/Chapter%208/Thematic/04-07_8_HIV%20AIDS%20and%20PKO.pdf (accessed 12 August 2020).

⁵⁴ Ibid, 866.

⁵⁵ Repertoire of the practice of the Security Council, 2010-2011, page 262, https://www.un.org/en/sc/reper-toire/2010-2011/Part%20I/2010-2011_Threats%20to%20IPS.pdf (accessed 12 August 2020).

⁵⁶ Repertoire of the practice of the Security Council, 2014-2015, https://www.un.org/securitycouncil/sites/www-un-org-securitycouncil/files/final_webfile_english_repertoire_-1-add.19_.pdf#page=489 page 474 (accessed 12 August 2020).

⁵⁷ Repertoire of the practice of the Security Council, Decision of 31 October 2000, page 800, https://www.un.org/en/sc/reper-toire/2000-2003/Chapter%208/Thematic/00-03_8_43%20Women%20and%20peace%20and%20security%20I.pdf (accessed 12 August 2020).

⁵⁸ Santori Valeria “The UN Security Council’s (broad) Interpretation of the Notion of the Threat to Peace in Counter-Terrorism” in Giuseppe Nesi (ed) *International cooperation in counter-terrorism: The United Nations and regional organizations in the fight against terrorism* Ashgate publishing limited, Great Britain, 2006, p. 102.

⁵⁹ See Dugard and Maluwa (above note 21), noting that the practice of the Council is “inconsistent”.

⁶⁰ In the *Accordance with International Law of the Unilateral Declaration of Independence in respect of Kosovo*, *Advisory Opinion ICJ Reports* 2010 p. 414, at para 24 the Court determined that “request for an advisory opinion is not in itself a ‘recommendation’ by the General Assembly ‘with regard to [a] dispute or situation.’” This implies that article 12 limitation does not apply to General Assembly’s authorization to seek an advisory opinion under article 96.

⁶¹ UNGA, A/RES/66/12, Resolution on Terrorist Attacks on internationally protected persons, 2 February 2012, para 5.

authorities, and in the face of Russia and China vetoes in the Security Council, it adopted the first resolution on the on-going situation in Syria.⁶² But perhaps nothing has reflected the General Assembly determination to unshackle itself from the constraints imposed by the text of the Charter than the adoption of Resolution 377(V), Uniting for Peace (UFP), in which the General Assembly appropriated for itself the mandate, in the event that UN Security Council does not act because of a veto, to make “recommendations to Members for collective measures,” including on the use of force.⁶³ It will be noted that this resolution implies making a recommendation while the UN Security Council is seized with a matter contrary to the ordinary meaning of the words in Article 12(1). Moreover, it implies the General Assembly authorizing, albeit through a recommendation, the use of force,⁶⁴ something that is not contemplated by the ordinary meaning of the words in the Charter. While the Uniting for Peace resolution appears inconsistent with the text of the Charter, the International Court of Justice upheld the validity of this resolution.⁶⁵

While both the General Assembly and the UN Security Council have jockeyed for position on the peace and security turf, they have also demonstrated an incredible level of cooperation in preventive diplomacy; peace-making; peacekeeping and peace building. In 1965, the General Assembly established the Special Committee on Peacekeeping Operations to undertake “a comprehensive review of the whole question of peace-keeping operations in all their aspects” including ways of overcoming financial difficulties.⁶⁶ Through their periodic reports, the Special Committee has enabled the General Assembly to extensively consider a wide range of issues relating to peacekeeping, especially on financing of missions. Yet traditionally, peacekeeping falls within the mandate of the UN Security Council. Once the UN Security Council adopts a resolution authorizing the deployment of a peace-keeping mission, its mandate and size, the General Assembly has the responsibility to approve the budget and resources. Further, in an effort to contribute to the overall efforts of the UN peace and security mandate, the General Assembly established the Peacebuilding Commission, a body that brings together all relevant actors, and which is intended to marshal resources for post conflict peacebuilding and recovery.⁶⁷ The UN Security Council has subsequently recognized the Commission as a subsidiary organ, allowing to offer advice upon request in post conflict situations where UN mandated peacekeeping missions are on the ground.⁶⁸

2.2. The role of the AU in maintaining international peace and security

2.2.1 The Emergence of the AU's Role in the Maintenance of International Peace and Security

While the UN's role in the maintenance of international peace and security is well-established, understood and well-known, the African Union's role is less well-known and less understood. Yet there is no question that the AU plays a role in the maintenance of international peace and security. The Organization of the African Union (OAU), the AU predecessor, was forced to take an active role in the maintenance of regional peace and security following the international community's marginalization of the African continent and the UN Security Councils' failure to demonstrate sufficient interest in resolving conflicts in Africa in the late 1980s and early 1990s'.⁶⁹ The OAU took the initiative

⁶² UNGA, A/RES/67/262, 4 June 2013, The situation in the Syrian Arab Republic.

⁶³ UNGA Resolution 377(V) “Uniting for peace” UN Doc. A/RES/377(V) A (1950), part A, para 1.

⁶⁴ UNGA A/RES/498 (V) 1 February 1951, this marked the first time that the General Assembly called into action UFP following the UN Security Council's failure to act concerning Chinese communist intervention in Korea.

⁶⁵ *Legal Consequences of the Construction of a Wall in the Occupied Palestinian Territory*, Advisory Opinion, ICJ Reports 2004, p. 136, at paras 13-42.

⁶⁶ A/RES/2006/XIX, Paras 2,3.

⁶⁷ General Assembly Resolution 60/1 of 16 September 2005, A/RES/60/1, para 97, 98. The Commission's main focus is reconstruction and institution-building as well as offering support for integrated strategies necessary for sustainable development.

⁶⁸ See also UN Security Council Resolution 1645 (2005) in which the Council established a standing Committee to oversee the functioning of the Peacebuilding Commission.

⁶⁹ Mlambo (above n 4) at 42; See also Tiyanjana Maluwa “African state practice and the formation of some peremptory norms of general international law” in Dire Tladi *Peremptory Norms of General International*

to coordinate and spearhead continental efforts towards a cooperation framework that would enable the realization of, *inter alia*, the principles of development, peace and security on the continent.⁷⁰

These nascent initiatives entrenched the AU's belief that it had an important role in the maintenance of international peace and security. In asserting its role, the AU has argued that "[r]egional organizations have a strong comparative advantage in promoting peace and security in their neighborhoods... given their proximity to conflict theatres."⁷¹ It has further argued that interventions by regional mechanisms also enhances political legitimacy as regional entities are not perceived to be external actors.⁷² According to the AU, regional interventions tends to be more flexible and adaptable.⁷³ In contrast, the AU has observed that the proximity between the United Nations is often too far from the scenes of conflicts, and as such, the UN may not sufficiently appreciate the nature and development of the conflict situations thus necessitating regional responses.⁷⁴

2.2.2 *The Nuts and Bolts of the AU's Framework for Peace and Security*

As it is with the UN, the AU has both a catalogue of normative rules and principles and a network of institutional mechanisms designed to give effect to those normative rules and principles. Unlike the UN, the AU has a multi-instrument and institutional approach to its peace and security architecture. In addition to the Constitutive Act of the AU and the AU Protocol on the Peace and Security Council, the other legal frameworks that govern the AU's actions in matters of peace and security include the African Union Non-Aggression and Common Defense Pact,⁷⁵ the Common African Defense and Security Policy,⁷⁶ amongst others.⁷⁷

The preamble to the Constitutive Act acknowledges that the scourge of conflicts in Africa is a major hindrance to the continent's socio-economic development and thus stresses the need to promote peace, security and stability as an integral part of the continent's development and integration agenda.⁷⁸ In this regard, Article 3 of the Constitutive Act lays out several objectives for the AU, which include amongst them the promotion of "peace, security and stability on the continent".⁷⁹ In order to achieve these objectives Article 4 of the Constitutive Act, sets forth a number of principles by which it commits to act. These include, the establishment of a continental defense policy,⁸⁰ peaceful resolution of conflicts among member states of the Union,⁸¹ prohibition to use force or threat to use force,⁸² the right of the Union to intervene in member states with respect to grave circumstances of war crimes, genocide, and crimes against humanity,⁸³ peaceful co-existence of Member States and their right to live in peace and security,⁸⁴ and the right of Member States to request intervention from the Union in order to restore peace and security.⁸⁵ These principles are also reiterated in the AU Protocol on the Peace and Security Council.⁸⁶

al Law (Jus Cogens): Disquisitions and Disputations (forthcoming, 2021).

⁷⁰ Paras 1 & 8, Preamble to the AU Constitutive Act.

⁷¹ Peace and Security Council 'Common African position on the UN review of peace operations' PSC/PR/2(DII) (29 April 2015) para 6(iv).

⁷² *Ibid.*

⁷³ *Ibid.*

⁷⁴ See Speech by the then president of the UN Security Council and president of South Africa, Jacob Zuma in S/PV/6702, Security Council, 6702nd Meeting (2012) 3; See also Ezulwini consensus, page 6.

⁷⁵ Adopted by the Fourth Ordinary Session of the Assembly of the Union, held in Abuja, Nigeria, in January 2005.

⁷⁶ Adopted by the Second Extraordinary Session of the Union, held in Sirte, Libya, in February 2005.

⁷⁷ Ezulwini Consensus; "Policy Framework for the Establishment of the African Standby Force and the Military Staff Committee, Part 1", Exp/ASF-MS/2 (1), adopted by the 3rd meeting of the African Chiefs of Defence Staff, Addis Ababa, 15-16 May 2003; The Framework Report on Post-Conflict Reconstruction and Development (2006).

⁷⁸ Para 8 of the Constitutive Act of the AU.

⁷⁹ Article 3(f) of the AU Constitutive Act.

⁸⁰ Article 4(d) of the AU Constitutive Act.

⁸¹ Article 4(e) of the AU Constitutive Act.

⁸² Article 4(f) of the AU Constitutive Act.

⁸³ Article 4(h) of the AU Constitutive Act.

⁸⁴ Article 4(j) of the AU Constitutive Act.

⁸⁵ Article 4(j) of the AU Constitutive Act.

⁸⁶ Article 4(k) of the PSC Protocol provides for peaceful settlement of disputes and conflicts, respect for the sover-

The objectives and principles enshrined in the Constitutive Act and the AU Protocol on the Peace and Security Council are reinforced in the AU Non-Aggression and Common Defense Pact.⁸⁷ In addition, the Common African Defense and Security Policy, a solemn declaration adopted by the AU Heads of State and Government in 2004, provides a detailed enumeration of AU policy on peace and security. It calls for a definition of security “which encompasses both the traditional, state-centric, notion of the survival of the State ... as well as the non-military notion which is informed by the new international environment and the high incidence of intra-state conflict.”⁸⁸ According to the Declaration, the “newer, multi-dimensional notion of security thus embraces such issues as human rights ... [including] the right to protection against poverty”.⁸⁹ As with other AU instruments, it reiterates the principles contained in the AU Constitutive Act.⁹⁰

To give effects to its normative framework on peace and security, the AU has in place a detailed institutional structure. The main policy organs of the AU are, first, the Assembly of Heads of State and Government and, secondly, the Executive Council, which is composed of Foreign Ministers. In addition to the main policy organs of the AU, the AU Commission, the Permanent Representatives Committee and the Specialized Technical Committee, also plays an important role in the AU institutional framework.⁹¹ The role of the AU Assembly and that of the Executive Council in relation to maintenance of peace and security are intertwined. From a normative perspective, the most far-reaching power of the AU is the power to intervene, including through forcible measures. Articles 4(h) of the Constitutive Act provides a legal basis for the AU to intervene in member states in circumstances of grave breaches constituting war crimes, crimes against humanity and genocide as well as serious threat to legitimate order.⁹² It also reserves the right of member states to request the AU's intervention in order to restore peace and security. Unlike the UN Security Council which makes independent decisions on interventions, the AU Peace and Security Council merely recommends to the Assembly of Heads of state their decision to intervene in the mentioned circumstances.⁹³ To date this power has not been exercised by the AU Summit.

The Constitutive Act of the AU further mandates the AU Assembly to establish other organs of the Union.⁹⁴ Pursuant to this provision, the Assembly established the Peace and Security Coun-

eighty and territorial integrity of Member States, the right of the Union to intervene in a Member State in grave circumstances of war crimes, genocide and crimes against humanity, and the right of a Member State to request intervention from the Union in order to restore peace and security.

⁸⁷ Article 2 & 3 of the AU Non-Aggression and Common Defense Pact sets out its objectives to be the promotion of cooperation among Member States in the areas of non-aggression and common defence, promotion of peaceful coexistence among Member States in Africa, conflict prevention and peaceful settlement of disputes. It further obligates its Member States to operationalize the principles of peaceful settlement of disputes, friendly and peaceful relations, promotion of sustainable development policies and prevention and prohibition of war crimes, genocides and crimes against humanity.

⁸⁸ Para 6 of the Common African Defense and Security Policy.

⁸⁹ *Ibid.*

⁹⁰ *Id.*, at paras 11 and 12, of the Common African Defense and Security Policy. at para 12. Some of these include: sovereign equality and interdependence among Member States of the Union; peaceful resolution of conflicts among Member States; prohibition of use of force, or threat to use force among Member States; the right of the Union to intervene in a Member State in grave circumstances of genocide, war crimes, crimes against humanity and serious threat to legitimate order; peaceful co-existence of Member States and their right to live in peace and security; the indivisibility of the security of African States; burden sharing and mutual assistance; the fundamental link and symbiotic relationship between security, stability, human security, development and cooperation. The Declaration also emphasizes, for example, the indivisible nature of the notions of peace and security, and stresses that this indivisible nature necessitate a collective approach. It is also cognizance of the need for collaborative efforts between the AU and Regional Economic Communities as well as between the AU and sub-regional or regional organizations.

⁹¹ Article 20 & 21 of the Constitutive Act of the AU; <https://au.int/en/stc> (accessed 9 August 2020). The Commission is composed of the Chairman, the Deputy and the Commissioners; the Permanent Representative Committee is composed of one representative from each of the 55 AU member states; the Specialized Technical Committees comprise ministers or senior officials in their respective areas of expertise.

⁹² See also Article 4(j) of the AU Constitutive Act, which was inserted by the Protocol on Amendments to the Constitutive Act of the African Union, adopted 11 July 2003 and came into force on 19 March 2018. Article 4(j) provides for AU intervention on request from members states.

⁹³ Article 7(1) e of the AU Protocol on Peace and Security Council.

⁹⁴ Article 5(2) & Article 9(1) d, of the Constitutive Act of the AU.

cil as the pillar of the AU's peace and security architecture. In establishing the Peace and Security Council, the Assembly expressed its firm believe in the Peace and Security Council to make effective implementation of decisions concerning peace and security matters on the continent.⁹⁵ As with the UN Security Council, the AU Peace and Security Council has fifteen members, but, unlike its UN counterpart, none of the members are permanent and none have the right of veto.⁹⁶ The mandate of Peace and Security Council is to make decisions for the "prevention, management and resolution of conflicts" and serves as the AU's "collective security and early-warning arrangement".⁹⁷ Thus, its functions range from preventive diplomacy,⁹⁸ peacemaking, peace keeping, peace enforcement⁹⁹ and peace building.¹⁰⁰ Perhaps, one of the aspects that stand out in the Peace and Security Councils' execution of its mandate is the tension, actual or potential, in its relationship with the AU Assembly. As described above, the Summit is the supreme organ of the AU, including in matters of peace and security. Yet, as an entity established specifically for the maintenance of peace and security, the Peace and Security Council is regarded as the main vehicle through which the AU addresses peace and security challenges. The Peace and Security Council functions at three levels, namely Heads of State, Executive Council and Permanent Representative Council. The tension that can arise in the function of these various organs of the AU was on show in relation to the situation in Burundi. In 2015, the AU Peace and Security Council issued a communiqué in which it deployed the African Prevention and Protection Mission to Burundi (MAPROBU) comprising 5,000 members of the force to prevent the deteriorating security situation in Burundi, protect civilians and pave way for peaceful settlement of the dispute.¹⁰¹ It gave Burundi 96 hours to either accept the mission or have the Peace and Security Council recommend to the AU Assembly to invoke article 4(h).¹⁰² The AU Assembly, however, decided not to support this deployment during its subsequent session (the Twenty-Sixth Ordinary Session) in January 2016. This makes clear that the ultimate power under Article 4(h) rests with the Summit of the AU.

In executing its functions, the Peace and Security Council is supported by the Commission, a Panel of the Wise, a Continental Early Warning System, an African Standby Force and a Special Fund.¹⁰³ The AU has established a Continental Early Warning System that has a situation room in Ethiopia. This system links all the Regional Economic Communities through satellite and provides rapid briefs. The legal mandate of the Continental Early Warning System is to collect data and analyze situations in order to facilitate the anticipation and prevention of conflicts.¹⁰⁴ The Panel of the Wise comprise five highly respected African personalities who have made outstanding contribution in the area of peace and security on the continent and has the mandate to advise the Peace and Security Council on matters relating to peace and security.¹⁰⁵ The Panel of the Wise has been involved in the prevention of numerous conflicts on the continent. It, for example, brokered settlements between the rebels and the then president François Bozizé of the Central African Republic in 2007; President Joseph Kabila and opposition leader Étienne Tshisekedi in the aftermath of DRC's contested election; and also between Sudan and South Sudan in post referendum arrangements.¹⁰⁶ The Panel of the

⁹⁵ Para 17, of the Preamble to the AU Protocol Establishing the Peace and Security Council.

⁹⁶ Article 5(1) & (2), Protocol Establishing the Peace and Security Council. The fifteen elected members are elected on the principle of equitable regional representation and rotation and are as follows: ten for a term of two years and five for a term of three years

⁹⁷ Article 2 of the AU Protocol on the Peace and Security Council.

⁹⁸ Article 7(1) a & 4(a), of the AU Protocol on the Peace and Security Council.

⁹⁹ Article 7(1) e of the AU Protocol on the Peace and Security Council.

¹⁰⁰ Article 7(1)b of the AU Protocol on the Peace and Security Council; Para 17c, The Framework Report on Post-Conflict Reconstruction and Development (2006); Article 14, AU Protocol on the Peace and Security Council.

¹⁰¹ [AU PSC communiqué, PSC/PR/COMM.\(DLVX\), 17 December 2015](#); Tiya Maluwa (above note 39).

¹⁰² *Ibid.*

¹⁰³ Article 2 (1).

¹⁰⁴ Article 12 of the AU Protocol on the Peace and Security Council.

¹⁰⁵ Article 11 of the AU Protocol on the Peace and Security Council.

¹⁰⁶ Kapinga Yvette Ngandu 'The Panel of the Wise: Its role in preventing violent Conflicts in Africa' <https://www.un.org/en/chronicle/article/panel-wise-its-role-preventing-violent-conflicts-africa> (accessed 4 November 2020); Paul Nantulya 'The African Union's Panel of the Wise and Conflict Prevention' <https://africacenter.org/spotlight/african-union-panel-wise-conflict-prevention/> (accessed 4 November 2020).

Wise was also visibly involved in the post-election violence in Kenya and Zimbabwe in a bid to fuse out any probable conflicts following internal political crisis in these countries in the aftermath of their contentious elections in 2007 and 2009 respectively.¹⁰⁷

Again, unlike the UN Security Council, the AU Peace and Security Council retains an African Standby Force. The African Standby Force is a standby multidisciplinary contingent with both a civilian and military component in their countries of origin and ready for deployment. The policy framework establishing the African Standby Force identifies regional standby brigades in the five Africa regions as a component of the African Standby Force.¹⁰⁸ They include: The Economic Community of Central African States (ECCAS); The Inter-Governmental Authority for Development (IGAD) of East Africa; The Economic Community for West African States (ECOWAS); The Southern Africa Development Community (SADC); and the Arab Maghreb Union (AMU). The African Standby Force enjoys a wide range of mandate in conflict management. Depending on different crisis scenarios, such interventions may include: early warning and preventive diplomacy,¹⁰⁹ military advice, observer missions, peacemaking, military intervention, disaster management, peace building or any other function authorized by the Peace and Security Council or the Assembly.¹¹⁰ The AU had difficulties at operationalising the African Standby Force immediately after the adoption of the policy framework establishing it in May 2003. Faced with the threat of continuing conflicts on the continent, the need for a rapid deployment instrument led to the adoption of the African Capacity for Immediate Response to Crisis (ACIRC) in 2013. This move was informed by the need to fill the capacity gap for rapid response particularly after AU's inability to intervene in Mali conflict in light of ECOWAS' inappropriate intervention. In its 81st meeting in Addis Ababa, the Peace and Security Council integrated the African Capacity for Immediate Response to Crisis within the framework of African Standby Force in January 2019.¹¹¹

This AU architecture on the maintenance of regional peace, stability and security, however, does not operate in a vacuum and is often subject to regional and global politics. Juliana Abena Appiah, for example, has described the inequality and selectiveness exhibited by the AU Peace and Security Council in applying its normative values of the AU instruments.¹¹² She opines that the composition of the Peace and Security Council is a key determinant in the selectiveness of the Peace and Security Council.¹¹³ She notes that not only do the Peace and Security Council member states comprise the regional heavy weights, whose funding to the Union is key, but also some of them are dictatorial regimes who are unwilling or lack the moral authority to effectively dispense the Peace and Security Council's mandate.¹¹⁴ As such, much like the UN Security Council, which is beholden to the geopolitics of its permanent members, the politics of the big powers on the African continent

¹⁰⁷ Ibid.

¹⁰⁸ "Policy Framework for the Establishment of the African Standby Force and the Military Staff Committee, Part 1", Exp/ASF-MSC/2 (1), adopted by the 3rd meeting of the African Chiefs of Defence Staff, Addis Ababa, 15-16 May 2003, p 3.

¹⁰⁹ Article 13 (3)d of the AU Protocol on the Peace and Security Council. The African Standby Force can engage in "preventive deployment in order to prevent (i) a dispute or a conflict from escalating, (ii) an ongoing violent conflict from spreading to neighboring areas or States, and (iii) the resurgence of violence after parties to a conflict have reached an agreement."

¹¹⁰ Article 6 & Article 13(3) d of the AU Protocol on the Peace and Security Council.

¹¹¹ PSC Communique PSC/PR/COMM.(DCCCXX)1 9 January 2019.

¹¹² Appiah, "Africa Peace and Security Architecture: Reflections on over a decade of promoting Peace and Security in Africa" (n 4 above) 35.

¹¹³ Ibid, 34-35.

¹¹⁴ The stand-off between South Africa and Nigeria in the 2011 conflict is well-documented. Colum Lynch "On Ivory Coast Diplomacy, South Africa Goes its Own Way" 23 February 2011 available at <https://foreignpolicy.com/2011/02/23/on-ivory-coast-diplomacy-south-africa-goes-its-own-way/> (accessed 12 September 2020). This stand-off led to the AU Peace and Security Council adopting a compromise, power-sharing deal, which was never made public, resulting in the UN Security Council adopting its own resolution 1975 that led to the removal by force of the erstwhile leader Laurent Gbagbo. See for discussion Dire Tladi "The Intervention in Côte d'Ivoire – 2011" in Tom Ruys and Olivier Corten (eds.) *The Use of Force in International Law: A Case Based Approach* (OUP, 2011), at 787 *et seq.* See also Dire Tladi "The Security Council, the Use of Force and Regime Change: Libya and Côte d'Ivoire" (2012) 37 *South African Yearbook of International Law* 22.

influence the ability of the Peace and Security Council to act in particular cases.¹¹⁵

Lack of sufficient funds is yet another challenge that undermines AU's effective operations and logistics in the maintenance of regional peace and security as has been evidence in AU Mission in Burundi and Sudan. Although the AU Protocol on the Peace and Security Council establishes a Peace Fund, only few African countries remit their periodic contributions.¹¹⁶ The fund relies heavily on foreign donor funding.¹¹⁷ Yet, sometimes, the donors have used their funds to drive their own security agenda on the continent as the AU's objectives are relinquished to the periphery. In some instances, the AU has to call on the UN to fund its security activities on the continent arguing that whenever it executes its mandate relating to maintaining internal peace and security, it does so on behalf of the UN. It should be noted that the AU has sought to address its problem of funding by adopting a new funding model in July 2016 by Heads of State and Government at the 27th Summit in Kigali. Under this new model, the AU proposes to impose a 0.2% levy on all eligible imports entering the continent to fund the AUs' operating program and Peace and Security operations budget as well as a further commitment to fund 75% of the of the AU's annual budget.

3. AU/UN Relations: Co-operation or Competition?

Section 2 of this paper outlined the respective mandates and approaches of both the UN and the AU in the maintenance of international peace and security. This section explores the potential for conflict or competition as well as opportunities for fostering a cooperative relationship. It should come as no surprise that there is a potential conflict. Our discussion above has pointed out the fact that the OAU took an active role in the maintenance of regional peace and security following the perception that the UN Security Council had failed to sufficiently address its surging conflicts.¹¹⁸ Yet the UN occupies a place of pre-eminence in the maintenance of international peace and security. Moreover, it has been noted that the large majority of the agenda of the UN Security Council concerns African issues – issues on which the AU also has a mandate.¹¹⁹

3.1. Potential for Conflict

The tensions, actual and potential, between the AU and UN in relation to peace and security matters arise from both the legal framework as described in the constituent instruments of both organisations and from practice. At their root, however, is an empirical fact that, as mentioned above, the majority of issues on the agenda of the United Nations are African. It makes sense for the organisation established by Africans for securing peace on the continent to be at the forefront of dealing with those situations. The under-representation of African States in the UN Security Council – both in the sense that no African State had a permanent seat at the table and in the sense that Africa's three non-permanent members is disproportionate to the representation of other regions on the Council – may further exacerbate the tension.

At a normative level, and as described in section 2 of this article, both organisations lay claim to the right to maintain peace and security on the African continent. The UN Charter, of course, bestows the “primary responsibility” on the UN Security Council, suggesting a subsidiary role for the African Union. Indeed, the AU Protocol on the Peace and Security Council itself acknowledges the primary role of the UN Security Council.¹²⁰ Yet this acknowledgement is given almost begrudgingly.

¹¹⁶ South Africa, Egypt, Libya, Nigeria and Algeria are the only regular contributors. Since 2006, the five countries have funded 75% of AU's regular budget.

¹¹⁷ Paul D. Williams “The Peace and Security Council of the African Union: Evaluating an Embryonic International Institution” (2009) 47 *Journal of Modern African Studies* 618.

¹¹⁸ Mlambo (above note 4), at 42.

¹¹⁹ UN Security Council, 6702nd Meeting 12 January 2012, S/PV.6702, page 2 of the speech of the then UN Security Council President and the President of the Republic of South Africa, Jacob Zuma. These statistics exclude the thematic issues which are not geography bound such as terrorism; António Guterres “Remarks to Security Council Meeting on peace and security in Africa: The centrality of preventive diplomacy, conflict prevention and resolution” <https://www.un.org/sg/en/content/sg/speeches/2019-10-07/remarks-security-council-peace-and-security-africa> (accessed 12 August 2020).

¹²⁰ Article 17(1) of the AU Protocol on the Peace and Security Council (“In the fulfillment of its mandate in the promotion and maintenance of peace, security and stability in Africa, the Peace and Security Council shall cooperate and work

Article 17, where the acknowledgement of the UN Security Council's role is found, is concerned with the AU Peace and Security Council's duty to cooperate with the United Nations and other organisations. It identifies the specific forms of cooperation as including "necessary financial, logistical and military support for the African Unions' activities in the promotion and maintenance of peace".¹²¹ In the context of the relationship with sub-regional organisations, the Protocol on the Peace and Security Council determines that "the overall security architecture of the Union ... has the primary responsibility for promoting peace, security and stability in Africa."¹²² From these provisions, the AU appears to be adopting the principle of subsidiarity to its relationship with the United Nations, namely, that while the UN might have supremacy in hierarchy, the AU, as the entity situated on the continent should play *the* major role without undue interference from the UN.¹²³

These normative tensions have revealed themselves in the practice of the interaction between the two organisations and here we aim to provide only a few examples. The first example concerns the AU's quest to have the investigation and/or prosecution by the International Criminal Court of the cases against the then Sudanese President, Omar Al Bashir, and the Kenyan President and Deputy President, Uhuru Kenyatta and William Ruto, deferred under Article 16 of the Rome Statute.¹²⁴ Under the Rome Statute it is the UN Security Council, as the organisation with the primary responsibility for the maintenance of international peace and security, that has the mandate to decide on such a deferral. The AU, however, as the organisation with "the primary responsibility for promoting peace, security and stability *in Africa*",¹²⁵ believed its judgment concerning what was best for peace and security on the African continent was paramount.¹²⁶ Indeed, when in relation to the request concerning Sudan, the UN Security Council did not accede to the request, the AU decided to fight fire with fire and decided that the AU Member States shall not cooperate with the ICC in the arrest and surrender of Al Bashir.¹²⁷ Likewise, in the Kenyan cases, when the UN Security Council did not accede to the AU's request for deferral, the AU expressed its extreme displeasure and began discussions of a possible mass withdrawal by African States Parties from the ICC Statute.¹²⁸

We pause here to note that while the outcome was the same, the process that the UN Security Council used to engage with the two requests was different.¹²⁹ While in the case of the Sudan request, closely with the United Nations Security Council, which has the primary responsibility for the maintenance of international peace and security").

¹²¹ *Id.*, Article 17(4).

¹²² *Id.*, Article 16 (1).

¹²³ On the principle of subsidiarity see Christoph Henkel "The allocation of powers in the European Union: a closer look at the principle of subsidiarity" (2002) 20 *Berkeley Journal of International Law* 359, at 362, noting that the principle of subsidiarity "clearly distinguishes between the actions of different levels of authoritywhereby the highest or most centralized level should only take action if and insofar as a subordinate level cannot achieve the same goal ..."

¹²⁴ Article 16 of the Rome Statute of the International Criminal Court provides as follows: "No investigation or prosecution may be commenced or proceeded with under this Statute for a period of 12 months after the Security Council, in a resolution adopted under Chapter VII of the Charter of the United Nations, has requested the Court to that effect; that request may be renewed by the Council under the same conditions." AU Assembly "Decision on Africa's relationship with the International Criminal Court (ICC)" Ext/Assembly/AU/Dec.1(Oct.2013), Extraordinary session, 12 October 2013.

¹²⁵ Art. 16(1) of the AU Protocol on the Peace and Security Council.

¹²⁶ Although this was not articulated explicitly, it is the reason that underly the AU's persistence on deferrals: Assembly/AU/Dec.622(XXVIII); Assembly/AU/Dec.366(XVII), Assembly/AU/ Dec.334(XVI).

¹²⁷ See, generally, Dire Tladi "When Elephants Collide it is the Grass that Suffers: Cooperation and the Security Council in the Context of AU/ICC Dynamics" (2014) 7 *African Journal of Legal Studies* 381. See Ekaterina Trendafilova "Africa and the International Criminal Court: A Judge's Perspective" in Gerhard Werle, Lovell Fernandez and Moritz Vormbaum (eds.) *Africa and the International Criminal Court* (2014), at 28. See further Gino Naldi and Konstantinos Magliveras "The International Criminal Court and the African Union: A Problematic Relationship" in Charles Jalloh and Ilias Bantekas (eds) *The International Criminal Court and Africa* (Oxford, 2017), at 115.

¹²⁸ AU Assembly "Decision on the International Criminal Court (ICC)", Assembly/AU/Dec.622(XXVIII), Doc. Doc. EX.CL/1006(XXX), 28th Ordinary Session, 30 - 31 January 2017, para 8; AU "Withdrawal Strategy Document" (Version 12.01.2017) para 8, available at https://www.hrw.org/sites/default/files/supporting_resources/icc_withdrawal_strategy_jan_2017.pdf (accessed 12 August 2020).

¹²⁹ Tladi "When Elephants Collide it is the Grass that Suffers: Cooperation and the Security Council in the Context of AU/ICC Dynamics" (above n 97), at 395-397.

the UN Security Council's consideration of the AU request was nothing more than a joint proposal by South Africa and Libya for inclusion of a deferral of the ICC proceedings against al-Bashir in the resolution renewing the mandate of the AU/UN Hybrid Operation in Darfur (UNAMID),¹³⁰ the Kenyan-related requests were more extensively debated. The first Kenyan request, for example was considered in "an interactive dialogue and two informal consultations" while the second request was the subject of a formal discussion in the UN Security Council and a vote.¹³¹ This more deliberative approach to AU requests could produce a more cooperative and collegiate approach between the two AU and the UN.

Similarly, the UN Security Council referral of the situation in Libya to the International Criminal Court¹³² and the subsequent indictment of Colonel Qadhafi, the then Libyan President, by the Court awakened the AU's opposition to both the UN Security Council and the Court as it re-stated its significant role in finding a negotiated solution to the Libyan crisis. While urging the UN Security Council to defer the case under article 16 of the Rome Statute, the AU argued that indicting Colonel Qadhafi "seriously" complicated its efforts to broker "a negotiated political solution to the crisis in Libya."¹³³ Following the UN Security Council failure to heed to this request, the AU declined to effect any arrest and surrender of Qadhafi to the ICC.¹³⁴ Moreover, joint efforts by the UN Secretariat and the AU Commission to adopt a coordinated AU/UN approach to the situation in Libya seemed unpalatable to the permanent members who instead favoured a unilateral UN approach that led to the NATO intervention and the ousting of Qadhafi.¹³⁵ The Libyan crisis portrayed the persistent tension between the AU and UN in the maintenance of peace and security in Africa. Although the three African non-permanent members to the UN Security Council provide an additional layer of engagement that could possibly ease this tension, such occurrences make it clear that the three have little capacity to influence decisions that seem contrary to the central interests of the permanent members.

Perhaps the most controversial mandate shared by the two legal frameworks and, at least potentially, the one most likely to lead to competitive cooperation, is the mandate of both organisations to use force as a tool to restore peace and security. As discussed in section 2.1, the UN, in Article 2(4) prohibits the use of force and establishes a monopoly of the authorization of force for the UN Security Council. Yet the AU legal architecture, including the AU Constitutive Act and the Protocol on the Peace and Security Council, also provide for the right of the AU to use and authorize the use of force in given circumstances.¹³⁶ Moreover, the AU establishes an elaborate framework, including an African Standby Force and the African Capacity for Immediate Response to Crisis, described in

¹³⁰ AU communiqué of the 142nd Peace and Security Council (PSC) Meeting dated 21 July (S/2008/481) para 11(i). The United Kingdom, the US and France opposed a deferral. The US threatened to veto a deferral, forcing the adoption of a compromised Resolution 1828 in which the UN Security Council took note of the AU's request for a deferral and its intentions to consider the issue further.

¹³¹ See UN Security Council Press Release "Security Council Resolution Seeking Deferral of Kenyan Leaders' Trial Fails to Win Adoption, with 7 Voting in Favour, 8 Abstaining" SC/1117615, (2013). See for official meeting record, UN Security Council S/PV.7060. In the course of these deliberations, some States expressed support for the view that the UNSC should follow Africa's lead on African issues. See, e.g. Pakistan (S/PV.7060), at 4 ("The African Union is a close partner of the Security Council in the maintenance of regional and international peace and security. Almost two-thirds of the issues on the Council's agenda relate to Africa. In addressing those issues, the support and involvement of the African Union and Africa's subregional organizations are crucial. The African Union has actively cooperated with the international community, the United Nations and the ICC to end impunity and administer international criminal justice."); China (S/PV.7060), at 13 ("The Council should therefore heed and positively respond to the common call of the African Union and the vast majority of African leaders. China will continue to support the efforts of Kenya, the African Union and most African countries to find a real solution to the issue under consideration.")

¹³² UN Security Council resolution 1970 of 2011, para 4.

¹³³ AU Assembly "Decision on the implementation of the Assembly decisions on the International Criminal Court" Assembly/AU/Dec.366(XVII), Doc. EX.CL/670(XIX), 17th Ordinary Session, 30 June - 1 July 2011, para 6. See also CBC News "Gadhafi's indictment hinders peace: African Union", <http://www.cbc.ca/news/world/story/2011/07/02/world-african-union-gadhafi.html> (accessed 12 August 2020).

¹³⁴ AU Assembly, Assembly/AU/Dec.366(XVII) para 6.

¹³⁵ UN Security Council, 6702nd Meeting 12 January 2012, S/PV.6702, page 3; Daniel Forti & Priyal Singh, 'Towards a more effective UN-AU partnership on conflict prevention and crisis management' ISS, IPI (2019) 5.

¹³⁶ Article 4(h) and (j) of the AU Constitutive Act; Article 4(j) and (k) of the AU Protocol on the Peace and Security Council.

section 2.2, for such use of force. Other than Article 17 which calls on the AU Peace and Security Council to cooperate with UN Security Council, there is nothing in any AU instrument that suggests that any authorization to use force is subject to UN approval. While the Charter obliges all member states to refrain from use of force in any manner inconsistent with its principles and purpose,¹³⁷ the Constitutive Act of the AU bestows upon its member states the right to request for an intervention from the Union in order to restore peace and security¹³⁸ as well as the right of the Union to intervene in any member state in grave circumstances of war crimes, genocide and crimes against humanity.¹³⁹ The Constitutive Act sanctions the AU to authorise the use of force within the region apparently without authorisation of the UN Security Council over such matters as provided for under chapter VII of the Charter.¹⁴⁰ Moreover, as described below, sub-regional organisations of the continent have on occasion exercised a mandate for the use of force without express authorization from the UN Security Council. This remains a primary concern that is likely to lead to a conflictual relationship.

Yet, while both the instruments of the organisations, and their practice, have revealed some tension, and a competitive relationship, there remain possibilities for a more cooperative relationship.

3.2.A Framework for Cooperation

As illustrated in section 3.1, the relationship between the AU and UN is potentially a conflictual and competitive one. This potential exists both due to the legal instruments under which the two institutions are established and their practice. While the UN Security Council seeks to jealously protect its primary role in the maintenance of international peace and security as enshrined in the UN Charter, the AU believes it is better positioned to address issues concerning the maintenance of regional peace and security matters in line with the principle of subsidiarity. In this competitive atmosphere, the UN Security Council has, on its side, the fact that Member States of the UN are obliged to carry out its decisions and that any obligations imposed under the UN override any other obligation, including obligations under the AU Constitutive Act.¹⁴¹ From the perspective of the AU, the principle of subsidiarity should favour a greater role of the AU. Moreover, as a regional organisation, the AU may well point to the fact that it is not a member of the UN and thus neither Article 25 nor Article 103 apply to it and its constituent organs. Yet given the importance of peace and security it is imperative that the relationship is one which is mutually supportive and cooperative.

The call for an effective cooperation framework between the AU and the UN in the maintenance of international peace and security is not new.¹⁴² Both the UN Security Council and the AU, in particular the Peace and Security Council, have recognized the importance of enhanced cooperation. To this extent there has been a deliberate effort by the Peace and Security Council and the UN Security Council, both independently and jointly, to seek a mutually beneficial and cooperative partnership. Both the AU Constitutive Act and the UN Charter have provisions which could form the basis for a cooperative and non-competitive relationship. Article 17 of the Protocol on the Peace and Security Council identify potential cooperation in the areas of “financing, logistical and military support.” Indeed, the UN has previously funded and provided logistical and military support to numerous observer missions on the continent.¹⁴³ The deployment of UN troops alongside those of the AU is an emerging phenomenon that could be exploited to enhance cooperation of the two institutions. These hybrid enforcement measures which have been characterized by instances such as AU troops first, then UN troops later, seem to be highly favoured. This implies that once the African Standby Force is

¹³⁷ Article 2(4) of the UN Charter.

¹³⁸ Article 4 (j) of the Constitutive Act.

¹³⁹ Article 4 (h) of the Constitutive Act.

¹⁴⁰ See Marko Svicevic *United Nations Security Council Authorisation of Regional Enforcement Action: Legal Implications of Resolution 2337 (2017) in the Gambia* (PhD Thesis, University of Pretoria, 2020), at 22 *et seq.*

¹⁴¹ Article 25 & 103 of the UN Charter.

¹⁴² UN General Assembly Resolutions on Cooperation between the UN and the OAU, A/RES/55/218; A/RES/56/48 Resolution of 7 December 2001; A/RES/57/48 Resolution of 21 November 2002; A/RES/59/213 Resolution of 20 December 2004; A/RES/61/296 Resolution of 17 September 2007.

¹⁴³ UN, List of past peace keeping operations <https://peacekeeping.un.org/en/list-of-past-peacekeeping-operations> (accessed 21 August 2020). Some of these include the UN Observer Mission in Liberia (UNOMIL); UN Observer Mission in Sierra Leone (UNOMSIL), the UN Angola verification Mission I, II & III; UN assistance Mission in Rwanda *et cetera*.

deployed on a peace keeping mission, it may either co-opt UN forces later or the UN may altogether take over the mission as was the case in Burundi and Darfur. On 31 December 2007 the African Mission in Sudan (AMIS) transferred its mandate to the AU/UN Security Council hybrid peacekeeping operation called “The African Union-United Nations Hybrid Operation in Darfur” (UNAMID).¹⁴⁴ While pledging its support to AU’s initiatives,¹⁴⁵ the UN Security Council identified the areas of cooperation to include the supply of additional military personnel,¹⁴⁶ financial support,¹⁴⁷ logistical and administrative support.¹⁴⁸ In order to actualize these commitments, the UN Security Council has called on its member states to facilitate the deployment of the military and also to finalize their contributions to UNAMID.¹⁴⁹ It went further to establish a timeframe for the implementation process and a feedback report from the Secretary General on the progress.¹⁵⁰

Co-financing of troops is yet another measure that could be exploited under article 17 (4) of the Protocol to enhance a cooperation framework between the AU and the UN Security Council in the maintenance of regional peace and security. This would imply that both the UN and the AU contribute towards financial needs of peace keeping initiatives on the continent. Such co-financing may be possible in circumstances of co-deployment or hybrid UN-led operations or instances where the UN chooses to re-direct its fund towards AU sanctioned peacekeeping missions. In the case of Sudan, the UN was only able to initially offer its assistance in the form of human resource, skills and logistics before taking over the peacekeeping mandate.

While the AU mandate for a cooperative relationship with the UN is contained article 17, Chapter VIII of the UN Charter provides the legal framework for the UN to cooperate with regional mechanisms such as the AU. Chapter VIII acknowledges three specific roles that regional mechanisms can play in the maintenance of international peace and security. First, it notes that regional arrangements play a central role in pacific settlement of disputes.¹⁵¹ Second, regional arrangements provide a mechanism of enforcing UN Security Councils’ decisions on enforcement.¹⁵² Third, Chapter VIII places a duty on regional arrangements to keep the UN Security Council fully informed of activities of such regional arrangements in relation to the maintenance of international peace and security.¹⁵³

The cooperative spirit reflected in these instruments, has, in some cases, also been reflected in the practice of the UN Security Council and the Peace and Security Council. In 2017, for example, the AU Peace and Security Council authorized the African Initiative for Peace and Reconciliation in the Central Africa Republic (CAR) to support the AU Commission mediation efforts between the government and the rebel groups.¹⁵⁴ The UN Security Council complimented these efforts by mandating the UN Mission in CAR to prioritize local-level mediation and reconciliation efforts in support of the AU’s Mission.¹⁵⁵ The UN Security Council also called for the operationalisation of the AU Panel of the Wise and other mediation programmes.¹⁵⁶ In Somalia, the AU’s Peace and Security Council created the African Mission in Somalia (AMISOM) on 19 January 2007.¹⁵⁷ The UN Security Council subsequently approved the mandate of this mission¹⁵⁸ and identifies areas of cooperation to include

¹⁴⁴ UN Security Council Resolution 1769 of 31 July 2007.

¹⁴⁵ *Ibid*, Para 2.

¹⁴⁶ *Id.*.

¹⁴⁷ *Id.*, Para 4.

¹⁴⁸ *Id.*, Para 5(a); para 6.

¹⁴⁹ *Ibid*, para 4.

¹⁵⁰ *Ibid*, para 5 & 6.

¹⁵¹ Article 52 (2) & (3) of the UN Charter.

¹⁵² *Ibid*, Article 53.

¹⁵³ *Id.*, Article 54.

¹⁵⁴ Forti & Singh “Towards a more effective UN-AU partnership on conflict prevention and crisis management” (n 104 above) at 4.

¹⁵⁵ UN Security Council Resolution 2448 (13 December 2018).

¹⁵⁶ *Ibid*.

¹⁵⁷ 69th Meeting of the Peace and Security Council, https://web.archive.org/web/20070828223759/http://www.apanews.net/article.php3?id_article=19420 (accessed 4 November 2020)

¹⁵⁸ UN Security Council Resolution 1744 (2007).

supplies of weapons and military personnel, technical assistance, financial resources, equipment and services.¹⁵⁹ Upon expiry of AMISOM's initial mandate, the UN Security Council authorized the AU's Peace and Security Council's renewal of its mandate.¹⁶⁰

Cooperation in information sharing between the UN Security Council and regional arrangements is yet another avenue of enhancing regular interaction, consultation and coordination in the maintenance of international peace and security. Continuous consultation and sharing of information on experiences, best practices, and lessons learnt between the two institutions have been underscored as general aspects of cooperation.¹⁶¹ At the institutional level, AU Peace and Security Council and the UN Security Council are the key primary drivers of cooperation in this regard. In its sixty eighth meeting on 14 December 2006, the AU Peace and Security Council established a coordination and consultation mechanism between itself and the UN Security Council. Later, in June 2007, the two institutions agreed to hold joint meetings at least once a year.¹⁶² These meetings provide an opportunity to share information and adopt common strategies in the maintenance of international peace and security. The Presidents of both the AU Peace and Security Council and the UN Security Council have urged for a more coherent and coordinated collaboration between the two institutions in the maintenance of international peace and security.¹⁶³ The president of the UN Security Council has, for instance, called for cooperation between the UN and the AU, and in particular ECOWAS, in resolving cross-border issues such as child soldiers, mercenaryism, arms and different forms of trafficking.¹⁶⁴

Broader institutional cooperation between the UN and the AU also contribute greater coherence in peace and security matters. An example of this broader institutional cooperation between the UN and the AU is that established between the UN Secretary General and the AU Commission Chairperson for information-sharing.¹⁶⁵ The UN Secretary General and the AU Commission Chairperson, in an effort to foster this broader cooperation, have jointly adopted a Joint Task Force, an Annual Desk to Desk Meeting, and an Annual Conference. The Joint Task Force meets bi-annually "to review immediate and long-term strategic issues of common interest, including conflict prevention, peacemaking, peacekeeping and peacebuilding."¹⁶⁶ The Annual Desk to Desk Meetings are intended to facilitate cooperation among the working level staff of the UN and the AU. Finally, the Annual Conference is a forum for senior officials of both the AU and the UN to discuss thematic and country specific issues. It was first held in 2017. The 2006 Framework for ten-year capacity building programme to AU¹⁶⁷ and the 2017 joint UN-AU Framework for enhanced partnership in Peace and Security are the two policy frameworks that govern cooperation between the UN Secretariat and the AU Commission. The former is a broad cooperation framework between the UN and the AU in the areas of development, human rights, peace and security and strengthening the UN.¹⁶⁸ Concerning matters of peace and security, the framework provides for collaboration in peaceful settlement of disputes, use of force, peace keeping, peace building, terrorism, peace building, transnational crimes, protecting women and children in situations of armed conflict, sanctions.¹⁶⁹ The 2017 joint UN-AU Framework for Enhanced Partnership in Peace and Security also provides a basis for further cooperation through joint mechanisms and regular consultations between the UN Secretary General and

¹⁵⁹ Paras 6, 7 & 8, UN Security Council Resolution 1744 (2007)

¹⁶⁰ UN Security Council Resolution 1801 (2008)

¹⁶¹ UNSC S/PRST/2007/7.

¹⁶² S/2007/386.

¹⁶³ S/PRST/2004/7 and S/PRST/2004/44; Peace and Security Council "Common African position on the UN review of peace operations" PSC/PR/2(DII) (29 April 2015).

¹⁶⁴ S/PRST/2004/7.

¹⁶⁵ UNSC S/PRST/2007/7; UN "United Nations, African Union launch joint Task Force on Peace and Security" (25 September 2010) <https://www.un.org/press/en/2010/sg2166.doc.htm> (accessed 18 June 2020).

¹⁶⁶ UN "United Nations, African Union launch joint Task Force on Peace and Security" (25 September 2010) <https://www.un.org/press/en/2010/sg2166.doc.htm> (accessed 18 June 2020).

¹⁶⁷ This was called for in [UN General Assembly resolution A/RES/60/1](#) of 2005 and later endorsed by the [UN General Assembly \(Resolution 63/310\)](#).

¹⁶⁸ [UN General Assembly resolution A/RES/60/1](#) of 2005, para 16.

¹⁶⁹ Ibid, paras 69 -118.

AU Chairperson of the Commission.¹⁷⁰ These collaborative efforts permeate through all the stages of conflict management: preventive diplomacy, peacemaking, peacekeeping, peace enforcement and peace building.¹⁷¹

Although Chapter VIII of the Charter sets out a framework for cooperation, it does not resolve all issues nor does it remove all potential for conflict. In particular, Chapter VIII does not address questions relating to the depth and breadth of its application. For example, while acknowledging the autonomy of regional institutions,¹⁷² the Charter clearly subordinates to regional entities to the UN Security Council's enforcement mandate.¹⁷³ This is particularly clear in the language employed in Article 53 which stresses that the regional entities can be utilized as a tool for the UN Security Council,¹⁷⁴ and is explicit about what such regional entities may not do without Security Council blessing.¹⁷⁵ The particular question that lingers from this framework concerns the rules pertaining to the use of force. The language of Article 53 itself is clear and leaves little room for interpretation: "But no enforcement action shall be taken under regional arrangements or by regional agencies without the authorization of the Security Council." Yet, the AU instruments seem equally clear: The AU may intervene in the territories of its member states in cases involving crimes against humanity, war crimes and genocide. The UN Security Council itself has never adopted a decision in any form, questioning the right of the AU to intervene, suggesting that the right is not questioned. Moreover, military intervention by African regional entities without Security Council authorization have not drawn censure from the Council. The most recent, and clear example, is the ECOWAS intervention without UN Security Council authorization, in the Gambia following the refusal by longtime president, Yahya Jammeh, to step down after the disputed election.¹⁷⁶ Previously ECOWAS had intervened in Liberia, Sierra Leone and Côte d'Ivoire.¹⁷⁷

There are a number of legal theories that can be advanced to justify the right of the AU to intervene in its members states, notwithstanding the clear language of article 53.¹⁷⁸ It is possible to see article 4(h) of the AU as constituting consent to intervene by treaty and thus not falling foul of the prohibition on the use of force under article 2(4) of the Charter. The main problem this construction is that consent to intervention can, under international law be withdrawn at any time. The application of article 4(h), by definition, applies where the state in which the intervention is launched, no longer consents. The second possible way is to interpret regional enforcement action as falling foul of article 53 only where the Security Council explicitly declines to authorize the action. In other words, regional enforcement action by the AU is deemed to be authorized unless the Council explicitly decides otherwise. It is not the purpose of this article to address this interesting question. It suffices to say that to date the AU and the UN have managed to establish coherence and a cooperative balance even in relation to this more complex area of their relationship. However, this is probably because to date, the UN Security Council has not adopted a decision calling into enforcement by a regional action

¹⁷⁰ Joint United Nations-African Union Framework for Enhanced Partnership in Peace and Security, https://reliefweb.int/sites/reliefweb.int/files/resources/signed_joint_framework.pdf (accessed 17 June 2020)

¹⁷¹ Ibid.

¹⁷² Article 52 (1) of the UN Charter.

¹⁷³ Article 53 (1) of the UN Charter; See also, Ugo Villani "The Security Council's authorization of enforcement action by regional organizations" 6 *Max Planck UNYB* (2002) 537, for a characterization of the relationship as both subsidiary and complementary.

¹⁷⁴ Article 53(1) of the Charter ("The Security Council shall, where appropriate, *utilize* such regional arrangements ...") (emphasis added).

¹⁷⁵ *Id.*, ("...no enforcement action shall be taken under regional arrangements or by regional agencies without the authorization of the Security Council...")

¹⁷⁶ Ismail Akwei "ECOWAS okays Military Intervention in Gambia, Joint Troops Stationed at Border" 18 January 2017, <https://www.africanews.com/2017/01/18/ecowas-okays-military-intervention-in-gambia-joint-troop-stationed-at-border/> (accessed 14 September 2020). For discussion see Christof Hartmann "ECOWAS and the Restoration of Democracy in The Gambia" (2017) 52 *Africa Spectrum* 85 and Marco Svicevic "Military Intervention in the Gambia: Lessons from the Ivory Coast, Liberia and Sierra Leone" (2018) 5 *Brics Law Journal* 49.

¹⁷⁷ Svicevic "Military Intervention in the Gambia: Lessons from the Ivory Coast, Liberia and Sierra Leone" (n 149 above).

¹⁷⁸ See for discussion Corten and Koutoulis "The *Jus Cogens* Status of the Prohibition on the Use of Force: What is its Scope and Why Does it Matter?" (n 5 above).

and because, to date, the enforcement action authorized by regional entities have been politically palatable to the UN Security Council.

4. Conclusion

While the UN Charter reserves for the UN a place of pre-eminence in the maintenance of international peace and security, it also recognizes the role of regional entities like the AU in maintaining international peace and security. The tension, actual or potential, inherent in the normative principles, doctrines or in the practice of these institutions necessitated an analysis of whether the relationship between these two entities in the maintenance of international peace and security is one of cooperative division of labour or competition.

At the normative level, both organizations have the mandate to deal with peace and security issues in Africa. The UN Charter bestows primary responsibility on the UN Security Council, suggesting a subsidiary role for the AU. Yet, the AU, through the principle of subsidiarity has assumed for itself a central role in maintaining peace and security on the continent. These normative differences have also played out in practice. In some of the instances discussed in the article, the AU has consistently seemingly adopted the posture that it has the primary role in maintaining regional peace and security and that the UN's role should be supportive. The magnitude of this tension is yet to manifest fully since to-date, the AU has not exercised potentially the most controversial mandate relating to the maintenance of international peace and security – the use of force under Article 4(h) of the Constitutive Act. It is thus appropriate that pathways for a more cooperative approach are sought. After all, the maintenance of international peace and security remains cardinal in international law, thus necessitating an effective cooperation and supportive framework.

Both the UN Charter and the AU instruments relevant to international peace and security provide mechanisms and tools for enhancing greater collaboration and partnership. Legal instruments, open as they are to differing interpretations, are not sufficient. A concerted effort by both entities to foster cooperation and partnership is required. This article has illustrated that, through the adoption of policy frameworks and other decisions, individually and jointly, both the AU and the UN have made strides in clarifying their relationship. However, tension in some high-profile cases in which cases both entities were exercising their mandates, suggests that much more needs to be done. In particular there is a need to address, more explicitly, the intersection and priority of mandates in the event of conflict.

**IMPLICATIONS OF SINO-RUSSIAN GEOSTRATEGIC
ALIGNMENT ON U.S POLICY ON VENEZUELA**

*Bekithemba Sibanda*¹⁷⁹, *Tinashe Sithole*¹⁸⁰

Abstract. The past decade has witnessed continued increases in Sino-Russian mutuality, rapprochement and cooperation. In many ways, Sino-Russian geostrategic alignment has significantly altered how the United States (U.S) exercises its power and influence across the globe, especially in its 'regions' of strategic interest. In essence, this article attempts to answer the following questions: How does Sino-Russian geostrategic alignment threaten U.S policy in Venezuela? How have Moscow and Beijing intensified comprehensive strategic alignment in political, economic and military dimensions? What is the emerging structure of power and polarity concerning US-Sino-Russian relations? This article examines these questions in detail, starting with a review of declining U.S supremacy and how China and Russia have combined to deflect U.S policy. The research findings reflect that the individual and combined fortitudes of China and Russia to project ample power in Latin America and, more significantly in Venezuela, mirror the new range of threats scuttling U.S foreign policy interests in the Western hemisphere. The study concludes that Moscow and Beijing will continue to impose countervailing resistance measures calculated to limit and hamstring Washington's exercise of power while consolidating their individual and joint capacities to shield their vital interests from the U.S.

1 Introduction

While Russia and China seemed to have limited power to challenge the preponderance of the U.S in the 1990s, that has changed since the Syrian war and Russia's invasion of Ukraine. Major factors influencing this transition are U.S militarism, and imperial overstretch that primarily threaten Russian and Chinese national security interests in Eastern Europe and Central and South East Asia, which then correspondingly explains the joint counterbalancing efforts by China and Russia in establishing international institutions (such as the Eurasian Economic Union-EEU and the Brazil-Russia-India-China-South Africa (BRICS) initiative) as alternatives to U.S-led institutions. In that vein, it is evident that China and Russia are continuously attempting to re-configure the distribution of power and influence away from the U.S to themselves hence severely threatening U.S foreign policy interests in an emerging multipolar system.

In this article, Sino-Russian geostrategic alignment is viewed as the upward cooperation and coordination in diplomatic, political, economic and military zones of convergence in Russian and Chinese interests whilst avoiding conflict and competition on matters of strategic contention. More importantly, since the mid-1990s, Sino-Russian alignment has been expressively strengthened by signing multiple agreements, joint declarations and treaties, increased defence and regional security cooperation, and mutual support for each other's territorial claims. Against that view, it is noteworthy to point out that the Sino-Russian strategic partnership is certainly not in the interest of the U.S, considering that Moscow and Beijing are sternly opposed to Washington's actions that undermine strategic stability in their continental and maritime peripheries.

The resurgence of Russia and China as trans-regional great powers is one of the significant factors that have the potential to reshape the international system fundamentally. So, while limitedly muffling the possibility of confrontations between Russia and China in Eurasia, Sino-Russian geostrategic alignment has become the primary development affecting the U.S foreign policy in regions

¹⁷⁹ *Bekithemba Sibanda* is a researcher with interests in international relations theory, international conflict as well as civil war and conflict in Africa. He holds a Master of Science in International Relations and a Bachelor of Science in Political Science from the University of Zimbabwe.

¹⁸⁰ *Tinashe Sithole* - University of Johannesburg, Department of Politics and International Relations, Faculty of Humanities, Email: tsitholetinashe@gmail.com,

where the U.S has previously enjoyed hegemonic preponderance. For instance, the U.S has previously asserted its influence without any real challenge, particularly in the South China Sea and Eastern Europe. However, the renaissance of China and Russia as great powers seeking to re-assert influence in the regions of strategic interests and security assurance means U.S-Sino-Russian convergence in these regions now has the potential to scuttle traditional U.S foreign policy objectives. As such, this becomes one of the threats to global stability, but more importantly, Sino-Russian geostrategic alignment, as the pivotal greater Eurasian relationship of the 21st century, has the potential to impose counterbalancing efforts hence significantly affecting U.S foreign policy options.

Having said that, the Venezuela crisis has been deemed by scholars and practitioners of international relations as one of the most critical international crises re-invigorating the return of geopolitical alignment and stubborn resistance to U.S hegemonic dominance. In essence, 19th and 20th-century U.S foreign policy in Latin America were predicated on strategic denial, primarily focusing on supplanting the military and economic influence of external powers (mainly European states), curtailing imperial territorial expansion whilst encouraging and safeguarding American trade and commerce (Loveman, 2016). At the turn of the millennium, however, U.S South American foreign policy overtly vindicated unilateral intervention, including military occupation and the transformation of autonomous states into political and economic satellites as strategic protectorates to defend U.S economic and national security interests.

In Venezuela, on the one hand, the U. S's top foreign policy priority has been to control and dominate the oil industry while ensuring that neither trans-Atlantic nor Eurasian powers establish economic, political and military relations that could threaten U.S economic and national security interests. On the other hand, China and Russia have augmented their economic and military engagements with Venezuela (and other Latin American states) to offset U.S monopolization of the country's oil and other natural resources. This has been attempted through commercial exchanges in oil and gas, quantum increases in Chinese loans, billions of dollars in investments in the oil and mining industries, and reinforced exchanges in military equipment and weaponry. While the U.S has threatened with military force the government of Nicholas Maduro, demanding that he step down, Russia and China (citing the Middle East region) have re-affirmed their concern and resistance to Washington's 'regime' change agenda, highlighting how it has plunged the world into an abyss of permanent conflict and war. Given the increasing geopolitical, economic and military interests of China and Russia in Venezuela and the re-emergent drive towards multi-polarity, this article's prime purpose is to examine and articulate the implications of Sino-Russian geostrategic alignment on U.S foreign policy on Venezuela.

Subsequently, this article discusses how the rise of China and the resurgence of Russia and their resolute determinations – and convergence to balance against U.S hegemony have spearheaded the emergence of a qualitatively different geopolitical environment characterized by the advent of novel Sino-Russian dominated centres of economic growth and political influence. This study begins with a brief history of the prevailing dynamics between Russia, China and the U.S in the immediate post-Cold War era, followed by a review of relevant literature. Secondly, Sino-Russian geostrategic alignment is conceptualized, explaining at length the economic, diplomatic, political and military dynamics that have shaped Sino-Russian geostrategic alignment. Thirdly, and subsequently, the research poses arguments on the resurgence of Sino-Russian geopolitical influence, primarily focusing on the ensuing global security competition between the U.S, China and Russia, as well as the constantly solidifying trade and economic mutuality between the latter two powers. Fourthly, this paper scrutinizes Sino-Russian alignment as the contemporary strategic restraint on U.S foreign policy options in Venezuela, expanding on how Moscow and Beijing have scuttled U.S foreign policy in the regions it considers of privileged interest. The research concludes by examining power and polarity and the future of trilateral U.S-China-Russia relations in the emerging multipolar system.

2 Literature Review

With the disintegration of the Soviet empire in 1989, power distribution in the international system was characterized by a unipolar international order that was dominated by the U.S. Conse-

quently, the first decade of the unipolar moment witnessed the least great power rivalry and competition because of the preponderant power that the U.S had discovered with the disappearance of its erstwhile rival, the United Soviet Socialist Republic (U.S.S.R) (Brands, 2017: 1; Duncombe and Dunne, 2018). In the immediate post-Cold War period, Shuya (2019: 19-21) argues that the U.S championed a chronic predilection of extra-territorial power projection further away from its hemisphere, adopting an assertive foreign policy approach without significant resistance from any other power. Thus, while the U.S could get its way through every foreign policy objective around the globe during the unipolar moment, this research highlights that counterbalancing measures by China and Russia have unremittingly thwarted and repudiated U.S foreign policy preferences across the globe, thereby threatening U.S ability to shape geopolitical affairs in its hemisphere to its favour.

In addition, in the early years since the end of the bi-polar system of the Cold War until the end of the first decade of the millennium, Brands (2017) and Cohen (2017: 48-50) concur that it was the U.S that was preponderant, exerting influence in Russia's continental hinterlands and China's maritime peripheries without significant opposition from the two latter powers. U.S foreign policy during this period, as it is currently, was predicated on the geopolitical dominance agenda, which was articulated precisely by Dutch-American international relations scholar Nicholas Spykman when he posited that to preserve its power, the U.S ought to pursue a foreign policy bent on dominating all the regions while supplanting the rise and influence of other potential continental powers in those regions (Kissinger 2001: 112; Friedberg 2005: 21-22). Against that background, considering the renaissance of a Russia that is determined to re-assert influence in the former Soviet Unions' spheres of influence in Latin America, such as Cuba and Nicaragua, and Venezuela more recently, and a China keen on stamping its authority in Latin American power politics as an economic and military powerhouse, this article argues that the Eurasian strategic partnership is in the long-term determined to counterpoise Washington's geopolitical ambitions as dictated by its interventionist-unilateralist foreign policy approach to international relations. Ferchen (2019), however, highlights that the Sino-Russian geostrategic alignment has effectively set a precedence for challenging the foreign policy of the U.S on its traditional Latin American sphere of influence. Consequently, what makes the contemporary power dynamics an interesting theme is that today, it is Russia and China jointly and individually projecting power and seeking influence in Venezuela and other Latin American states, in the same manner that the U.S has been doing in South China Sea territories and in the former Soviet states in Eastern Europe, particularly Ukraine and the Baltic States. As such, considering that Russian influence in Latin America has been low-key since the days of the Cuban Missile Crisis at the height of the Cold War, this study contends that Sino-Russian strategic alignment is effectively seeking to project power and influence in a bid to offset U.S foreign policy in the region.

In that vein, Korolev (2016: 378) and Garcia (2019: 12-14) postulate that the U. S's foreign policy strategies, since the 2011 series of crises (the Arab Springs) in the Middle East and North Africa, have not only triggered both China and Russia to start balancing internally by increasing military spending, but also prompted a more formidable China-Russia comprehensive strategic alignment that is even more detrimental to U.S national interests in its near-abroad. As such, this research indicates that the rebirth of multiple centres of power, apart from threatening the core principles of U.S foreign policy objectives in Venezuela, is ushering in a new landscape re-defining the distribution of power, as China and Russia are gradually challenging and competing with the U.S, essentially over every significant issue concomitant to their national interests.

Furthermore, while the U.S primarily aims at absolute unilateral supremacy in the international system, the latest geopolitical advances by Russia and China in Latin America indicate that the Sino-Russian strategic partnership is vigilantly resolute on modifying the global dynamics in the distribution of power, just as much as the U.S is bent on preserving it, hence dangerously testing rock-solid U.S determinations to exclusively shape geopolitical affairs in its hemisphere (Chase and Medeiros, 2017: 8-9). This complex intensity of divergence and byzantine incompatibility of foreign policy interests makes the resurgence of a multipolar structural establishment a thought-provoking research domain. Moreover, according to Cimbala (2018: 9), Russia and China are identified in national security policy documents, such as the Nuclear Posture Review (NPR) and the Nation-

al Security Strategy (NSS), as “U.S peer competitors and systemic disrupters that constitute the main threats to international stability and future American security.” Remarkably, such undertones of threat perception illustrate that crises involving the great powers as adversarial competitors, such as in the Venezuela crisis, pose a serious threat to the relative peace that has prevailed since the end of the Cold War, especially when considering the desiccating power of the U.S and the simultaneous re-emergence of long-term strategic rivalry driven by Sino-Russian determinations to shape a world antithetical to Washington’s foreign policy interests. For Cunningham (2019), the cutting-edge blow-up in international affairs involving Venezuela, with China and Russia countering Washington’s designs for ‘regime change’, “is but the latest in a whole gamut of international developments...which ultimately stem from the U.S ’s desperate attempt to maintain its domineering foreign policy approach to international relations.”

It is against contemporary U.S-China- Russia trilateral relations that this research endeavours to contribute modern knowledge and insights on the repercussions of a resurgent multipolar order on U.S foreign policy on Venezuela while also provoking further debate amongst scholars on the reformist developments in the distribution of power and how these changes are paving the way for a transition from the U.S unipolar international order towards a multipolar structural establishment with conflicting centres of power.

3 Methodology

The research is based on qualitative techniques, utilising a case study research design. Interviews with key informants and Focus Group Discussions (FGDs) were the methods of collecting primary data. Interviews were held with six key informants directly acquainted with U.S-China-Russia engagements in the international system. An interview guide was the instrument for collecting data from the respondents. The respondents and contributors were labelled Expert Respondents (‘ER1’– ‘ER6’), while contributions from the three focus groups are cited as ‘FGD1’ – ‘FGD3’ for anonymity and confidentiality. Subsequently, three FGDs comprising four discussants each were conducted with U.S foreign policy experts, policymakers and researchers in the field of politics and international studies, security and strategic studies. In the FGDs, issues raised in the interviews were discussed in greater detail. Four interviews and two FDGs were conducted online through Information Communication Technologies such as Zoom, Microsoft Meetings and Skype. In addition, secondary data from documentary search focused on utilising readily available and trending information from white paper reports, published journals, grey literature, online publications and articles focusing on trilateral U.S-China-Russia relations. Data analysis followed a qualitative approach. Data were categorised into various themes and sub-headings, with content analysis including the assessment of grey literature, unpublished texts, video–conferences and respective governmental speeches relating to contemporary great power relations.

4 Conceptualizing Sino-Russian Geostrategic Alignment

The normalization of Sino-Russian relations in 1989 foreshadowed the two countries’ rapprochement, broadening bilateral cooperation and coordination in international matters that affect their individual and joint interests while concomitantly seeking to impair and undermine Washington’s preponderance. Considering their geographical proximity, the Sino-Russian strategic partnership is underscored by many contentions, including mutual hostility and an enduring distaste against Washington’s meddling in their neighbourhoods. In the early-mid 1990s, U.S involvement in the expansion of the European Union (EU) and the North Atlantic Treaty Organization (NATO) further East to include former Soviet republics such as Belarus, Georgia, Poland, Romania and more recently, Sweden, Finland and Ukraine, further threatened and alienated Russia, forcing it to turn to the East. In a similar custom, sustained kinetic U.S military presence in Beijing’s continental and maritime hinterlands in the Asia-Pacific ignited a sharp resentment against U.S over-projection of power, threatening China’s vital interests in the region. Subsequently, in a bold eastward turn, Russia elevated its partnership with China to advanced high points on the heels of the 1993 Sino-Russian ministry-to-ministry defence cooperation, entering into a strategic partnership of coordination in 1996.

In the past three or so years, the U.S has estranged both Moscow and Beijing by slapping rippling sanctions and trade embargos on the former and sustaining a mutually destructive trade war with the latter. These circumstances have brought China and Russia closer together, of course, under the axiomatic maxim that the enemy of my enemy is my friend! In light of shared apprehensions over U.S supremacy, Moscow and Beijing have, over the years, progressively moved to strengthen collaboration and synchronization in international affairs and support each other on issues affecting their core interests. For example, while the U.S immersed its fingers deep into the affairs of Middle East states such as Iraq, Afghanistan, Syria and Libya, the emergence of China and Russia and their engagements with Venezuela have foiled a possible American-style military intervention to oust the Venezuelan president Nicholas Maduro in a *coup de tat*. Sino-Russian strategic alignment has profoundly sought to challenge unrivalled U.S power through enhanced political, diplomatic, economic and military cooperation.

4.1 Sino-Russian Political and Diplomatic Cooperation

To understand and conceptualise Sino-Russian strategic alignment, the researcher solicited data concerning the history and development of China-Russia relations. Findings reflect that from the mid-1990s, Sino-Russian political affinities and rapport have evolved along a positive continuum. Initially defined as good neighbourliness and mutually beneficial partnership, Sino-Russian relations progressed to a constructive partnership and further into a strategic partnership of coordination in the early years of the millennium (Wishnick, 2002). Corresponding to this assertion, ER1 opines that:

...over the past decade, China and Russia have increased political cooperation as earmarked by the chemistry and regular staff-level meetings between the two nations' leaders - Russia's Vladimir Putin and China's Xi Jinping, as well as several agreements by the respective states' agencies and ministries.

Evidently, this dynamic has been further deepened by diplomatic solidarity in rebuffing U.S-backed resolutions and unilateralism in various global crises and, more recently, in Venezuela and Ukraine crises.

Seconding this view, ER4 emphasised that the foundations of Sino-Russian collaboration in modern international relations date back to as far as 2001, when China and Russia signed the Treaty of Good Neighbourliness and Friendly Cooperation, fortifying their bilateral political and diplomatic ties. ER6 further stressed that this treaty not only developed the foundation of a strategic partnership but further became the mainstay of Sino-Russian strategic alignment – bolstered by the ratification of the Joint Statement of the People's Republic of China (PRC) and the Russian Federation (RF) on Major International Issues in 2008. This statement unequivocally expressed that the PRC and the RF should collaborate and coordinate politically in all multilateral formats to advance their joint interests while undermining the U.S-led unipolar international order. In this scenario, Moscow and Beijing could flaunt the probability of an imminent formal military alliance or *ad hoc* cooperative format with the other “to gain strategic leverage over Washington and put the U.S at a bargaining and power disadvantage” (Hsiung, 2019). In so doing, Russia and China are bound to constrain the White House's traditional exercise of power effectively. As such, from the joint declarations and statements denouncing unipolarity as an unsustainable world order, growing Sino-Russian political cooperation and coordination in promoting multi-polarity has significantly handicapped the custom in which the U.S exercises global political power.

Additionally, ER3 reaffirmed that China and Russia have also increased mutual diplomatic support in repelling U.S initiated resolutions in the Security Council, specifically those that threaten to subvert the primary and secondary interests of the two countries in regions beyond their hinterlands. More recently, China and Russia used their veto powers in the Security Council to block a U.S-suggested draft resolution on Venezuela that called for a ‘peaceful restoration of democracy through holding free and fair presidential elections, further reiterating that U.S efforts are aimed at toppling Maduro from power.

Bearing in mind that Russia, China, and Venezuela have close political and economic ties, it is fundamentally central to highlight that Sino-Russian resistance against U.S determinations significantly reflects that while the U.S remains influential, it is a hegemon in relative decline, dis-

mally failing to translate its comprehensive power into desired political outcomes (ER5). All these Sino-Russian endeavours confirm that Washington has plummeted from its principal position of supremacy and that a fundamental system-altering power transition away from unipolarity towards an order defined by multiple centres of power is materialising (Brooks and Wohlforth, 2016). Consequently, it has become unambiguously clear that the political dynamics between the emerging 'revisionist powers' (Russia and China) are behind the potential historical transition from unipolarity to a multipolar order.

In Latin America, Sino-Russian strategies of trans-regional political cooperation as a constraining force on U.S foreign policy have extended to include such states as Bolivia, Cuba, Nicaragua and Venezuela. Against that background, ER2 reiterated that while Russia has signed defence pacts with traditional allies like Cuba and Venezuela, China has extensively sought to bolster bilateral diplomatic and political ties as a prelude to broader economic cooperation with numerous other South and Central American nations such as Chile, Peru, Argentina and of course, Brazil. Henceforth, the current geopolitical advances by the two powers in Latin America-being, Washington's traditional sphere of influence, reverberate with the changing distribution of power in the international system and a sharp decline in Washington's ability to shape that order in its favour.

It is thus noteworthy to point out that the strategic political cooperation and coordination between Russia and China corroborates the view that there is indeed a greater convergence in Sino-Russian relations on the matter of mutually containing and balancing against Washington's arrogant and unilateral foreign policy that attempts to dominate the globe. In the same spirit, Friedberg (2005: 19-20) noted that:

...rising powers seek not only to secure their frontiers, but to reach beyond them...taking steps to ensure access to markets, materials and transport routes, to protect their citizens far from home, defend their foreign friends and allies, promulgate their values, and in general, to have what they consider their legitimate say in the affairs of the region and the wider world...

In light of the preceding observations and insights, it can be argued that Sino-Russian geo-strategic alignment has challenged U.S primacy in the unipolar order and pressed towards fashioning a multipolar international system. When combined, the Sino-Russian strategies of countervailing measures and resistance have arguably accelerated the incapacitation of Washington's intemperate exercise of power in its foreign policy, effectively restraining U.S unilateralism while safeguarding their individual and mutual interests. Given such denting hiccups to U.S foreign policy objectives, it can be acknowledged that Sino-Russian cooperation and coordination in political and diplomatic initiatives have undermined the viability of the U.S-led international system.

4.2 Sino-Russian Economic Dynamics

The past decade has witnessed intensified Sino-Russian economic cooperation, further buttressed by the Trump administration's imposition of unilateral sanctions and tariffs against both countries. The two nations are swiftly moving from limited economic relations "...to a comprehensive strategic and economic partnership that can be anticipated to change not only the profile of China-Russia bilateral relations but also the power architecture of the entire Eurasian continent and the world as a whole" (Hsiung, 2019: 14). In essence, Russia and China have increased bilateral trade and commercial exchanges from the energy and minerals sectors to the petrochemicals and weapons sectors. In that limelight, discussants in FGD1 and FGD3 corresponded that Beijing and Moscow are currently undertaking joint energy and infrastructure development projects, diversifying their traditional commercial exchanges in oil and gas towards nuclear power engineering, space exploration, as well as dual development and exploration of the Arctic region. Against the backdrop of comprehensive bilateral political relations, the growing economic interdependence between Russia and China is indisputably modifying the centralization of global economic power and influence further away from the West to the emerging powers in Eurasia. That said, it is evident that Sino-Russian economic coordination in individual and multilateral formats is presenting a new economic order headquartered in the emerging economies, fundamentally modulating a generation of U.S economic superiority.

In further seeking to emasculate U.S global economic power and influence, in 2013, China masterminded the creation of a comprehensive economic framework for the 'new globalization, in

the form of the New Silk Road (also known as the One-Belt-One-Road initiative). Like the U.S.'s Marshal Plan in Europe after the 2nd World War, this trans-regional economic enterprise is designed primarily to strengthen multilateral economic ties and inter-state cooperation across Asian, European, Middle East and African countries; hence the marvel silk road economic belt of the 21st-century (Storey, 2016: 3-5). Furthermore, scholars writing about the growing influence of Beijing argue that China's Belt and Road initiative is a double-jointed transnational integration model envisioning the development of transportation and communications infrastructure for connectivity and commercial-trade networking to facilitate the transit of Chinese merchandise to westward markets (Kaplan and Penfold, 2019; Chase and Medeiros, 2017). In that instance, the Silk Road project parenthetically provides trade and investment opportunities in transit countries, creating jobs and fostering inter-regional infrastructural development. Such efforts by China are seen as strategies to telegraph its influence worldwide, offsetting Washington's foothold and the broader West's economic preponderance in the global economy. In that vein, it can be read that the rise of China and its soft power strategies are aimed at curtailing the economic superiority of the U.S., especially in its regions of privileged interest. By so doing, Beijing is accelerating the demise of Washington's unipolar international distribution of capabilities and influence.

Similarly, FGD2 discussants articulated that Russian determination to permeate European markets, the greater Middle East and Central Asian states through a comprehensive network of oil and gas pipelines resonates with a drive geared towards lesser dependence on the West's liberal international economic order. From the same group, one participant specifically emphasized that the rejuvenation of competitiveness in Russia's energy industry orienting towards the exportation of natural gas and oil significantly indicates that there is bound to be additional commercial exchange transactions between Russia and China, as well as with former Soviet territories and most Central Asian states. For example, the construction of the Eastern Siberia to the Pacific Ocean (ESPO) oil pipeline, which became operational in 2011, guarantees Moscow's advantage in supplying energy resources to China and numerous other Central Asian states such as Kyrgyzstan, Tajikistan and Kazakhstan. In the same manner, the NordStream and TurkStream pipelines have gained gradual importance as Europe looks to cheaper energy resources from Russia than Washington's exorbitantly expensive liquefied natural gas. Against the backdrop of increasing energy consumption by Western industrialized nations, the importance of Russia as a dependable economic partner has seen more significant bilateral trading surpluses between Russia and EU countries such as Germany, Hungary and Austria. A summation of the growing economic importance of China and Russia, especially in the energy sector, further solidifies the view that the U.S. is no longer the only influential actor in the world economy. Henceforth, it can be reiterated that Beijing and Moscow's growing economic significance reflects the modification of economic capabilities and influence distribution.

Furthermore, in 2015 Russia and China aligned their flagship economic initiatives-the EEU and the Belt and Road Initiative to nurture robust regional economic relations while lessening dependency on the EU and the international financial market system dominated by the U.S. Since 2015, there have been massive Chinese financial investments in Russian projects such as the Altai and SouthStream oil pipelines, and more importantly, Moscow and Beijing have stressed the imperative of bilateral trade and investment in their local currencies (the rouble and the yuan respectively), with plans to ditch the U.S. dollar to undermine the international economic prowess of the U.S. and its currency. As if that is not enough, Russia and China have mutually banded in blatant defiance against unilateral measures taken by the U.S., strategizing on how to combine their efforts to sidestep the negative impacts of Washington's trade tariffs and sanctions on their respective economies for the stability of the Eurasian region. As such, the gradual rise of emerging non-Western economic powers such as India, China, Russia and many other Asian nations in a globalizing economy, interlacing with an intermittent transfer of relative wealth and economic power from the West to the east, are contributing to the creation of new multipolar structural establishment (Brooks and Wohlforth, 2016: 14-17). Consequently, the current advances by Moscow and Beijing authenticate the notion that the U.S. is no longer the sole superpower with the ability to influence the power dynamics and economic outcomes of the international system. Alongside escalating economic disagreements with America,

bilateral Sino-Russian relations have been patently distinguished by progressive patterns of deepening cooperation and regard for mutual geopolitical and strategic interests vital for consolidating the resurgent multipolar system.

4.3 Sino-Russian Military Cooperation

The 1996 signing of the Treaty on Deepening Military Trust in Border Regions in Shanghai by the heads of states of China, Kazakhstan, Kyrgyzstan, Russia and Tajikistan set not only the foundation of the SCO but also the maiden groundwork for future military cooperation between the two eastern giants. The arrangement was further reinforced by signing the 1997 Treaty on Reduction of Military Forces in Border Regions at a Moscow summit. However, the Treaty of Friendship and Cooperation signed between China and Russia in 2001 was the turning point of bilateral military cooperation in Sino-Russian relations. This agreement allegedly included implicit addendums on common defence, aerospace military cooperation, bilateral cooperation on military technologies and new weapons sales (Wishnick, 2002: 6-8). Since then, Russian defence contractors in the military-industrial complex have sold high-tech armaments to Beijing, ranging from the modernised SU-35 fighter aircraft and submarines to anti-ship missiles and advanced microelectronics. As a result, Beijing is currently the principal procurer and licensee of the Kremlin's military equipment, most of which has been pivotal in the modernisation of China's People's Liberation Army (PLA). Accordingly, these military exchanges have relegated the security dilemma supposedly emanating from the peril of proximity as the two regional powers flirtatiously cooperate on an assortment of defence and security cooperation mechanisms premeditated to weaken Washington's unipolar power arrangement.

Furthermore, by progressively aggregating their power capabilities, Moscow and Beijing have disconcerted U.S. manoeuvres predicated on the divide and conquered tactic vital for an off-shore-balancing foreign policy approach. For example, in a recent attempt to prop up 'regime change' in Venezuela in late 2018, the U.S. threatened the use of military force. However, in an unprecedented deterrent move, Russia and China deployed military-aircraft equipment and several hundred military personnel to carry out military drills with Venezuela's armed forces. Considering the deepening strategic alignment between these two states, it can be translated that a more substantial convergence in Russian and Chinese interests is more likely to deter Washington's influence and military presence in the key regions, including Latin America. Put together; these scenarios posit that while the U.S. may remain the most powerful state actor, the rejuvenation and expansion of Sino-Russian military engagements have certainly had a limiting effect on the custom in which the U.S. conducts its foreign policy, strengthening the momentous dynamic towards the establishment of a multipolar international order.

In addition, Sino-Russian military cooperation has gradually become extensive, transcending arms trade and general weapons exchanges. Sources indicate that every year hundreds of Chinese military officers receive training in Russia, further asserting that within that setting, Russian and Chinese defence experts and scientists partake in military exchange programs vital for the mutual capacity development of their respective militaries. Notably, the military-to-military collaboration between the Bear and the Panda has upgraded to include intelligence sharing on vital regional issues and combined military drills in an alliance format aimed at displaying a massive capacity for the offensive and retaliatory military force of external aggression. For example, in military drills tag-named Vostok 2018, Moscow and Beijing, roping in Mongolia, conducted arguably the largest war games in decades, displaying their aggregate military capacities. In this instance, it can be inferred that Russo-Chinese military engagements gravitate towards formalising an alliance to balance Washington's threatening power. Consequently, the increased military cooperation and the comprehensive strategic alignment between Moscow and Beijing qualify their relationship as a subtle and fluid type of alliance. In light of the various facets of Sino-Russian military coordination and cooperation, it can be suggested that, even without the formal declaration of an alliance, the concerted political, economic and military efforts by China and Russia are strategies directed toward the refurbishment of the international system from a unipolar structure to an establishment accommodating all the regional powers and their national interests.

5 Implications of Resurgent Sino-Russian Geopolitical Influence on U.S Foreign Policy

Since the early 19th century, the No Transfer principle of 1811 and the Monroe doctrine of 1823 were the fundamental defence and foreign policy instruments guiding unrivalled American preponderance in Latin America. While that has been the case for two generations, current geopolitical complexities in Venezuela signify that China-Russia intrusions into Venezuela are potent threats to the political interests of the U.S as enshrined in Washington's democracy agenda. Up-to-the end of the first decade of the millennium, the U.S had absolute dominance in Latin America. Nonetheless, the Beijing-Moscow axis and its resurgent geopolitical influence, especially in Venezuela, has constantly frustrated U.S policy, as the latter cannot afford unilateral action that could further strain great power relations over Latin America.

Furthermore, while the U.S imposed rippling economic embargos on Venezuela, China and Russia have constantly supplied humanitarian support, providing essential commodities and medicines. Considering the diplomatic responses by Beijing and Moscow in rebuffing U.S machinations geared towards ousting Maduro, it can be posited that these developments have altogether frustrated the U.S 'regime change agenda. More importantly, by deploying military assets into Venezuela at the height of the political crisis, China and Russia have sternly sought to deter perceived U.S military intervention from restoring democracy through the ouster of the dictatorial 'regime' led by Nicholas Maduro. In that vein, the Russia-China strategic partnership continues to frustrate U.S efforts designed toward 'regime change' while simultaneously entrenching their joint and individual political, economic and military interests and their growing footprint as essential stakeholders in international relations in an emerging multipolar world.

Furthermore, China and Russia's posture in deflecting U.S foreign policy determinations in Venezuela is driven by the tragic outcomes of 'restoring democracy in the Middle East. As noted earlier, while China and Russia were powerless to object to the invasion of Afghanistan and Iraq in the early 2000s, the disastrous consequences of U.S military intervention in Syria and the protracted war in Afghanistan impelled surprising Sino-Russian coordination in rebuffing U.S-backed United Nations (UN) Security Council resolutions, retarding and dwarfing any prospects that Washington will be able to achieve its foreign policy objectives of upholding and promoting democracy. Coupled with their vested investment, trade and economic interests, the strategic rigidity of China and Russia in Venezuela essentially shows that the U.S democracy agenda faces unwavering resistance, further showing the waning aptitude of Washington to transform its comprehensive power into desired political outcomes in the face of Sino-Russian counterbalancing efforts in an increasingly multipolar order. Given this analysis, it can be portended that the decline in U.S supremacy, under a serious simultaneous battering from Sino-Russian geostrategic alignment, is marshalling the dawn of a multipolar world in which Moscow and Beijing have amplified responsibilities in virtually all international issues.

5.1 External Competition in Trade and Economics

The political crisis in Venezuela has been highlighted by the centrality of economic and trade issues as the primary drivers of the great power confrontations. Since the Spanish Wars of Independence, the American republic had gained veto supremacy and monopoly over economic and trade issues in Latin America as a market for U.S exports and merchandise. However, over the past decade and a half, Sino-Russian energy and financial parastatals have ravenously asserted their economic influence in Venezuela, gaining significant shares in the state-run oil company – Petróleos de Venezuela (PDVSA), as well as lucrative contracts in infrastructural development, construction, mining and energy development sectors (Negroponte, 2018: 1-2). Further bolstered by the piling Western sanctions on Venezuela, the diversified investment opportunities offered by China and Russia have not only out-competed U.S corporations like Citgo and Exxon Mobil, but they have largely orchestrated institutional erosion of the post-World War II international financial institutions (the International Monetary Fund (IMF) and the World Bank), as China's loan banks (the Chinese Development Bank (CDB) and the Exim Bank) are increasingly becoming the primary financiers of many projects in the developing world, including quantum investments in various industrial and manufacturing sectors in

Venezuela.

In addition, Sino-Russian interests in Venezuela, decisively grounded on bilateral economic and investment cooperation as strategic inroads into a region of significant geopolitical importance, are undermining the traditional sway the U.S has held over Latin American economies. As such, the growing investment and multilateral economic cooperation between China, Russia, Venezuela, and most of Latin America is the gradual confirmation of Washington's diminishing ability to dominate international political and economic relations, as was the case in the early years of the unipolar moment. Considering that Washington's key economic interests in Venezuela revolve around the politics of oil, the diffuse influence of Russian and Chinese companies, such as Rosneft and the China National Petroleum Company (CNPC), among others, as the significant explorers of Venezuela's vast oil reserves further validate the long-term competitive-oriented impacts of Sino-Russian geostrategic alignment on U.S policy on Venezuela. In that vein, it can be noted that continued efforts by Moscow and Beijing to extend and telegraph political and economic influence further into the U.S's traditional sphere of influence are weakening the traditional stronghold Washington has had for over two centuries. In that limelight, it can be prognosticated that these developments increasingly reflect the transformation of the re-distribution of power from a unipolar order towards a multipolar international system.

5.2 Global Security Competition

The principal national security policy objective of the U.S republic since its independence in the late 1700s has been to forestall the emergence and influence of non-Western-hemispheric powers in its traditional sphere of influence. Generally, U.S national security imperatives have been primarily predicated on the desire to avert the burdens and susceptibilities of the political, military and economic influence of major antagonistic powers or failed states on its continental and maritime peripheries (Allison and Blackwill, 2000: 35). Sino-Russian access to the region and Venezuela in particular, avail geopolitical leverage that would facilitate extreme ease in conducting military and intelligence espionage operations against the U.S. In contemporary international relations, the individual and combined fortitudes by China and Russia to project comprehensive power in Latin America, and more importantly in Venezuela, mirror the new range of threats scuttling U.S foreign policy interests in the Western hemisphere.

For Western strategists and statesmen, the high-level Sino-Russian transcontinental political and military outreach into Venezuelan politics is an undeviating threat to U.S national security interests. More so, the peril of proximity emanating from the diversified weapons sales to Venezuela (which the country is arguably using to promote instability closer to Washington's southern borders) has stirred regional instability impasses. While other scholars insinuate that such cooperation with Venezuela and many Latin American states is a systemic pushback for Washington's meddling in their hinterlands, China and Russia see their ubiquity in Latin America as antidotes designed to attenuate the international leadership of the U.S by modifying the balance of power in the post-Cold War arrangement, while increasing Moscow and Beijing's global participation to promote their individual and joint geopolitical, commercial, energy and military interests. Against this background, it is noteworthy that the Sino-Russian partnership and its willpowers directed at challenging U.S preponderance has significantly stymied the operations of U.S foreign policy in Venezuela.

Further bearing in mind that the U.S has traditionally responded with aggression or the threat of the use of force in such scenarios, it is noble to concede that the U.S, like the weary Titan, is slowly becoming impotent in fending off geopolitical competition and the national security threats in its Latin American sphere of privileged influence. As a result, how the U.S has responded to Sino-Russian advances into Venezuela reflects not only its waning capacity to maintain unipolar dominance but also the growing determinations of China and Russia to partake on a greater scale in the processes and outcomes of international relations. Given such observations, it is, therefore, more evident than it is apparent that Sino-Russian geostrategic alignment is imposing a myriad of stumbling blocks in the manner in which Washington can exercise its comprehensive power to achieve the desired political and economic outcomes in Venezuela.

6 Sino-Russian Alignment: The Strategic Restraint on U.S Foreign Policy on Venezuela

The transformation of the international system following the Sino-Russian comprehensive partnership has re-invigorated the development of strategic checks and balances on the long-term foreign policy objectives of the U.S, significantly affecting its foreign policy choices. Within the context of the resurgent multi-polarity, it is also vital to examine Sino-Russian alignment as the strategic, systemic restraint on U.S foreign policy on Venezuela. Tapping from history, systemic restraints can be understood as the fundamental properties characterizing the distribution of power and capabilities in the international system that altogether “restrict freedom of action by forbidding or raising the costs of certain kinds of actions, or compelling other kinds of actions” (Brooks and Wohlforth, 2008). All in all, the happenings in Venezuela have shown that Sino-Russian involvement has primarily played a significant role in limiting the spectrum of preferred foreign policy trajectories open to Washington’s selection. Thus, considering the balance of power dynamics informing the geopolitical struggles over Caracas and the resultant limits they have imposed on the U.S exercise of power, it is imperative to discuss their significant ramifications on U.S foreign policy choices on Venezuela.

6.1 Emergent Contemporary Balancing in U.S-China-Russia Relations

Since the Peloponnesian War in Ancient Greece, the enduring historical properties of the international system have shown that when the leading hegemonic state uses its material capabilities to pursue its foreign policy and security objectives, threatened states will align or form a counterbalancing coalition to sidestep the consequences of dominance. In contemporary international relations, the advent of Sino-Russian strategic alignment has stimulated counterbalancing dynamics on the custom in which the U.S dispenses its power while executing its foreign policy. The power potential of Moscow and Beijing to act as counterweights to Washington’s foreign policy dispositions, considering their ability to generate sufficient political, economic and military capabilities to forestall U.S military intervention aimed at ‘regime change’ in Venezuela, reflect that the balancing imperative is one of the partnerships’ core priorities. In so doing, the Beijing-Moscow axis and the strategic restraint it establishes ultimately means that the international environment in which Washington has been operating since the end of the Cold War is gradually evolving, bringing with it limiting constraints on U.S foreign policy.

The balancing dynamic is further bolstered by the fact that while no significant conventional power has previously exhibited any propensity to engage its military capabilities to directly or indirectly restrain U.S power and the threats emanating from it, China and Russia have continuously demonstrated such inclinations. In Venezuela, the stationing of Russian and Chinese military personnel, defence installations and military aircraft signal the emerging consensus on the matter of balancing against Washington’s unilateralism. In that way, in the short-term, Beijing and Moscow have deterred imminent U.S military intervention from overthrowing Maduro, disguised as the imperative of restoring and upholding democracy.

The strengthening of the balancing efforts in China and Russia’s stance against the U.S in Venezuela emanates from both security and non-security interests. Inevitably, the anarchical system generates permissive conditions for states to maximize their survival by checking and balancing against threatening “concentrations of power by building up their capabilities or aggregating their capabilities in alliances with other states” (Brooks and Wohlforth, 2008: 24-25). Against this background, it can be re-asserted that U.S foreign policy has, since the end of the Cold war, provoked future counterbalancing from China and Russia. By threatening the vital interests of Moscow and Beijing in their continental and maritime peripheries, Washington set the stage for future Sino-Russian alignment as a balancing alliance against U.S power. In that vein, the Venezuela dilemma has revealed the emergence of competitor poles, diminishing U.S advantages that came with unipolarity, such as the undoubted ability to command political, economic and military outcomes, especially in its hinterlands! As such, it can be noted that from the multipolar competition has ensued what Ikenberry (2005: 143-144) discusses as Washington’s ‘legitimacy dilemma’. Simply put, the Venezuela debacle has proved that U.S legitimacy as the leader of the unipolar order is under unrelenting assault. As such, Washington cannot exercise foreign policy free-play by commanding compliance in

the same manner as it did during the immediate unipolar moment.

Given these arguments, it is noteworthy that Sino-Russian geostrategic alignment has imposed significant counterbalancing and resistance measures that have altered the traditional trajectory in U.S foreign policy dispensations. As early into the millennium as 2002, Wohlforth (2002) had argued that “the balancing imperative will in a little while dominate great powers’ strategic choices in the contemporary unipolar system.” Over the years, though somewhat irrefutable that Washington remains the indubitably preponderant global power, emerging powers such as Russia and China have often combined to inflict limiting restraints, resultantly deflecting U.S strategic foreign policy choices in a typical balance of power design. As a result, considering the geopolitical undercurrents at play in Venezuela, the increasing dynamic towards intensified balancing efforts has heralded an emergent multipolar order in which the U.S is deprived of the unipolar prerogative of commanding the global politico-economic and military outcomes simply by unilaterally dictating its foreign policy objectives. The crisis in Venezuela illustrates the significant way Beijing and Moscow have resolutely sought to scuttle America’s preferred foreign policy in an unprecedented turn of events that have resuscitated the debates on power and polarity in an emerging multipolar international system.

6.2 Power and Polarity in the Post-Unipolar World

The U.S faces a range of significant structural-systemic impediments in translating its preponderance to achieve desired outcomes, especially given the inability to achieve and safeguard its preferred political interests and its democracy agenda in Venezuela, accumulative external pressures from Sino-Russian competition in trade and economic influence, as well as its declining ability to effectively deter threats to its national security imperatives: all of which are perplexing developments that could not be portended at the apogee of Washington’s unipolar dominance. Manifestly, Russia and China are increasingly carving out spheres of dominant influence within their respective neighbourhoods, seeking to undermine the U.S alliance architectures and its strategic partnerships in these areas whilst developing the requisite military competencies vital for achieving the trans-regional primacy and the telegraphing of power even further abroad. Thus, the world is experiencing the renaissance of intense great power competition powered by Sino-Russian geostrategic alignment, which is a threat to U.S foreign policy, especially in its own backyard: Venezuela.

The re-distribution of power amongst the emerging power centres has re-defined power and polarity from a unipolar system to a polycentric structure wherein China and Russia have increased potential of equally determining the global political, economic and military processes and outcomes of the international system. Contemporary developments in international relations, especially when looking at the growing influence of the Sino-Russian dominated regional and international institutions (such as the EEU, the SCO and the BRICS), reflect the waning capacity of Washington to effectively (mis)use the post-war establishments to command compliance and thus set the tone for the achievement of its foreign policy objectives. Venezuela has been the most recent illustration of the growing capacity of Beijing and Moscow to imperviously constrain U.S unilateralism in international relations.

Furthermore, as the U.S struggles to end the interventionist wars of ‘regime change’ it calamitously initiated at the turn of the millennium, a considerable number of nations in Latin America are increasingly ‘looking East’ towards China and Russia as sustainable alternative sources of global political and economic stability. These developments wrap up to reflect the dwindling grasp that the U.S has enjoyed across all international domains since the end of the Cold War. In contrast, China and Russia have continuously asserted their power and influence, making many allies and strategic partnerships with states that the U.S had condemned as perpetual nemeses, such as Venezuela, Cuba and Nicaragua, among others. As such, the developing patterns of power and polarity reflect diametrically polarized interactions between most rising regional powers, especially those opposed to Washington’s domineering foreign policy stance.

While Moscow and Beijing had relentlessly advocated reforming international financial institutions and decentralization in global governance mechanisms, with little success, they have spear-headed individual and joint efforts to establish international institutions that seek to de-concentrate power from U.S-dominated organizations. In the emerging multipolar order, organizations such as

the BRICS, SCO, the Collective Security Treaty Organization (CSTO), as well as financial institutions such as the New Development Bank (NDB), the CDB and China's Exim Bank, are increasingly consolidating influence as alternative mechanisms of international political and financial cooperation to the detriment of America's privileged unipolar position. In retrospect, a combination of these establishments as political and economic frameworks reflects their inherent heterogeneous capacity to reshape the international system's structure and distribution of power.

Consequently, within the context of the resurgent multi-polarity, Moscow and Beijing are nurturing an intermediate global interposition between the U.S and those countries that are overtly and covertly seeking to challenge the U.S-dominated order. In doing so, China and Russia substantially weaken America's influence, alliance establishment and strategic partnership systems across Latin America through diplomatic, trade and commercial exchange strategies essential for consolidating the polycentric world order. So, it is emphasized that as China and Russia develop economically and militarily, they will frequently impose counterbalancing measures premeditated to restrain and hamstring the U.S exercise of power while strengthening their individual and joint capacities to shield their vital interests (such as they have done in Venezuela) from U.S threats. In the coming decades, this is likely to be the recurrent trajectory in international relations, especially on power and polarity, which of course, will depend on the patterns of interactions amongst the multiple actors and the means through which they seek to achieve their national interests relative to the vital interests of other actors in the international system.

6.3 The Future of Great Power Relations in the 21st Century

As highlighted in the preceding arguments, the emerging multipolar consensus currently lies at the heart of the future of great power relations in the 21st century multipolar structure. In an international environment defined by multiple centres of powers and influence, the core principles informing the future of relations amongst actors will be how they manage cooperation and conflict. Judging by the precepts that have informed the study of international relations over the past centuries, it can be portended that the likelihood of conflict between the major powers remains highly likely. Realism, the founding theoretical framework of international relations, posits that states co-exist in a permanent state of anarchy, wherein every actor is responsible for their survival (Morgenthau, 1948). Proponents further solidify that position by stating that states are perpetually involved in eternal struggles to maximize their power defined by the national interest. In the case of the U.S, China and Russia, as contending powers in a multipolar international order, the probability of conflict is high, especially considering the myriad number of conflicting interests or clashing foreign policy imperatives betwixt the three powers, from Latin America, across Eastern Europe and the Middle East to the Asia-Pacific. In line with this volatile and unpredictable state of U.S-Sino-Russian relations that continue to linger more towards the conflict rather than cooperation continuum, the pervasive continuity of strategic competition among the three powers is portended.

In addition, U.S-Sino-Russian relations in the emerging post-unipolar system reflect a disturbing stalemate. While the U.S demands compliance to its foreign policy preferences that China and Russia can only accept to the detriment of their aspirations for global influence, China and Russia are also simultaneously seeking concessions and global recognition that the U.S can acquiesce to, to its condemnation! For example, Moscow and Beijing have presented alternative systems of international institutions and trans-regional economic initiatives, which the U.S rightly perceives as a doomsday network of political, economic and military systems engineered to challenge and undermine U.S foreign policy globally (Allison, 2017). Similarly, the U.S's war machinery and military presence continue to ruffle China and Russia in their neighbourhoods. Against this background, it is fair to concede that great power rivalry and competition are back with a bang, throwing into the spotlight how the U.S, China and Russia will manage inevitable future conflict and re-invent cooperation on mutual interests ranging from trade and commercial exchange to climate change.

It is also important to note that U.S foreign policy now operates in a changing international landscape in which Russia has developed advanced military capabilities, and China has revolutionized its naval, land and air-power military capabilities. The growing bilateral military agreements and convergence between Moscow and Beijing reveal an intrepid propensity to demonstrate their

individual and combined power projection capabilities. Further considering a series of collapsing arms control agreements and, inevitably, the resultant arms races, it can be noted that the global environment has become more precarious, especially considering that the U.S-China-Russia triangle comprises nuclear powers. Given these and other developments discussed in the preceding sections, it is beyond doubt that Sino-Russian geostrategic alignment and its strategies of changing the global power architecture to reflect the advent of a qualitatively diverse geopolitical setting distinctly marked by the emergence of non-Western powerhouses of economic growth and political influence, have re-defined the distribution of power and set the future of great power relations on a novel polycentric trajectory.

7 Conclusion

The implications of Sino-Russian strategic alignment on U.S foreign policy on Venezuela have been widespread. The core ramification is that Moscow and Beijing have deflected ages-old U.S foreign policy priorities enunciated in the Monroe Doctrine (1823) of fending off external influence in the Western hemisphere and maintaining America's monopoly in trade and economic matters. Russia and China have expressed the resolve and developed capabilities to challenge U.S foreign policy on any issue arising, thereby reflecting the changing dynamics in the distribution of power and the consequently shifting architectural design of the international system.

Notably, China and Russia want to break out of what appears to observers and policymakers in both countries as a new 'dual containment policy, and more importantly; they aspire to re-design a global political and economic arrangement they see as created by and for the U.S and the West to their benefit. In the coming years, it is foreseen that Moscow and Beijing will continue to impose countervailing resistance measures calculated to limit and hamstring Washington's exercise of power while consolidating their individual and joint capacities to shield their vital interests from the U.S, through increased cooperation, to the extent of continued convergence in their national interests. In effect, Sino-Russian determinations in Venezuela reflect that Washington faces a range of strategic restraints in translating its preponderance to achieve desired outcomes, especially given its inability to attain and defend its favoured political interests in Venezuela, accumulative external pressures from Sino-Russian competition in trade and economic influence, as well as its overall declining ability to effectively deter threats to its national security. In that way, the U.S is deprived of the unipolar prerogative of commanding the global politico-economic and military preferences, further strengthening the dynamic of the emerging multipolar international system.

References

1. Allison, G. T. (2017). *Destined for War: Can China and America Escape the Thucydides Trap*. New York: Houghton Mifflin Harcourt.
2. Allison, G. T., & Blackwill, R. (2000). *America's National Interests: The Commission on America's National Interests Report*. Cambridge: Puritan Press.
3. Brands, H. (2017). *The Future of the Global Order: Six Propositions About Great-Power Competition and Revisionism in the 21st Century*. Pennsylvania : Perry World House.
4. Brooks, S. G., & Wohlforth, W. C. (2008). *World Out of Balance: International Relations and the Challenge of American Primacy*. New Jersey: Princeton University Press.
5. Brooks, S. G., & Wohlforth, W. C. (2016). *The Rise and Fall of Great Powers in the 21st Century: China's Rise and the Fate of America's Global Position*. *International Security*, 40(3), 7-53.
6. Chase, M. S., & Medeiros, E. S. (2017). *Chinese Perspectives on the Sino-Russian Relationship*. In E. B. Rumer, R. Stapleton, R. Sutter, & R. Weitz (Eds.), *Russia-China Relations: Assessing Common Ground and Strategic Fault-Lines* (pp. 1-12). Washington: The National Bureau of Asian Research.
7. Cimbala, S. J. (2018). *The Trump Nuclear Posture Review: Three Issues, Nine Implications*. *Strategic Studies Quarterly*, Summer, 9-16.

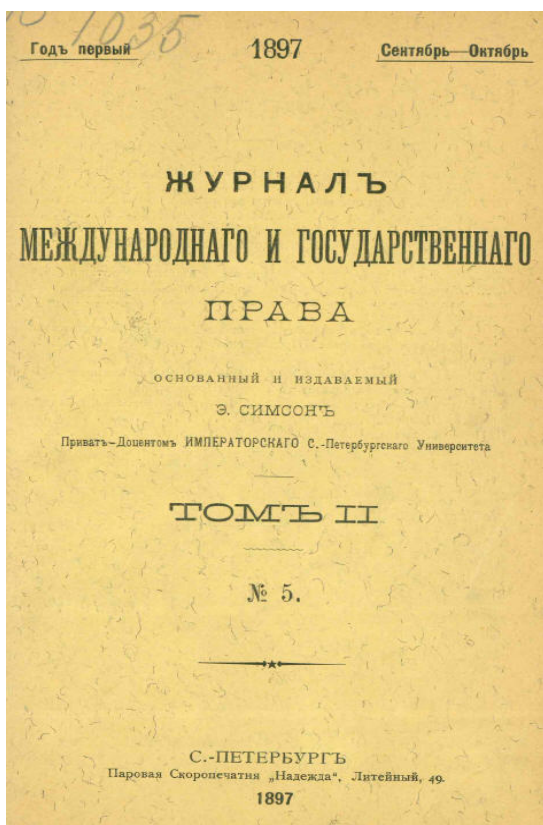
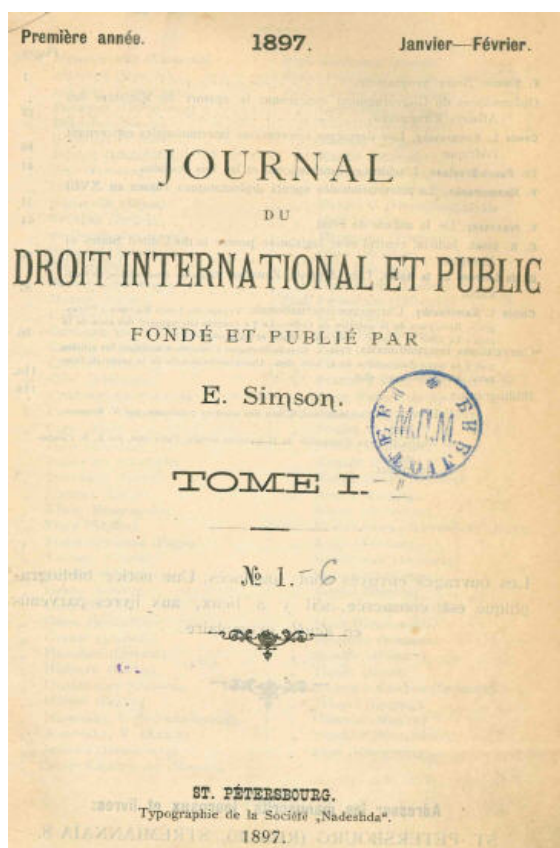
8. Cohen, S. F. (2017). *War With Rusia: From Putin and Ukraine to Trump and Russiagate*. Ithaca: Univeristy of Ithaca.
9. Cunningham, F. (2019, February 06). *The Venezuela Phase of U.S Global Demise*. Retrieved May 19, 2022, from www.strategic/culture/foundation/security_war&conflict.html
10. Duncombe, C., & Dunne, T. (2018). *After the Liberal Order*. *International Affairs*, 94(1), 25-42.
11. Ferchen, M. (2019). *China-Venezuela Relations: A Perfect Storm*. Cambridge: Centre for Latin America Relations.
12. Friedberg, A. L. (2005). *The Future of US-China Relations: Is Conflict Inevitable?* *International Security*, 30(2), 7-45.
13. Garcia, W. (2019). *Venezuela: The Latest Battleground in the Geopolitical War between the US, Russia and China*. Washington: Centre for Strategic and International Studies.
14. Hsiung, C. W. (2019). *Facing the "New Normal": The Strong and Enduring Sino-Russian Relationship and its Implications for Europe*. Oslo: The Swedish Institute of International Affairs.
15. Ikenberry, G. J. (2005). *Power and Liberal Order: Americas' Post-War World Order in Transition*. *International Relations of the Asia-Pacific*, 5, 133-152.
16. Kaplan, S. B., & Penfold, M. (2019). *China-Venezuela Economic Relations: Hedging Venezuelan Bets with Chinese Characteristics*. Washington: Kissinger Institute for Latin American Studies.
17. Kissinger, H. A. (2001). *Does America Need a Foreign Policy? Towards a Diplomacy for the 21st Century*. New York: Simon & Schuster.
18. Korolev, A. (2016). *Systemic Balancing and Regional Hedging: China–Russia Relations*. *The Chinese Journal of International Politics*, 9(4), 375-397.
19. Loveman, B. (2016, July). *US Foreign Policy toward Latin America in the 19th Century*. Retrieved August 09, 2019, from <https://dx.doi.org/10.1093/acrefore/9780199366439.013.41>
20. Morgenthau, H. (1948). *Politics Among Nations: The Struggle for Power and Peace*. New York: McGraw Hill.
21. Negroponte, D. V. (2018, June 19). *Russian Interests in Venezuela: A New Cold War?* Retrieved October 31, 2019, from <https://www.wilsoncenter.org/event/russian-interests-in-venezuela-a-new-cold-war.html>
22. Rozmarin, L. (2015). *Convergence and Conflict: The Structure and Policies Affecting Relations Between Russia, China and the United States*. *Regional Politics*, 12(3), 128-138.
23. Shuya, M. (2019). *Russian Influence in Latin America: A Response to NATO?* *Journal of Strategic Security*, 12(2), 17-42.
24. Storey, I. (2016). *The Russia-China Strategic Alignment: Consequences for South-East Asian Security*. *Contemporary South-East Asia*, 19(59), 1-7.
25. Wishnick, E. (2002). *Sino-Russian Relations in a Changed International Landscape*. *China Perspectives*, 43(Summer), 4-16.
26. Wohlforth, W. C. (2002). *U.S Strategy in a Unipolar World*. In G. J. Ikenberry (Ed.), *America Unrivalled: The Future of the Balance of Power* (pp. 115-132). Ithaca: Cornell University Press.

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОЙ АРХИВ

О НОВОЙ РУБРИКЕ «КАЗАНСКОГО ЖУРНАЛА МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА И МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ»

Начиная с настоящего номера нашего журнала мы вводим новую рубрику «Международно-правовой архив», в которой будут публиковаться исторические документы и тексты, представляющие определённые исторические периоды отечественной истории международного права. Открывает новую рубрику материал о первом российском международно-правовом журнале.

ПЕРВЫЙ РОССИЙСКИЙ ЖУРНАЛ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА

«Журнал международного и государственного права»¹⁸¹ - по всей видимости, первый международно-правовой журнал России. Он издавался в течение 1897 года в Санкт-Петербурге. Основателем и издателем был приват-доцент Императорского Санкт-Петербургского университета Э.Симсон. Состав редакции в журнале не публиковался, но судя по количеству и направленности публикаций, самое активное участие в подготовке журнала как периодического издания, играл также граф Л.Камаровский, взявший на себя неблагодар-

¹⁸¹ В то же время, на французском языке журнал назывался так: «Journal de droit international et public».

ную работу по систематическому (в каждом номере!) составлению хроники международно-правовых событий за отчетный период, составлявший всего два месяца.

Среди авторов журнала были как крупные российские юристы-международники, так и первые величины зарубежной науки международного права. Среди первых следует назвать профессора Московского университета Л.Камаровского и профессора Вашавского университета В.Александренко. Среди вторых - профессора «Миннезотского» университета Ч.Эллиота (статья «Судебный контроль за законодательной властью в США»), доцента Лейпцигского университета Г.Трипеля (статья «О догматической обработке международного права»), профессора Мюнхенского университета Э.Ульмана (статья «Основания идеи международного права») и др.

Значительная часть журнала была посвящена хронике и обзорам российской дипломатической и международно-правовой практике (разделы «Распоряжения Правительства по ведомству Министерства Иностранных Дел» и «Договоры и узаконения, касающиеся международного права»).

Концепция журнала была представлена издателем следующим образом:

«Развитие международного и внутригосударственного права во второй половине настоящего столетия вызвала в Западной Европе появление целого ряда специальных органов, которые поставили своей целью разработку вопросов именно этих отделов правоведения. У нас же до сих пор не было ни одного подобного органа. Не подлежит никакому сомнению что этот недостаток уже чувствовался довольно заметно.

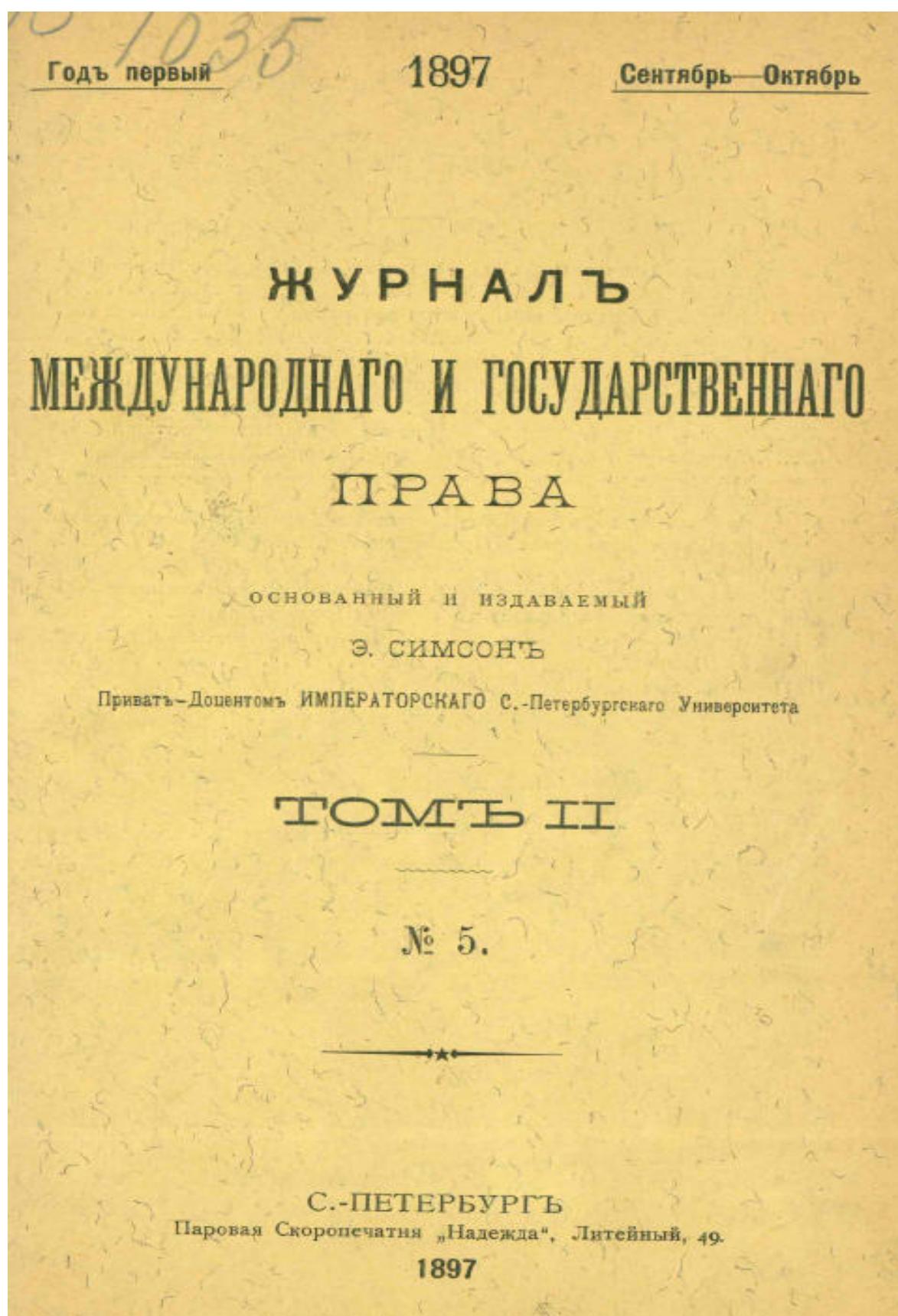
Примитивное состояние издательского дела у нас в России приводит к тому, что учёному, в особенности начинающему, когда у него ещё нет известного имени, совершенно невозможно найти издателя для своих трудов. Мы думаем, что не ошибёмся, если предположим что вследствие этого обстоятельства немало работ осталось неизданными, которые были достойны лучшей участи.

В печати появляется сравнительно мало произведений русских международников и государствоведов, и кажущаяся непроизводительность русских учёных порождает в образованный публике весьма индифферентное отношение к вопросам международного и государственного права. Естественно поэтому, что у нас возникла мысль, создать орган, который бы сделался центральным местом для работ по вопросам теории и практики международного и государственного права. Нам кажется, что именно настоящее время является особенно подходящим для подобного предприятия.

Международное право и политические науки вообще достигли теперь такого значения, о котором никто и не мог подумать несколько десятков лет тому назад. Мы видим как в некоторых государствах учреждаются специальные школы для преподавания политических наук. Политические события последнего времени вызывают потребность познакомиться с учреждениями и политической жизнью других государств. Мало того, они требуют такого знакомства, ибо только благодаря ему мы в состоянии отдать себе отчет в международных сношениях государств. В области частного и уголовного права уже давно существуют специально научные органы, как за границей, так и у нас. Это весьма понятно, ибо они необходимы для юриста, который имеет дело с практическим применением положительного права.

На международное право смотрели несколько свысока, его как-то не считали настоящим положительным правом. Когда же, однако, международные сношения всё более и более стали развиваться, оказалось невозможным оставаться на этой точке зрения. Как суды, так и юристы-практики в настоящее время почти ежедневно имеют дело с вопросами, к которым примешан иностранный элемент и которые, таким образом, связаны с положениями международного права. Невольно приходится, поэтому, ближе познакомиться с международным правом, а лучшим средством для этого представляется, бесспорно, журнал, который специально посвящён рассмотрению всех возможных вопросов данного предмета.

Это сознание и привело в Западной Европе к изданию специальных органов по международному и государственному праву. Мы не отрицаем высокого научного достоинства некоторых из этих журналов, но программа их, кажется нам, не всегда соответствует намеченной цели; кроме того, они часто недоступны русскому читателю, незнакому с данным иностранным языком.

Вот руководящие идеи, которые мы имели в виду при создании нашего журнала.

Кроме отдела, относящегося к распоряжениям правительства по ведомству Министерства иностранных дел, журнал будет давать несколько категорий статей исключительно научного содержания. Сюда принадлежат, прежде всего, статьи по всем отраслям международного права. При этом мы понимаем международное право в самом широком смысле. Каждое право, каждое правовое отношение, в котором одним из элементов является иностранное лицо, предмет или титул права, принадлежит к международному праву, и найдёт у нас своё место.

Таким образом, в круг журнала войдёт не только международное публичное право, но равным образом и международное право частное, уголовное, процессуальное и административное. Рассматриваем в этом отделе государства и его подданных в их отношениях к другим государствам и их подданным, мы будем в серии других статей останавливаться на рассмотрении государства как такового и его отношений к его подданным. Ни один вопрос государственного права не будет оставлен без внимания.

Но одного международного и государственного права недостаточно для изучения публичного права. В каждой области права возникают вопросы, на которые можно найти ответ лишь в международном или государственном праве, ибо все части права находятся между собой в самой тесной связи.

В журнале представлено значительное место историческому исследованию. Всё право и, следовательно, также и действующее право, не есть что-то недвижимое, но лишь фазис в вечном развитии всего человеческого. Поэтому мы можем понять наше действующее право лишь в том случае, если мы его рассмотрим как результат развития прежнего права. Но для того чтобы уразуметь этот результат, мы должны исследовать почву, на которой он возник и развился. Поэтому журнал будет давать по возможности также статьи по истории международного и государственного права.

Для того чтобы быть журналом международного и государственного права, журнал наш должен иметь своим предметом не только одну науку права, но также и самое право, и особенно применение права на практике. Поэтому мы будем обращать особенное внимание на законы, которые государство издают в области международного и государственного права. Кроме того, мы будем рассматривать применение этих законов в конкретных случаях. Таким образом, мы будем останавливаться на постановлениях как наших, так и иностранных судов по делам, в которых затрагиваются международное или публичное право.

*По той же самой причине мы будем иногда печатать текст международных договоров. Но здесь мы должны указать на ограничение, которое мы считаем необходимым. Как известно, существует целый ряд собраний трактатов и конвенций, так что на первый взгляд может показаться совершенно излишним, что мы печатаем текст международных договоров. В собраниях трактатов печатаются все трактаты, как это иначе и не может быть в собраниях. Вследствие этого происходит то, что собрания эти представляют мало интереса для положительного юриста. Но мы можем различить две категории международных договоров: во-первых, договоры, которые имеют своим предметом правовую сделку (*Rechtsgeschäfte*) и затем договоры, которые содержат правовые постановления (*Rechtssatzung*). Договоры первой категории имеют мало значения для международного права, между тем как договоры второй категории составляют один из важнейших его источников. Следуя задаче журнала, мы будем печатать текст только договоров второй категории.*

Чтобы следить за развитием международного и публичного права, весьма важно иметь в виду события международной и государственной жизни народов.

Поэтому каждый номер журнала будет содержать хронику этих событий.

В журнале будут помещены также заграничные корреспонденции. Благодаря содействию многочисленных корреспондентов всех стран, мы будем в состоянии давать сведения о всех главнейших событиях политической жизни чужих стран, причём будет помещено на страницах журнала не только всё наиболее интересное из области внешних сношений государств, но и их внутреннего государственного быта.

Наконец, мы предоставили большое место библиографии по международному и публичному праву. В наше время даже специалист не всегда располагает достаточным временем, чтобы подробно читать все объемистые томы, выходящие по его специальности. Кто не может прочесть саму книгу, тот прочтёт по крайней мере разбор её, в котором излагается всё существенное в её содержании; на основании этого он часто будет в состоянии знать, стоит ли читать самую книгу или нет. Кроме того, серьёзный критический разбор книги, который делается в интересах самого предмета, само собою разумеется, будет иметь известную цену и для автора рассматриваемой книги.

Чтобы выполнить достойно нашу широкую программу, мы нуждались в многочисленных сотрудниках. Мы искали таковых не только в пределах нашего Отечества, но во всем цивилизованном мире. Для нас составляет приятную обязанность выразить здесь нашу глубокую благодарность всем тем учёным, которые откликнулись с таким сочувствием на наш призыв, и которые с такой готовностью обещали своё содействие новому делу. Немного насчитается известных имён в области науки международного и государственного права, которые не принадлежали бы к числу постоянных сотрудников журнала.

Со стороны слишком строгих наших националистов нам, может быть, будет сделан упрек, что мы отвели слишком значительное место в нашем издании иностранным ученым. Поэтому несколько замечаний в этом отношении не будут излишними. Наш журнал желает быть журналом международного и государственного права вообще, а не только одного национального права. Мы не желаем ограничиваться правом одного нашего отечества, но желаем познакомиться с правом всех государств.

Мы думаем, что каждый учёный лучше всех знает своё отечество. Нам хорошо известно, что были случаи, когда иностранцы писали исследование о праве чужих стран, и при том настолько удачные, что они считались классическими в этих странах. Но это всё-таки исключения, которые лишь подтверждают правило. А это правило заключается в том, что правовые и политические учреждения данной страны, её правовая политическая жизнь лучше всего понимается тем, кто родился и вырос среди этих, близких ему, учреждений, кто живёт среди них и видит ежедневно их действия. Кроме того участие иностранных ученых является желательным и потому, что каждый отвлечённый вопрос права безусловно выигрывает, если его рассматривают авторы разных национальностей. В истинной науке господствует космополитизм.

Благодаря участию в нашем журнале иностранных учёных мы надеемся познакомить наших читателей с произведениями многих учёных, которые пользуются в своём отечестве громкою известностью, но которые за пределами его известны лишь небольшому кругу специалистов. Переводы статей, написанных нашими сотрудниками на иностранных языках, делаются в самой редакции, чтобы предохранить текст их от искажений и неточностей.

Открывая свои страницы учёным силам всех стран, и допуская рассмотрение каждого вопроса различными учёными из самых различных точек зрения, мы полагаем как принцип и как необходимое условие строго научного отношения к делу полную объективность и полное беспристрастие. Журнал желает быть серьёзным органом науки, и поэтому мы надеемся, что наши сотрудники будут

исключать из своих работ всякую полемику, которая не имеет строго научного основания. По тем же самым соображениям журнал не допускает по принципу анонимности; он не будет помещать ни одной статьи, которая не подписана полной фамилией её автора.

Журнал будет помещать только оригинальные работы русских и иностранных авторов, которые ещё нигде не были напечатаны и написаны специально для нашего журнала.

Такова, в общем, задача, которую мы поставили себе в интересах дальнейшего развития науки права и в видах распространения научных знаний среди широкого круга образованных читателей. Мы, со своей стороны, приложим все силы, чтобы добросовестно выполнить принятые на себя обязательства. Каков будет наш успех - это покажет будущее.¹⁸²

Всего вышло шесть выпусков «Журнала международного и государственного права». О причинах прекращения издания нам не удалось найти какой-либо информации. В этой связи стоит отметить, что издателям «почти единогласно предсказывали», что журнал не будет иметь успеха, что он не найдёт читателей, а потому и не будет в силах долго существовать. Причинами таких предсказаний назывались и такие: в России «даже юристы не любят заниматься серьёзным научным чтением, не говоря уже о нашей образованной публике вообще». Тем не менее, редакция была оптимистична: «Мы, однако, другого, несколько лучшего мнения о наших читателях. Может быть, думали мы, недостаток спроса объясняется недостатком предложения. Мы не хотели верить, что наш журнал не найдёт в нашем отечестве со стабильным населением достаточного количества читателей, чтобы быть в состоянии существовать, и мы не поверим этому раньше, чем факты нам не докажут противного. Мы полагаем, что каждый дипломат ощущает потребность в органе, в котором он может следить за международными отношениями государств и за вопросами политики, что каждый государственный деятель нуждается в издании, которое знакомит его с государственными учреждениями своего отечества и других стран, что каждому судье и каждому практическому юристу необходим журнал, в котором рассматриваются вопросы, с которыми он встречается ежедневно в своей практике, что каждый военный обрадуется появлению органа, в котором он найдёт изложение разных вопросов права войны, что, наконец, каждый образованный человек будет интересоваться книгой, в которой он найдёт вопросы политики и публичного права изложенными не в форме поверхностных газетных статей, но освещёнными самым основательным образом наилучшими учёными силами всего мира».

Несмотря на непродолжительное время издания данного журнала, он стал крупным событием в науке российского международного права. В нём были опубликованы статьи, действительно, выдающихся авторов. О качестве издания говорит тот факт, что оно представляет интерес и в сегодняшние дни. В настоящем номере нашего журнала мы публикуем выдержки (как правило, первые страницы) из отдельных статей и полный текст третейского решения, «постановленное тайным советником Мартенсом по делу китобойного судна “Costa Rica Packet”, возникшему между Великобританиею и Голландиею в 1891 году».

¹⁸² Текст вступительной статьи «Наша программа», опубликованный в №1, печатается здесь с некоторыми изъятиями и исправлениями явных опечаток. В некоторых случаях (но не всегда) используется современная орфография или пунктуация.

ТРЕТЕЙСКОЕ РЕШЕНИЕ
профессора Мартенса
по делу судна *Costa Rica Packet*
(Великобритания - Голландия, 1895 г.)

ТРЕТЕЙСКОЕ РѢШЕНІЕ,

постановленное тайнымъ совѣтникомъ Мартенсомъ по дѣлу китобойнаго судна „*Costa Rica Packet*“, возникшему между Великобританіею и Голандіею въ 1891 году.

Высочайшимъ повелѣніемъ Его Величества Императора Всероссійскаго, Августѣйшаго Государя моего, призванный къ исполненію высокихъ обязанностей третейскаго судьи, я, Ф. Мартенсъ, тайный совѣтникъ, непремѣнный членъ совѣта Россійскаго Министерства Иностранныхъ Дѣлъ и заслуженный профессоръ, согласно конвенціи отъ 16-го мая 1895 года, заключенной между правительствомъ ея величества Королевы Великобританіи и Ирландіи, Императрицы Индіи, и правительствомъ ея величества Королевы Нидерландской, по предмету возникшаго между сими правительствами несогласія о задержаніи нѣкоего Карпентера, капитана австралійскаго китобойнаго судна „*Costa Rica Packet*“,—

по надлежащемъ разсмотрѣніи и зрѣломъ соображеніи представленныхъ сторонами документовъ относительно требуемаго правительствомъ ея британскаго величества съ королевско-нидерландскаго правительства вознагражденія въ пользу капитана Карпентера, экипажа и владѣльцевъ судна „*Costa Rica Packet*“,

побуждаемый искреннимъ желаніемъ рѣшить настоящее дѣло безпристрастно и по чистой совѣсти, дабы оправдать великую честь, выпавшую мнѣ на долю, и

руководствуясь началами международнаго права, которыя примѣнимы къ возникшему между спорящими высокими правительствами несогласію, для установленія размѣра слѣдующаго отъ нидерландскаго правительства вознагражденія за убытки, которые потерпѣлъ лично капитанъ „*Costa Rica Packet*“, Карпентеръ, равно за убытки, которые доказаннымъ образомъ понесли служащіе, экипажъ и владѣльцы сказаннаго судна и которые необходимо произошли отъ предварительнаго задержанія Карпентера,—

постановляю нижеслѣдующее третейское рѣшеніе:

Принимая во вниманіе, что верховная власть государ-

ства надъ территоріальнымъ моремъ простирается на пушечный* выстрѣлъ отъ крайней линіи морскаго отлива;

что въ открытомъ морѣ даже купеческіе карабли составляютъ оторванныя части территоріи того государства, подъ флагомъ котораго они плаваютъ, и потому подлежатъ за причиненные въ открытомъ морѣ факты суду исключительно своей отечественной власти;

что государство не только въ правѣ, но и обязано оказывать покровительство и защиту всѣми дозволенными международнымъ правомъ способами своимъ гражданамъ за границею въ случаяхъ, когда они подвергаются незаконнымъ преслѣдованіямъ или нарушеніямъ своихъ правъ;

что верховная власть государства и независимость его судебныхъ или административныхъ властей не могутъ служить достаточнымъ основаніемъ, оправдывющимъ произвольное уничтоженіе законной безопасности, которая должна быть обезпечена въ такой же мѣрѣ иностранцамъ, какъ и собственнымъ подданнымъ въ предѣлахъ каждой цивилизованной страны;—

имѣя въ виду, что пирога (pauw), плывшая въ морѣ безъ людей и остановленная въ январѣ 1888 года капитаномъ „Costa Rica Packet“, Карпентеромъ, была захвачена имъ безспорно внѣ территоріальнаго моря Голландской Индіи;

что присвоеніе груза означенной пироги Карпентеромъ, какъ совершенное въ открытомъ морѣ, могло быть судимо только англійскими, а отнюдь не голландскими судами;

что притомъ нисколько не доказано тожество вышепомянутой найденной лодки съ пирогаю, потерянною Фризеромъ;

что власти Голландской Индіи, арестовавшія Карпентера въ ноябрѣ 1891 года, по обвиненію въ фактѣ, учиненномъ въ 1888 году внѣ территоріальныхъ водъ Голландской Индіи, сами добровольно, по постановленію совѣта юстиціи въ Макассарѣ, отъ 28-го ноября 1891 года, отказались отъ преслѣдованія обвиняемаго и тѣмъ неопровержимо засвидѣтельствовали о незаконности его задержанія, равно и принудительнаго его привода изъ Тернате въ Макассаръ;

что всѣми предъявленными документами и актами доказывается отсутствіе серьезнаго повода къ аресту Карпентера и подтверждается его право на вознагражденіе за понесенный имъ ущербъ;

что то положеніе, которому былъ подчиненъ Карпентеръ, содержась въ макассарской тюрьмѣ, не представляется соответствующимъ его правамъ, какъ подданнаго цивилизованной страны, подвергшагося предварительному задержанію, и потому такое обхожденіе съ нимъ даетъ ему право на справедливое удовлетвореніе;

имѣя въ виду, что неосновательное задержаніе капитана Карпентера повело къ потерѣ имъ лучшаго для китоваго лова времени года;

имѣя въ виду, съ другой стороны, что Карпентеръ, по своемъ освобожденіи, могъ бы вернуться на судно „Costa Rica Packet“, самое позднее, въ январѣ 1892 года, и что имъ не представлено никакого убѣдительнаго доказательства въ пользу того, что онъ находился вынужденнымъ оставить безъ капитана свое судно въ портѣ Тернате до апрѣля 1892 года, ни тѣмъ не менѣе, что онъ долженъ былъ продать его за безцѣнокъ; что, въ силу лежащей на владѣльцахъ или капитанѣ судна обязанности озаботиться, чтобы въ случаѣ какого-либо приключившагося съ капитаномъ несчастія, онъ былъ замѣщенъ,—старшій служащій на „Costa Rica Packet“ долженъ былъ бы удовлетворять требуемымъ условіямъ, чтобы принять командованіе и вести китобойный промыселъ;

и что потому убытки, которые произошли отъ задержанія Карпентера для владѣльцевъ судна „Costa Rica Packet“ для служащихъ и экипажа, не являются необходимымъ послѣдствіемъ *единственно* только этого предварительнаго задержанія;

имѣя въ виду, что по вопросу о вознагражденіи, слѣдующемъ капитану Карпентеру, служащимъ, экипажу и владѣльцамъ судна „Costa Rica Packet“, представленными документами и въ особенности произведенною въ Брюсселѣ экспертизою установлены необходимые для опредѣленія его цифры данныя, и что выдача капитану Карпентеру 3.150 фунтовъ стерлинговъ, служащимъ и экипажу 1.600 ф. ст. и владѣльцамъ судна „Costa Rica Packet“, 3.800 ф. ст. составитъ достаточное вознагражденіе;—

По изложеннымъ соображеніямъ объявляю отвѣтственнымъ правительство ея величества Королевы Нидерландской и, согласно сему, опредѣляю подлежащее, съ его стороны, уплатѣ вознагражденіе:

капитану Карпентеру въ суммѣ всего 3.150 ф. ст.,

служащимъ и экипажу въ суммѣ всего 1.600 ф. ст.,

владѣльцамъ судна „Costa Rica Packet“, въ суммѣ всего 3.800 ф. ст.,

съ процентами за всѣ убытки по 5 на 100 въ годъ, считая со 2-го ноября 1891 года, когда послѣдовало незаконное задержаніе капитана Карпентера, и возлагаю издержки по дѣлу въ суммѣ 250 ф. ст. на правительство ея величества Королевы Нидерландской.

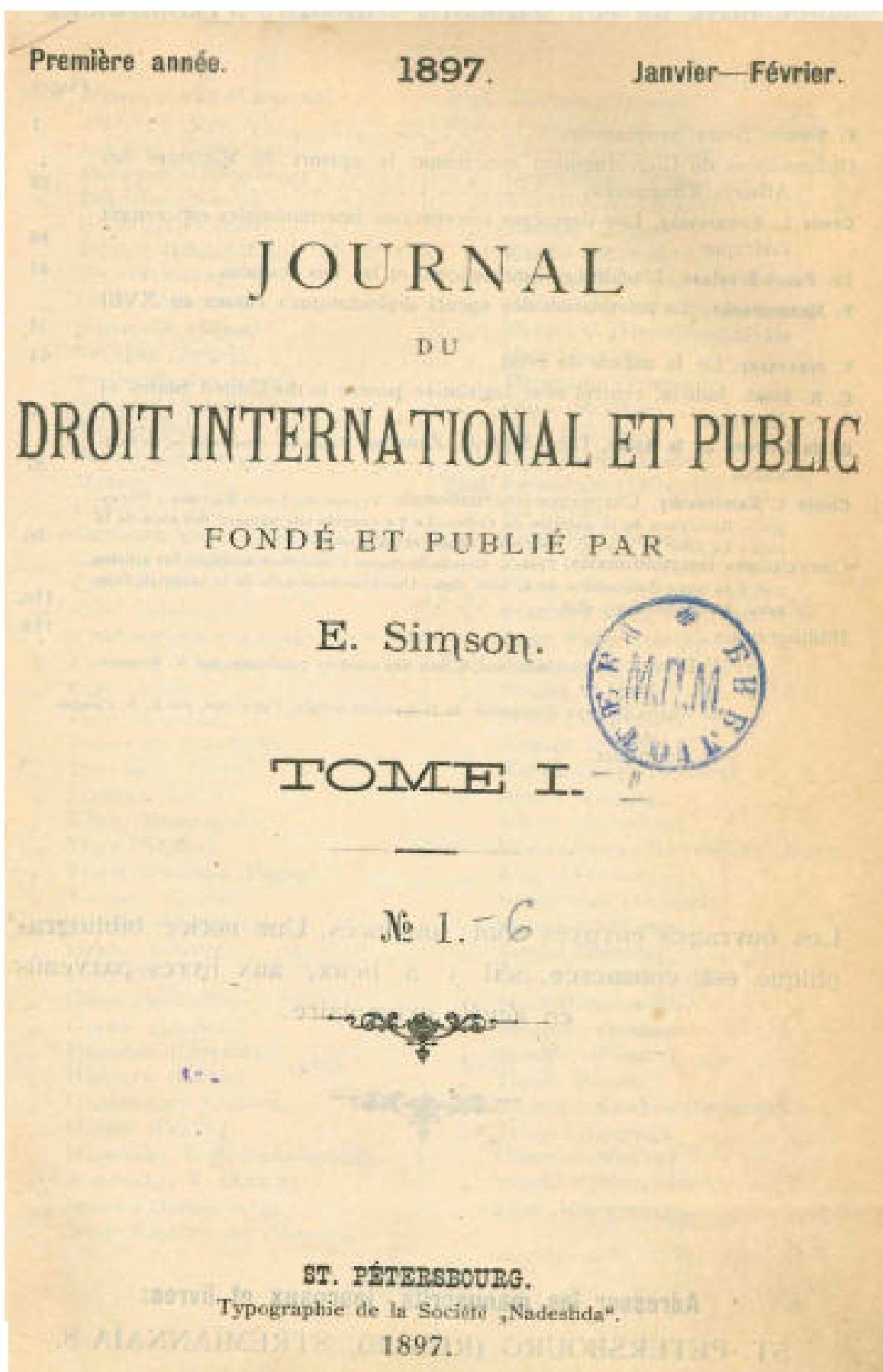
Составлено въ С.-Петербургѣ, въ двухъ экземплярахъ, 13-го (25-го) февраля 1897 года.

(м. п.)

Мартенсъ.

Великобританское и нидерландское правительства, въ силу международной конвенціи 1895 года, подчинились этому рѣшенію и выразили свою благодарность арбитру.

(Прав. Вѣстн. 6 Марта 1897 г. № 52).

Судебный контроль надъ законодательною властью въ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ.

1.

Суды Соединенныхъ Штатовъ и разныхъ областей, образующихъ федерацію, пользуются такою властью въ области законодательства страны, какая совершенно не извѣстна при какой бы то ни было другой формѣ правленія. Эта власть, въ силу которой суды оставляютъ безъ вниманія постановленія законодательства и объявляютъ ихъ ничтожными, если они противорѣчатъ верховнымъ законамъ конституціи, — естественно возбуждаетъ самый большой интересъ иностранныхъ изслѣдователей, изучающихъ формы правленія въ Соединенныхъ Штатахъ. „Ни одна черта въ правительствѣ Соединенныхъ Штатовъ“, говоритъ проф. Брайсъ (Bryce), „не возбудила такого интереса въ европейскихъ умахъ, не породила такого спора, не вызвала такого восхищенія и не была такъ часто превратно понимаема, какъ обязанности, возложенныя на Верховный Судъ, и функціи, отправляемыя этимъ судомъ въ огражденіи устоевъ конституціи“. ¹⁾ Въ отношеніи къ этой власти ученый сэръ Генри Мэнь (Sir Henry Maine) говоритъ: „Успѣхъ этого опыта ослѣпилъ людей и они не замѣчаютъ его новизны. Нѣтъ явленія, вполне соотвѣтствующаго такой власти, ни въ древнемъ, ни въ современномъ мірѣ. Составители разныхъ

¹⁾ American Commonwealth, I, 237. См. Brougham's Political Philosophy, III, p. 337. Въ видѣ иллюстраціи такого превратнаго пониманія я привожу слѣдующее изъ сочиненія проф. G. E. Thorold Rodger'a, „The Economic interpretation of History“, 344. „Американская конституція защищаетъ своихъ гражданъ даже противъ такого законодательства, о которомъ утверждаютъ, что оно справедливо, такъ какъ Верховный Судъ, въ случаѣ апелляціи, можетъ отвергнуть и уничтожить любой актъ федеративнаго законодательства, объявленный противнымъ конституціи“. Это положеніе слишкомъ обобщено.

Занзибарскій инцидентъ.

(Требованіе о выдачѣ Саида-Каледа).

Споръ, возникшій между Германіей и Великобританіей изъ - за убѣжища, предоставленнаго германскимъ консуломъ Саиду-Каледу, одному изъ претендентовъ на Занзибарскій престолъ, вызываетъ нѣсколько замѣчаній.

Напомнимъ въ немногихъ словахъ самые факты: претендентъ Саидъ-Каледъ былъ низвергнутъ Англіей въ 1893 году съ Занзибарскаго престола, который онъ только-что было занялъ, и въ августѣ мѣсяцѣ текущаго года захватилъ его снова послѣ смерти султана Гаида-бенъ-Цваина, отравленнаго имъ, по увѣреніямъ англичанъ. Саидъ-Каледъ, послѣ тщетныхъ требованій англичанъ оставить дворецъ, который онъ занялъ, былъ побѣжденъ послѣ бомбардированія города въ теченіи нѣсколькихъ часовъ и искалъ спасенія у германскаго консула. Англійскій консулъ настойчиво требовалъ выдачи бѣглеца, но безъ успѣха. Германскій консулъ далъ Каледу убѣжище въ своемъ домѣ въ теченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ и въ началѣ октября, улучивъ минуту, когда морской приливъ достигъ стѣнъ консульства, посадилъ побѣжденнаго бѣглеца на нѣмецкое судно, и Каледъ былъ перевезенъ въ Даръ-эсъ-Салаамъ, мѣсто пребыванія управленія нѣмецкой восточной Африки.

Таковы факты безъ лишннихъ подробностей кромѣ необходимыхъ данныхъ для того, чтобы оцѣнить юридическое положеніе вещей и изслѣдовать: во-первыхъ, основательны ли жалобы на германскаго консула, сформулированныя англійскими публицистами; и во-вторыхъ, можетъ ли германское правительство согласиться на выдачу Саида-Каледа теперь, когда онъ находится на германской территоріи.

Прежде всего намъ кажется, что не можетъ быть никакихъ возраженій относительно того, что герман-

Статья Ж. дю Лорана де ля Барра «Занзибарскій прецедентъ»
1897, №1

Основанія идеи международнаго права.

I.

Глубокое различіе между народами не исключаетъ мысли о единствѣ человѣческаго рода. Это—познаніе, составляющее результатъ общаго развитія человѣчества. Въ области права—благодаря сравнительному правовѣдѣнію и исторіи права—доказано существованіе однородныхъ отношеній и нормъ въ важнѣйшихъ сферахъ соціальной жизни, и вмѣстѣ съ тѣмъ доказана извѣстная однородность дѣйствующихъ причинъ. Но само развитіе права (именно въ его примитивныхъ отношеніяхъ) происходитъ сначала исключительно въ предѣлахъ группъ, охарактеризованныхъ антропологическими, этническими и этическими особенностями, и притомъ такъ, что вся жизнь личности, какъ и вся соціальная жизнь исчерпывается жизнью національной. Такимъ образомъ, всякое право и государство имѣетъ первоначально исключительный характеръ, на высшихъ ступеняхъ развитія они являются произведеніемъ соціально-этической дѣятельности *національнаго* духа; всякая государственная организація исчерпывается упорядоченіемъ общихъ интересовъ членовъ опредѣленнаго народа; это — критерій, который имѣлъ еще полное значеніе для главнѣйшихъ народовъ классическаго міра. Лишь въ тѣ эпохи, когда распространяется господство одной націи надъ другими, появляется различіе между націей въ этнологическомъ и антропологическомъ и націей въ политическомъ смыслѣ слова.

Исключительно національному образованію права и государства соотвѣтствуетъ взаимная разобщенность народовъ—состояніе самоудовлетворенности (*Selbstgenugsamkeit*), которое могло продолжаться до тѣхъ поръ, пока специфически національная жизнь заключала

Статья Э.Ульмана «Основания идеи международного права»
1897, №2

О догматической обработкѣ международнаго права.

Кто съ интересомъ слѣдитъ за современной наукой и литературой въ различныхъ областяхъ знаній, тотъ не можетъ не замѣтить того явленія, какое большое мѣсто занимаетъ во всѣхъ отрасляхъ научнаго изслѣдованія обработка *методологическихъ* вопросовъ. Въ гуманитарныхъ и естественныхъ наукахъ, какъ и въ точныхъ наукахъ, которая стремится систематически соединить фактъ и теорію (т.-е. философія) господствуетъ борьба изъ-за метода, и повидимому, еще не скоро будетъ заключенъ миръ, и не скоро одна партія одержитъ рѣшительную побѣду надъ другою. При томъ, эти все не второстепенные умы, которые проявляютъ свое недовольство чужимъ успѣхомъ въ громкой критикѣ научнаго метода тѣхъ, кому они завидуютъ, — хотя въ такихъ нѣтъ недостатка, — но общепризнанные вожди и мастера науки выступаютъ на арену, чтобы въ живомъ, часто ожесточенномъ, спорѣ рѣшить вопросъ о лучшемъ, правильнѣйшемъ методѣ въ каждой сферѣ. Фактъ этотъ наводитъ на довольно грустные мысли.

Гдѣ вопросъ о методѣ стоитъ на первомъ планѣ, повидимому, сама наука не совсѣмъ удовлетворительна. Ибо если отъ метода зависитъ качество работы, то сильное нападеніе на методъ, долго существовавшій въ извѣстной наукѣ, необходимо включаетъ въ себѣ и уничтожающую критику результатовъ работы. И если такая отрицательная критика прежняго метода получаетъ широкое разпространеніе,

Статья Г.Трипеля «О догматической обработкѣ международного права»
1897, №№3-4

Право „veto“ и предстоящій конклавъ ¹⁾.

I.

Преклонный возрастъ настоящаго папы, уже перешедшій за 86 лѣтъ, и измѣненія, которымъ подверглось папство при Левѣ XIII, съ нѣкотораго времени привлекаютъ вниманіе европейской печати и дипломатіи на будущій конклавъ. Хотя Левъ XIII, несмотря на свои года, отличается еще замѣчательной силой, но тѣмъ не менѣе вѣроятность конклава усиливается со дня на день; между тѣмъ, новое направленіе, приданное Львомъ XIII папской власти, заставляеть считаться съ нею, какъ съ перворазрядной политической силой, опасной для всѣхъ и католическихъ и некатолическихъ государствъ, въ убытокъ которымъ она существуетъ, — опасной, несмотря ни на переворотъ, происшедшій въ умахъ и въ современномъ публичномъ правѣ, ни на плебисциты, ни на конституціонныя монархіи, ни на республики. Когда стало яснымъ, что политическіе приемы Святѣйшаго Престола совершенно сходны съ приемами свѣтской политики, и что часто въ управленіи католической церковью господствующая роль отдается цѣлямъ и интересамъ вовсе не религіознаго характера, то всѣ европейскіе народы, католическіе и некатолическіе, монархическіе и республиканскіе, вывели послѣдова-

¹⁾ Ruggiero Bonghi, „Pio IX e il Papa futuro“, Milan, Treves, 1877.—Raffaele de Cesare, „Il Conclave di Leone XIII et il futuro Conclave“, 1888.—Raphael de Cesare, „Le Conclave de Léon XIII“ traduction de l'Italien, Rome, 1887; I nuovi cardinali (въ Nuova Antologia 1 февр. 1893).—Una nuova fase di politica ecclesiastica (въ Nuova Antologia 1-ro мая 1896).—J. B. Saegmüller, „Die Papstwahlen und die Staaten von 1447 bis 1555“ Tübingen 1890.—Jean Berthelet, „La elezione del Papa“ Rome, 1891.—Lucius Lector, „Le Conclave“, Paris, 1894; J. A. Trollope, „The papal Conclave“ London 1896.—The papal Conclave (въ Quaterly Review № 368 окт. 1896 стр. 505—531). Я называю здѣсь только тѣ труды, которые избавляютъ меня отъ необходимости перечислять длинную и почти полную библиографію относительно конклавовъ и права „veto“, которую можно составить на основаніи упомянутыхъ трудовъ, а главнымъ образомъ сочиненій Saegmüller'a и Lucius Lector'a.

Статья Р.Риччи «Право вето и предстоящий конклавъ»
1897, №№3-4

О двойномъ подданствѣ.

I.

Явленіе двойственной національности можетъ возникнуть или изъ факта рожденія лица, или вслѣдствіе его натурализаціи или эмиграціи.

При рожденіи лица на территоріи даннаго государства, является необходимость опредѣлить его (лица) національность¹⁾. Тутъ могутъ быть нѣсколько рѣшеній вопроса. Или дѣйствуетъ *jus soli* или *jus sanguinis*²⁾. Въ первомъ случаѣ дѣти, рожденные на территоріи государства, уже въ силу этого факта считаются его подданными, причемъ не обращается вниманіе на то, были-ли ихъ родители туземные подданные или иностранцы. Дѣти же, родившіяся внѣ государственной территоріи, даже отъ туземныхъ подданныхъ, считаются иностранцами. Если примѣняется *jus sanguinis*, то дитя слѣдуетъ національности родителей, родилось-ли оно въ предѣлахъ государства или внѣ его. Наконецъ могутъ быть комбинаціи указанныхъ принциповъ, причемъ преобладаетъ то *jus soli*, то *jus sanguinis*. Сообразно съ приложеніемъ къ отдѣльнымъ случаямъ *jus soli* и *jus sanguinis*, современные государства могутъ быть раздѣлены на четыре группы³⁾.

А. Дѣйствіе абсолютнаго *jus sanguinis*. Къ этой категоріи государствъ могутъ быть отнесены: Германія, Австрія, Венгрія и Россія.

Въ Германіи, гдѣ существуетъ двоякое подданство: по отношенію ко всей имперіи (*Reichsangehörigkeit*) и по отношенію къ отдѣльнымъ союзнымъ государ-

¹⁾ Calvo, *Le droit international théorique et pratique*. Berlin, 1888 T II: p. 25, § 541.

²⁾ Fromageot, *De la double nationalité des individus*. Paris, 1892, ch. II, p. 25.—Calvo, назв. соч. § 541.—Weiss, *Traité théorique et pratique de droit international privé* T. I. *De la nationalité* (Paris 1892) p. 32.—L. v. Bar. *Theorie und Praxis des internationalen Privatrechts*. Hannover, 1889. B. I, s. 169.

³⁾ Weiss, назв. соч. стр. 213

О необходимости положительной санкции въ публичномъ международномъ правѣ.

I.

Много уважаемыхъ писателей доказывали, и они до конца своей жизни не отказались отъ своего мнѣнія, что международное право представляетъ безграничный путь всегда открытый для нескончаемыхъ споровъ между тѣми, кто на свободѣ парить въ странахъ идеальнаго, и тѣми, кто управляетъ государствами. На каждомъ шагу выдающіеся государственные люди, съ величайшимъ убѣжденіемъ повторяютъ, что даже общепринятые юридическія международныя правила могутъ быть безнаказанно нарушены и снова подвергнуты обсужденію.

Слушая заявленія такого рода, склоняешься думать, что, по требованію государственнаго интереса, этотъ отдѣлъ публичнаго права оказывается опирающимся на сомнительные принципы, что его предметъ опредѣленъ лишь въ малой степени и что еще донынѣ онъ нуждается въ тѣхъ санкціяхъ, которыя даютъ своду законовъ характеръ органическаго построения и обезпечиваютъ его развитіе.

Я сказалъ, что это мнѣніе (я позволю себѣ сказать: этотъ предразсудокъ) раздѣляется не только недалекими публицистами. Даже знаменитые современные писатели, какъ напр. Westlake, а до него Lorimer и Savigny доказывали, что международное право существуетъ лишь настолько, насколько оно вытекаетъ изъ взаимныхъ соглашеній между государствами или изъ общепринятыхъ обычаевъ. Другими словами, они допускаютъ только договорное или обычное международное право.

Еще во второмъ изданіи своего трактата о между-

Статья А.Корси «О необходимости положительной санкции в публичном международном праве», 1897, №№ 5-6

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ МЕМУАРЫ

**Российский историк Е.Ю.Гуськова - свидетель защиты
по делу «Прокурор против генерала С.Галича»
в Международном трибунале по бывшей Югославии**

В феврале 2003 года доктор исторических наук, известный российский учёный Елена Юрьевна Гуськова выступила в качестве свидетеля-эксперта на судебном процессе «Прокурор против генерала С.Галича» в Международном трибунале по бывшей Югославии (МТБЮ).

Генерал Станислав Галич в зале суда Гаагского трибунала

Елена Юрьевна Гуськова - доктор исторических наук, руководитель Центра по изучению современного балканского кризиса Института славяноведения РАН. Член Сената Республики Сербской. Иностранный член Сербской академии наук и искусств и Академии наук и искусств Республики Сербской. В 1994 году работала в штабе миротворцев ООН в Загребе (Хорватия) в качестве эксперта по странам бывшей Югославии. Автор более 600 научных и публицистических работ.

Я выступала в гаагском трибунале в качестве научного эксперта. Защищала Сербского Генерала Станислава Галича. Впечатлений много и разных - о том, как работает трибунал, о качестве процесса, о сербском генерале Станиславе Галиче, которого мы защищали, и о команде адвокатов...

Генерал Галич, который командовал сараевско-романийским корпусом в районе Сараево в 1992-1993 годах, был арестован натовцами 20 декабря 1999 года. Его обвиняли за преступление против человечности и нарушения правил ведения войны, за организацию снайперской стрельбы против гражданского населения, за блокаду и обстрел Сараева.

Я приехала в Гаагу 9 февраля 2003 года, когда своих свидетелей представляла защита. Перед судом уже прошли 60 свидетелей среди них были двое русских и двое украинцев, теперь предположительно было заслушать 6 экспертов по баллистике, медиков, юристов, военных, психологов. Я представляла историческую науку, говорила об истории развития кризиса, делая упор на роли международных организаций во время войны в Боснии и Герцеговине.

Здание международного трибунала в Гааге производит тягостное впечатление. Внутри - гнетущая атмосфера то ли из-за царящей здесь несправедливости, сломанных судеб, то ли из-за часто неоправданных строгости внутреннего режима... Когдаходишь в здание международного трибунала, то нигде не можешь ходить без сопровождения. Один стражник ведёт тебя от входа до комнаты свидетелей, другой обслуживает в процессе ожидания и перерывов, третий - сопровождает в зал заседания. В комнате свидетеля тебя закрывают на ключ, ты ждёшь своей очереди или отдыхаешь в перерыве заседания. Комнатка маленькая - пять на четыре моих женских шагов. В ней диван, кресло, стул, небольшой журнальный стол, холодильник с напитками. Окно зашторено. Скрашивают твоё ожидание всегда горячий кофе в кофеварке, кипятки для чая, точка на полочке игры: шахматы, нарды, карты. Есть ручки блокноты, несколько хорватских журналов.

10 февраля 2003 года мне пришлось прождать в этой комнате с утра и до двух часов дня, поскольку предыдущего эксперта по баллистике из Белграда судьи допрашивали очень серьёзно. Моя очередь в тот день так и не наступила.

А на следующий день был выходной - все международные организации отмечали Байрам. Меня начали слушать, а это к обиде эксперта называется перекрёстным допросом, только в среду 12 февраля. В начале заседания ты повторяешь клятву говорить правду, только правду и ничего кроме правды. После этого мы уже ни с кем не можешь общаться - ни с адвокатами, ни с работниками суда. И сколько бы дней не продлился допрос, ты находишься в полной изоляции.

Я представила трибуналу экспертизу на 120 страницах на сербском и английском языках. После ознакомления с текстом суд согласился допросить эксперта. Я видела свою задачу в том, чтобы объективно показать развитие событий, уйти от официальной версии, которая часто грешит субъективизмом и схематизмом, представить суду аргументы, которые бы поколебали их установку, даже попытаться найти новые документы, на который суд не обращал внимания. Писала я о причинах кризиса в Боснии и Герцеговине, а раскладе политических сил в 1990-1992 годах, о сути конфликта и военных столкновений, позиции сторон и их вооружений, деятельности международных организаций по урегулированию конфликта, по ситуации в Сараево. Здесь особое внимание было уделено страданиям сербов, которых тысячами убивали

в 1992-1993 годах в городе. Об этом вообще мало кто писал, а документов существуют много. И так далее.

International Tribunal for the
Prosecution of Persons
Responsible for Serious Violations of
International Humanitarian Law
Committed in the Territory of
Former Yugoslavia since 1991

Case No. IT-98-29-T

Date: 5 December 2003

Original: English

IN TRIAL CHAMBER I

Before: Judge Alphons Orie
Judge Amin El Mahdi
Judge Rafael Nieto-Navia

Registrar: Mr. Hans Holthuis

Judgement Of: 5 December 2003

PROSECUTOR

v.

STANISLAV GALIĆ

JUDGEMENT AND OPINION

³²⁶ Guskova Report, p. 6; Donia Report, p.1.

³²⁷ Donia Report, p. 1.

³²⁸ Guskova Report, p. 8; Radinović Report, para. 26.

³²⁹ Radinović, although denying that the conflict in the former Yugoslavia was of international character (Radinović Report, para. 2) stated that the war started “in the frontier areas between the former Yugoslav Republics” (Radinović Report, para. 5).

³³⁰ Donia Report, pp 2-3.

³³¹ Guskova Report, pp 10-11; Donia Report, p. 3.

³³² Donia Report, p. 3.

³³³ Donia Report, p. 3, reports that voters were required to identify themselves as to their ethnicity and that the few non-Serb voters received ballots of a different colour.

³³⁴ In Sarajevo, they headed towards the Lukavica barracks and were seen passing through the streets in Dobrinja, Hadžić, T. 12201.

³³⁵ Guskova Report, pp. 8; 12-13; Radinović Report, para. 70.

Фрагмент решения судебной палаты по делу генерала Галича.

Сноски показывают ссылки на показания свидетеля Е.Ю.Гуськовой (Guskova Report)

Эксперт подвергается допросу со всех сторон: сначала задают вопросы адвокаты, потом обвинение, затем судьи, затем снова защита, обвинение, снова судей. По плану судей, меня должны были допросить быстро, в течение полутора часов. Но мне допрашивали два дня. Трудность заключалась в том, что свидетель-эксперт не имеет права пользоваться конспектами, записями, другими бумагами, кроме текста экспертизы. Поэтому приходилось держать в голове большое количество данных цифр, дата, имён, цитат, резолюций, сносок, текстов документов. Надеюсь я тогда, что аргументы экспертизы будут полезны суду, что судьи воспользуются возможностью показать свою объективность. Увы...

Когда я вошла в зал, где шёл процесс, то очень волновалась, угнетающе действовала вся обстановка зала, ритуальность жестов и действий, которые нельзя было нарушать. Но

Казанский журнал международного права и международных отношений № 13 (2022)

как только я поняла, что знаю намного больше, чем они со своей предвзятостью, то сразу захотелось побороться. И, как мне кажется, это удалось.

Генерал Галич на процессе выглядел спокойным, хотя и несколько усталым. Он внимательно следил за перепалкой сторон, постоянно переговаривался с адвокатами, вёл свои записи. В конце второго дня заседания генерал написал благодарственное письмо и передал его через адвокатов. Очень тронули следующие слова: «Большое счастье, что Вы здесь сказали правду. Очень Вам благодарен от имени всех сербов и своего личного имени. Было бы большой ошибкой для Вас и особенно для нас, если бы Вы не появились в качестве эксперта здесь в суде».

Сложно пересказать все вопросы, которые мне задавали. Остановлюсь на основных. Я пыталась обратить внимание суда на то, что прослеживается определенная закономерность в создании провокаций, за которыми следовало наказание лишь одной стороны конфликта - сербов. Так, за взрывом в очереди за хлебом на улице Васе Мискина в Сараеве 27 мая 1992 года, в котором были обвинены сербы, последовало введение санкций против Югославии 30 мая. После первого взрыва на рынке Маркале 5 февраля 1994 года, в котором опять же обвинили сербов, последовало начало участия НАТО в бомбёжках сербских позиций. Взрыв Маркале-2 по той же схеме произошёл в августе 1995 года. И хотя российским офицерам удалось доказать невиновность сербов, наказание всё-таки последовало. Их натовцы бомбили после этого случая уже две недели.

О введении санкций, о взрыве на улице Васе Мискина и Маркале-1 мы дискутировали в трибунале два дня. Я пыталась доказать, что существуют высказывания высокопоставленных деятелей международных организаций, согласно которым, первоначальные заключения экспертов по баллистике доказывали невиновность сербов. Об этом писали и говорили Дэвид Овен, Ясуши Акаши, Майкл Роуз, Лорд Каррингтон. Лорд Оуэн в своей книге даже называет причины, по которым эти сведения скрывались от общественности. Суду надо было бы затребовать эти документы. В этом и должна была, на мой взгляд, проявиться объективность трибунала. Но особого желания у судей копать в этом направлении я не заметила. Чаше вопросы касались мелочей: уточнения страниц, источников, кавычек в цитатах, опечаток, адекватности сербского и английского переводов. Особенно некомпетентным выглядели представители обвинения. Мне даже доставляло удовольствие разбивать их аргументацию, поскольку они плохо владели материалом, если он выходил за рамки существующей в их головах схемы.

Когда моё знание предмета казалось судьям слишком хорошим, они требовали отвечать по схеме «да или нет». Я согласилась попробовать. Первый же вопрос прозвучал так: «По вашему мнению, блокада Сараева являлась полной или нет?» Я невольно улыбнулась, потому что сразу заметила в вопросе подвох. Ответила, что не могу ответить ни да ни нет, потому что формально блокада была полной, но с другой стороны, существовал тоннель, который снабжал город самым необходимым, существовали другие выходы из города. Когда я предложила показать на карте эти маршруты, то судья замахал руками: не надо, не надо, мы всё знаем!

На процессе был случай, когда долго обсуждали вторичный документ -пересказ заседания скупщины Республики Сербской одним из военных, который искажил услышанное им на заседании. Я предложила обратиться к материалам самой Скупщины, но получила резкий отказ. И мне было понятно, почему: в стенограммах скупщины не было компрометирующих генерала Галича материалов.

Адвокаты требовали освободить генерала. Прокурор предлагал пожизненное заключение. Суд вынес вердикт - осудить генерала Галича на 20 лет тюрьмы. Однако это решение не было принято единогласно. Один из судей колумбиец Рафаэль Нието-Навиа не поставил свою подпись под решением судей и высказал своё особое мнение. Он предложил осудить генерала на 10 лет.

International Tribunal for the
Prosecution of Persons
Responsible for Serious Violations of
International Humanitarian Law
Committed in the Territory of
Former Yugoslavia since 1991

Case No. IT-98-29-T
Date: 5 December 2003
Original: English

IN TRIAL CHAMBER I

Before: Judge Alphons Orie
Judge Amin El Mahdi
Judge Rafael Nieto-Navia

Registrar: Mr. Hans Holthuis

Judgement Of: 5 December 2003

PROSECUTOR

v.

STANISLAV GALIĆ

**SEPARATE AND PARTIALLY DISSENTING OPINION OF
JUDGE NIETO-NAVIA**

Однако обжалование приговора потрясло знатоков права: генералу Галичу изменили наказание в сторону его усиления. Он был осуждён пожизненно...

РОССИЙСКИЕ МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ ИНИЦИАТИВЫ

1. О российской инициативе по разработке всеобъемлющей конвенции по противодействию информационной преступности

2. О российских проектах резолюции ГА ООН по расследованию случаев применения химического и биологического оружия

О российской международно-правовой инициативе по разработке всеобъемлющей конвенции по противодействию информационной преступности

В 2022 году начал свою работу Специальный межправительственный комитет ООН по разработке всеобъемлющей международной конвенции по противодействию использованию информационно-коммуникационных технологий в преступных целях. В феврале-марте состоялась первая сессия Спецкомитета. Данный переговорный механизм был учрежден по инициативе России (при поддержке 46 государств) и учрежден резолюцией ГА ООН № 74/247. Россия представила свой проект конвенции.

Проект Конвенции Организации Объединенных Наций о противодействии использованию информационно- коммуникационных технологий в преступных целях

Содержание

Глава

Препамбула	
I. Общие положения	
II. Криминализация, уголовное производство и правоохранительная деятельность	
Раздел 1. Установление ответственности	
Раздел 2. Уголовное судопроизводство и правоохранительная деятельность	
III. Меры по противодействию преступлениям и иным противоправным деяниям в информационном пространстве	
IV. Международное сотрудничество	
Раздел 1. Выдача, взаимная правовая помощь и сотрудничество между правоохранительными органами	
Раздел 2. Меры по возвращению имущества	
V. Техническая помощь и подготовка кадров	
VI. Механизмы выполнения Конвенции	
VII. Заключительные положения	
Приложение	

В заседаниях первой сессии приняли участие профильные эксперты из более чем 160 государств и 200 неправительственных организаций. Россия была представлена экспертами Министерства иностранных дел, Генеральной прокуратуры, Следственного комитета, Министерства внутренних дел, Министерства юстиции, Министерства цифрового развития и Федеральной службы безопасности. На первой сессии были рассмотрены вопросы целей и охвата будущей универсальной Конвенции. Консенсусом утверждена её структура, состоящая из 8 глав.

Вторая сессия проведена в мае-июне 2022 г. в Вене. К третьей сессии российский проект был представлен вновь в обновленном виде. На этот раз – совместно с Белоруссией, Бурунди, Китаем, Мали, Никарагуа и Таджикистаном.

Российская Федерация (также от имени Беларуси, Бурунди, Китая, Мали, Никарагуа и Таджикистана)

[Подлинный текст на русском языке]
[28 июня 2022 года]

Преамбула

Государства — участники настоящей Конвенции,

будучи убеждены в том, что информационное пространство должно строиться в строгом соответствии с основными принципами и нормами международного права, в том числе принципами уважения прав и свобод человека и принципами мирного урегулирования споров,

учитывая, что каждое государство обладает суверенитетом и осуществляет юрисдикцию в отношении информационного пространства в пределах своей территории в соответствии со своим внутренним правом,

**О российских проектах
резолюции ГА ООН по расследованию
случаев применения химического и биологического оружия**

**Семьдесят седьмая сессия
Первый комитет
Пункт 99 повестки дня
Всеобщее и полное разоружение**

**Беларусь, Венесуэла (Боливарианская Республика), Китай, Никарагуа и
Российская Федерация: проект резолюции**

**Механизм Генерального секретаря по расследованию
предполагаемых случаев применения химического
и биологического оружия**

Генеральная Ассамблея,

ссылаясь на свои предыдущие резолюции о Механизме Генерального секретаря по расследованию предполагаемых случаев применения химического и биологического оружия, в частности на резолюции 42/37 С от 30 ноября 1987 года, 43/74 от 7 декабря 1988 года, 45/57 С от 4 декабря 1990 года и 60/288 от 8 сентября 2006 года,

С 2020 года Российская Федерация представляет в Первый комитет Генеральной Ассамблеи ООН проекты резолюций, касающихся Механизма Генерального секретаря ООН по расследованию предполагаемых случаев применения химического и биологического оружия.

В 2020 году данный проект был представлен Россией совместно с Венесуэлой, Китаем и Никарагуа. В 2021 году – совместно с Никарагуа и Зимбабве. В 2022 году российский проект вновь представлен совместно с первоначальными ко-спонсорами и Белоруссией. Последний вариант проекта значительно сокращен и в настоящее время включает следующие основные положения:

признавая общую заинтересованность всего человечества в том, чтобы полностью исключить возможность применения химического, бактериологического (биологического) и токсинного оружия, и будучи убеждена в том, что такое применение противоречило бы совести человечества,

будучи преисполнена решимости осудить любое применение токсичных химикатов, биологических агентов или токсинов в качестве оружия кем бы то ни было, где бы то ни было, в любое время и привлечь к ответственности виновных в любом таком применении,

ссылаясь на положения Конвенции о запрещении разработки, производства, накопления и применения химического оружия и о его уничтожении 1993 года¹⁸³, Конвенции о запрещении разработки, производства и накопления запасов бактериологического (биологического) и токсинного оружия и об их уничтожении 1972 года¹⁸⁴, Протокола о запрещении применения на войне удушливых, ядовитых или других подобных газов и бактериологических средств 1925 года¹⁸⁵ и другие соответствующие нормы обычного международного права,

подчеркивая, что Конвенция о запрещении разработки, производства и накопления запасов бактериологического (биологического) и токсинного оружия и об их уничтожении, Конвенция о запрещении разработки, производства, накопления и применения

¹⁸³ United Nations, *Treaty Series*, vol. 1974, No. 33757.

¹⁸⁴ Ibid, vol. 1015, No. 14860.

¹⁸⁵ League of Nations, *Treaty Series*, vol. XCIV, No. 2138.

химического оружия и о его уничтожении и Протокол о запрещении применения на войне удушливых, ядовитых или других подобных газов и бактериологических средств имеют существенно важное значения для международного мира и безопасности,

подтверждая, что при всех обстоятельствах применение, разработка, производство и накопление запасов химического, бактериологического (биологического) и токсинного оружия реально запрещаются статьей I Конвенции о запрещении разработки, производства и накопления запасов бактериологического (биологического) и токсинного оружия и об их уничтожении и статьей I Конвенции о запрещении разработки, производства, накопления и применения химического оружия и о его уничтожении,

настоятельно призывая все государства — участники Конвенции о запрещении разработки, производства, накопления и применения химического оружия и о его уничтожении и Конвенции о запрещении разработки, производства и накопления запасов бактериологического (биологического) и токсинного оружия и об их уничтожении и уделять первостепенное внимание полному выполнению всех своих обязательств, принятых согласно этим конвенциям, и руководствоваться пониманием, достигнутыми на конференциях государств — участников этих конвенций по рассмотрению действия этих конвенций,

отмечая национальные инициативы по обеспечению соответствующей подготовки для экспертов, которые могли бы обеспечить поддержку Механизма Генерального секретаря по расследованию предполагаемых случаев применения химического и биологического оружия,

принимая во внимание резолюцию 620 (1988) Совета Безопасности, в которой Совет постановил незамедлительно рассматривать, с учетом проводимых Генеральным секретарем расследований, надлежащие и эффективные меры в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций,

1. *признает* появление научно-технических достижений, имеющих отношение к Механизму Генерального секретаря по расследованию предполагаемых случаев применения химического и биологического оружия, а также развитие ситуации, касающейся химического и биологического разоружения, со времени создания Механизма в 1987 году и утверждения его технических принципов и процедур в 1990 году;

2. *вновь заявляет*, что Генеральному секретарю следует при содействии назначенных им экспертов-консультантов периодически проводить, принимая во внимание изменения, предложенные государствами-членами, обзор технических принципов и процедур, содержащихся в приложении I к докладу Генерального секретаря за 1989 год, и, когда это необходимо, пересматривать их для представления Генеральной Ассамблее по ее просьбе;

3. *просит* Генерального секретаря запросить мнения и предложения государств-членов относительно нынешнего состояния принципов и процедур, содержащихся в приложении I к докладу Генерального секретаря за 1989 год, и возможной необходимости их актуализации и представить Генеральной Ассамблее на ее семьдесят восьмой сессии для дальнейшего обсуждения государствами-членами субстантивный доклад с приложением, содержащим эти мнения;

4. *постановляет* включить в предварительную повестку дня своей семьдесят восьмой сессии пункт, озаглавленный «Механизм Генерального секретаря по расследованию предполагаемых случаев применения химического и биологического оружия».

1 ноября 2022 г. российский проект был отклонён 65 голосами против 30 государств, голосовавших «за». При этом воздержалось 77 делегаций.

НАШ ОТВЕТ ЧЕМБЕРЛЕНУ

ЗАЯВЛЕНИЕ МИНИСТЕРСТВА ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ РОССИИ О ВЫХОДЕ ИЗ СОВЕТА ЕВРОПЫ

10 марта 2022

Недружественные России государства ЕС и НАТО, злоупотребляя своим абсолютным большинством в Комитете министров Совета Европы (КМСЕ), продолжают линию на разрушение Совета Европы и общего гуманитарно-правового пространства в Европе.

Ход событий становится необратимым. Россия не намерена мириться с этими подрывными действиями, осуществляемыми коллективным Западом в русле насаждения «порядка, основанного на правилах» на замену попираемого США и их сателлитами международного права. Россия не будет участвовать в превращении натовцами и послушно следующим за ними ЕС старейшей европейской организации в очередную площадку для заклинаний о западном превосходстве и самолюбования.

Пусть наслаждаются общением друг с другом, без России.

**УКАЗ
ПРЕЗИДЕНТА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

**О СПЕЦИАЛЬНОМ ПОРЯДКЕ ИСПОЛНЕНИЯ ИНОСТРАННЫМИ
ПОКУПАТЕЛЯМИ ОБЯЗАТЕЛЬСТВ ПЕРЕД РОССИЙСКИМИ ПОСТАВЩИКАМИ
ПРИРОДНОГО ГАЗА**

В дополнение к мерам, предусмотренным указами Президента Российской Федерации от 28 февраля 2022 г. N 79 «О применении специальных экономических мер в связи с недружественными действиями Соединенных Штатов Америки и примкнувших к ним иностранных государств и международных организаций», от 1 марта 2022 г. N 81 «О дополнительных временных мерах экономического характера по обеспечению финансовой стабильности Российской Федерации», от 5 марта 2022 г. N 95 «О временном порядке исполнения обязательств перед некоторыми иностранными кредиторами» и от 18 марта 2022 г. N 126 «О дополнительных временных мерах экономического характера по обеспечению финансовой стабильности Российской Федерации в сфере валютного регулирования», постановляю:

1. Установить, что с 1 апреля 2022 г.:

а) оплата поставок природного газа в газообразном состоянии (далее - природный газ), осуществляемых после 1 апреля 2022 г. резидентами - участниками внешнеэкономической деятельности, имеющими в соответствии с Федеральным законом от 18 июля 2006 г. N 117-ФЗ «Об экспорте газа» исключительное право на экспорт природного газа в газообразном состоянии (далее - российские поставщики), производится в рублях: по внешнеторговым контрактам на поставку природного газа (далее - контракты на поставку природного газа), заключенным с иностранными лицами, если поставка природного газа осуществляется в иностранные государства, совершающие в отношении Российской Федерации, российских юридических лиц и физических лиц недружественные действия; по контрактам на поставку природного газа, заключенным с иностранными лицами, местом регистрации которых являются иностранные государства, совершающие в отношении Российской Федерации, российских юридических лиц и физических лиц недружественные действия;

б) запрещается дальнейшая поставка природного газа российским поставщиком иностранным лицам, названным в абзацах втором и третьем подпункта «а» настоящего пункта (далее - иностранные покупатели), по контракту на поставку природного газа, в случае если срок оплаты поставленного по этому контракту газа наступил, иностранным покупателем оплата не произведена либо произведена в иностранной валюте, и (или) не в полном объеме, и (или) на счет в банке, не являющемся уполномоченным банком в соответствии с пунктом 2 настоящего Указа, и такая поставка осуществляется в иностранные государства, совершающие в отношении Российской Федерации, российских юридических лиц и физических лиц недружественные действия. Информация о соблюдении установленного настоящим Указом порядка оплаты поставки природного газа представляется в таможенный орган. При поступлении в таможенный орган информации о нарушении этого порядка таможенный орган принимает решение о запрете такой поставки.

2. Акционерное общество «Газпромбанк», являющееся для целей настоящего Указа уполномоченным банком (далее - уполномоченный банк), открывает на основании заявлений иностранных покупателей специальные рублевые счета типа «К» и специальные валютные счета типа «К» для расчетов за поставляемый природный газ.

3. Уполномоченный банк вправе открывать специальные рублевые счета типа «К» и специальные валютные счета типа «К» без личного присутствия представителя иностранного покупателя. Уполномоченный банк проводит идентификацию нового клиента – иностранного покупателя, его представителя, выгодоприобретателя, бенефициарного владельца в соответствии с требованиями Федерального закона от 7 августа 2001 г. N 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» и принятых в соответствии с ним нормативных

актов Центрального банка Российской Федерации на основании доступных в сложившихся обстоятельствах документов и сведений об этих лицах не позднее 45 дней после дня открытия такому клиенту специального рублевого счета типа «К» и специального валютного счета типа «К».

4. Впредь до внесения изменений в Налоговый кодекс Российской Федерации и иные федеральные законы на специальные рублевые счета типа «К» и специальные валютные счета типа «К» не распространяется действие пункта 12 статьи 76, пункта 1 статьи 86 части первой Налогового кодекса Российской Федерации и части 27 статьи 77 Федерального закона от 3 августа 2018 г. N 289-ФЗ «О таможенном регулировании в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации».

5. Не допускается приостановление операций по специальному рублевому счету типа «К» и специальному валютному счету типа «К», арест или списание средств, находящихся на этих счетах, в рамках исполнения обязательств иностранного покупателя, не связанных с оплатой по контракту на поставку природного газа.

6. Иностранному покупателю производит перевод средств на специальный валютный счет типа «К» в иностранной валюте, указанной в контракте на поставку природного газа, а уполномоченный банк на основании поручения иностранного покупателя, полученного в порядке, установленном правилами уполномоченного банка, осуществляет продажу иностранной валюты, поступившей от иностранного покупателя на такой счет, на организованных торгах, проводимых публичным акционерным обществом «Московская Биржа ММВБ - РТС», зачисляет вырученные средства в рублях на специальный рублевый счет типа «К» этого иностранного покупателя и производит перевод зачисленных средств в рублях на открытый российским поставщиком в уполномоченном банке рублевый счет.

7. Обязательство по оплате иностранным покупателем поставки природного газа в соответствии с подпунктом «а» пункта 1 настоящего Указа считается исполненным с момента зачисления средств, полученных от продажи иностранной валюты, осуществленной в порядке, предусмотренном пунктом 6 или подпунктом «а» пункта 10 настоящего Указа, на открытый российским поставщиком в уполномоченном банке рублевый счет.

8. В случае если иностранный покупатель передал обязательство по оплате поставки природного газа другому лицу, оно исполняет это обязательство в порядке, установленном настоящим Указом.

9. Предоставить Правительственной комиссии по контролю за осуществлением иностранных инвестиций в Российской Федерации полномочие выдавать разрешения на исполнение иностранными покупателями перед российскими поставщиками обязательств по оплате поставок природного газа без соблюдения порядка, установленного настоящим Указом.

10. Предоставить Совету директоров Центрального банка Российской Федерации следующие полномочия:

а) определять иной, чем предусмотренный пунктом 6 настоящего Указа, порядок продажи иностранной валюты;

б) устанавливать режим специального рублевого счета типа «К» и режим специального валютного счета типа «К».

11. Правительству Российской Федерации в 10-дневный срок утвердить порядок выдачи Правительственной комиссией по контролю за осуществлением иностранных инвестиций в Российской Федерации разрешений, предусмотренных пунктом 9 настоящего Указа.

12. Совету директоров Центрального банка Российской Федерации в 10-дневный срок принять решения, необходимые для реализации полномочия, предусмотренного подпунктом «б» пункта 10 настоящего Указа.

13. Решения Совета директоров Центрального банка Российской Федерации, предусмотренные настоящим Указом, подлежат официальному опубликованию в соответствии со статьей 7 Федерального закона от 10 июля 2002 г. N 86-ФЗ «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)».

14. Предоставить Центральному банку Российской Федерации право давать офици-

альные разъяснения по вопросам применения настоящего Указа.

15. Федеральной таможенной службе по согласованию с Центральным банком Российской Федерации и при участии уполномоченного банка в 10-дневный срок утвердить порядок представления в соответствии с подпунктом «б» пункта 1 настоящего Указа в таможенный орган информации о соблюдении порядка оплаты поставки природного газа.

16. Рекомендовать уполномоченному банку в 10-дневный срок определить правила в соответствии с пунктом 6 настоящего Указа.

17. Настоящий Указ вступает в силу со дня его официального опубликования.

Президент Российской Федерации В.ПУТИН

Москва, Кремль

31 марта 2022 года

N 172

НЕСБЫВШЕЕСЯ В МЕЖДУНАРОДНОМ ПРАВЕ

- *О новой рубрике нашего журнала
- *Проект договора о ненападении делегации РСФСР на Генуэзской конференции
- *Проект договора о ненападении России с НАТО

О НОВОЙ РУБРИКЕ НАШЕГО ЖУРНАЛА

История российской и советской дипломатии знает несколько тысяч успешных проектов международных договоров, которые были подписаны, ратифицированы и вступили в силу, став, таким образом, частью сбывшегося в международном праве. О несбывшемся известно намного меньше. Тем не менее, несбывшееся в международном праве представляет значительный интерес. Какие были подготовлены проекты, почему они не были приняты, каковы перспективы возвращения к данным проектам – все эти вопросы имеют не только научное, но и практическое значение.

Для обсуждения этих проблем мы начинаем новую рубрику «Несбывшееся в международном праве». Открывают новую рубрику нашего журнала три проекта международных договора с участием СССР и Российской Федерации. Все три проекта были отвергнуты нашими так называемыми «партнёрами» и вошли в историю несбывшегося в международном праве.

ПРОЕКТ ДОГОВОРА О НЕНАПАДЕНИИ

Статьи, принятые Подкомиссией Первой комиссии
Генуэзской конференции
в заседании 17 мая 1922 года

Присутствовали:

Делегаты итальянские, британский, японский, польский, румынский, русский, шведский и швейцарский.

I.

Вышеназванные державы согласились в том, что должна быть назначена комиссия, которая ещё раз рассмотрит разногласия, существующие между Советским русским правительством и другими правительствами, а также вступит в контакт с русской комиссией, которой будет дано такое же поручение.

II.

Самое позднее, - к 20 июня, русскому Советскому правительству должен быть сообщён факт назначения держав, представленных в не-русской комиссии с именами членов комиссии, - и на началах их взаимности - имена членов русской комиссии - сообщены другим правительствам.

III.

Вопросы, подлежащие суждению комиссии, будут обнимать все ныне обсуждаемые вопросы о долгах, частной собственности и кредитах.

IV.

Члены обеих комиссий должны явиться в Гаагу к 26 июня 1922 года.

V.

Обе комиссии приложат усилия к тому, чтобы достигнуть согласованных предложений по вопросам, изложенным в статье 3.

VI.

Чтобы дать возможность работе комиссий протекать в полном спокойствии и восстановить взаимное доверие, - между Русским Советским и союзными с ним правительствами, с одной стороны, и правительствами, которые примут в ней участие, с другой, будут заключены соглашения об отказе от всяких агрессивных актов против территорий, взаимно им принадлежащих, и воздержание от всякой подпольной пропаганды.

Обязательство воздерживаться от всяких агрессивных актов будет исходить из соблюдения status quo и останется в силе в течение ещё 4 месяцев по окончании работ комиссий.

Обязательство по вопросу о пропаганде должно принудить правительства никоим образом не вмешиваться во внутренние дела других государств, не оказывать ни финансовой, ни иной какой-либо поддержки политическим организациям других стран и подавлять на собственной территории попытки, стремящиеся к организации актов насилия в других государствах и к нарушению территориального и политического status quo.

Приложение.

Документ, вручённый секретарем русской делегации председателю подкомиссии

первой комиссии во время заседания 17 мая.

Союзные с Россией Республики суть:

Украина, Белоруссия, Грузия, Армения, Азербейджан, Бухара, Дальне-Восточная, Хива.

Подпись: Георгий Чичерин

Проект

ДОГОВОР МЕЖДУ РФ И США О ГАРАНТИЯХ БЕЗОПАСНОСТИ

17.12.2021

Российская Федерация и Соединенные Штаты Америки, ниже именуемые Сторонами, руководствуясь принципами, содержащимися в Уставе Организации Объединенных Наций, Декларации о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций 1970 года, хельсинском Заключительном акте Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе 1975 года, а также положениями Манильской декларации о мирном разрешении международных споров 1982 года, Хартии европейской безопасности 1999 года, Основополагающего акта о взаимных отношениях, сотрудничестве и безопасности между Россией и Организацией Североатлантического договора 1997 года;

напоминая о недопустимости в их взаимных, как и в целом в международных отношениях, применения силы или угрозы силой каким-либо другим образом, несовместимым с целями и принципами Устава Организации Объединенных Наций;

поддерживая роль Совета Безопасности Организации Объединенных Наций, на который возложена главная ответственность за поддержание международного мира и безопасности;

признавая необходимость объединения усилий для эффективного реагирования на современные вызовы и угрозы безопасности в глобализированном и взаимозависимом мире;

исходя из неукоснительного соблюдения принципа невмешательства во внутренние дела, включая отказ от поддержки организаций, групп и отдельных лиц, выступающих за неконституционную смену власти, а также любых действий, имеющих целью изменение политического или социального строя одной из договаривающихся Сторон;

имея в виду усовершенствовать имеющиеся либо создать дополнительные действенные и оперативно запускаемые механизмы взаимодействия для урегулирования возникающих проблемных вопросов и разногласий путем конструктивного диалога на основе взаимного уважения и признания интересов безопасности и озабоченностей друг друга, а также для выработки адекватной реакции на вызовы и угрозы в области безопасности;

стремясь избежать любого военного противостояния и вооруженного конфликта между Сторонами и осознавая, что прямое военное столкновение между ними способно привести к применению ядерного оружия, что имело бы далеко идущие последствия;

подтверждая, что в ядерной войне не может быть победителей и она никогда не должна быть развязана, равно как признавая необходимость приложить все усилия для предотвращения опасности возникновения такой войны между государствами, обладающими ядерным оружием;

подтверждая свои обязательства по Соглашению о мерах по уменьшению опасности возникновения ядерной войны между Союзом Советских Социалистических Республик и Соединенными Штатами Америки от 30 сентября 1971 года, Соглашению между Правительством Союза Советских Социалистических Республик и Правительством

Соединенных Штатов Америки по предотвращению инцидентов в открытом море и в воздушном пространстве над ним от 25 мая 1972 года, Соглашению между Союзом Советских Социалистических Республик и Соединенными Штатами Америки о создании Центров по уменьшению ядерной опасности от 15 сентября 1987 года, а также Соглашению между Союзом Советских Социалистических Республик и Соединенными Штатами Америки о предотвращении опасной военной деятельности от 12 июня 1989 года;

договорились о нижеследующем:

Статья 1

Стороны взаимодействуют на основе принципов неделимой и равной безопасности, ненападения и невмешательства друг друга и в этих целях:

не предпринимают действий и не осуществляют мероприятий, затрагивающих безопасность другой Стороны, не участвуют в них и не поддерживают их;

не осуществляют меры в области безопасности, принимаемые каждой Стороной индивидуально либо в рамках международной организации, военного союза или коалиции, которые подрывали бы коренные интересы безопасности другой Стороны.

Статья 2

Стороны добиваются того, чтобы любые международные организации, военные союзы или коалиции, в которых участвует хотя бы одна из Сторон, соблюдали принципы, содержащиеся в Уставе Организации Объединенных Наций.

Статья 3

Стороны не используют территорию других государств в целях подготовки или осуществления вооруженного нападения против другой Стороны, или иных действий, затрагивающих коренные интересы безопасности другой Стороны.

Статья 4

Соединенные Штаты Америки принимают обязательства исключить дальнейшее расширение Организации Североатлантического договора в восточном направлении, отказаться от приема в альянс государств, ранее входивших в Союз Советских Социалистических Республик.

Соединенные Штаты Америки не будут создавать военные базы на территории государств, ранее входивших в Союз Советских Социалистических Республик и не являющихся членами Организации Североатлантического договора, использовать их инфраструктуру для ведения любой военной деятельности, а также развивать с ними двустороннее военное сотрудничество.

Статья 5

Стороны воздерживаются от размещения своих вооруженных сил и вооружений, в том числе в рамках международных организаций, военных союзов или коалиций, в районах, где такое развертывание воспринималось бы другой Стороной как угроза своей национальной безопасности, за исключением такого развертывания в пределах национальных территорий Сторон.

Стороны воздерживаются от полетов тяжелых бомбардировщиков, оснащенных для ядерных или для неядерных вооружений, и нахождения надводных боевых кораблей всех классов, в том числе в рамках союзов, коалиций и организаций, в районах, соответственно, вне национального воздушного пространства и вне национальных территориальных вод, откуда они могут поражать цели на территории другой Стороны.

Стороны поддерживают диалог и осуществляют взаимодействие по совершенствованию механизмов предотвращения опасной военной деятельности в открытом море и в воздушном пространстве над ним, включая согласование предельной дистанции сближения боевых

кораблей и самолетов.

Статья 6

Стороны обязуются не разворачивать ракеты средней и меньшей дальности наземного базирования вне национальной территории, а также в тех районах своей национальной территории, из которых такие вооружения способны поражать цели на национальной территории другой Стороны.

Статья 7

Стороны исключают развертывание ядерного оружия вне национальной территории и возвращают такое оружие, уже развернутое за пределами национальной территории на момент вступления в силу настоящего Договора, на национальную территорию. Стороны ликвидируют всю имеющуюся инфраструктуру для развертывания ядерного оружия вне национальной территории.

Стороны не осуществляют подготовку военнослужащих и гражданских лиц из стран, не обладающих ядерным оружием, к применению такого оружия. Стороны не проводят учения и тренировки сил общего назначения, включающие отработку сценариев с применением ядерного оружия.

Статья 8

Настоящий Договор вступает в силу с даты получения последнего письменного уведомления о выполнении Сторонами необходимых для этого внутригосударственных процедур.

Совершено в двух экземплярах, каждый на русском и английском языках, причем оба текста имеют одинаковую силу.

Проект

СОГЛАШЕНИЕ О МЕРАХ ОБЕСПЕЧЕНИЯ БЕЗОПАСНОСТИ РФ И ГОСУДАРСТВ-ЧЛЕНОВ НАТО

Российская Федерация и государства-члены Организации Североатлантического договора (НАТО), далее именуемые Участниками,

подтверждая стремление к улучшению отношений и углублению взаимопонимания;

признавая, что для эффективного реагирования на современные вызовы и угрозы безопасности во взаимозависимом мире необходимо объединение усилий всех Участников;

будучи убежденными в необходимости предотвращения опасной военной деятельности и, таким образом, уменьшения возможности возникновения инцидентов между их вооруженными силами;

отмечая, что интересы безопасности каждого Участника требуют повышения эффективности многостороннего сотрудничества, укрепления стабильности, предсказуемости и транспарентности в военно-политической области;

подтверждая свою приверженность целям и принципам Устава Организации Объединенных Наций, хельсинкского Заключительного акта Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе 1975 года, Основополагающего акта о взаимных отношениях, сотрудничестве и безопасности между Российской Федерацией и Организацией Североатлантического договора 1997 года, Кодекса поведения, касающегося военно-политических аспектов безопасности 1994 года, Хартии Европейской безопасности 1999 года и Римской декларации «Отношения Россия-НАТО: Новое качество» глав государств и

правительств Российской Федерации и государств-членов НАТО 2002 года;
согласились о нижеследующем:

Статья 1

Участники в отношениях между собой руководствуются принципами сотрудничества, равной и неделимой безопасности. Они не укрепляют свою безопасность индивидуально, в рамках международной организации, военного союза или коалиции за счет безопасности других.

Участники в отношениях между собой обязуются мирно решать все международные споры, а также воздерживаться от любого применения силы или угрозы ее применения каким-либо образом, несовместимым с целями Организации Объединенных Наций.

Участники обязуются не создавать условий или ситуаций, которые могли бы представлять или быть расценены в качестве угрозы для национальной безопасности других Участников.

Участники будут проявлять сдержанность в военном планировании и при проведении учений для снижения рисков возможных опасных ситуаций, придерживаясь обязательств по международному праву, в том числе содержащихся в межправительственных соглашениях по предотвращению инцидентов на море за пределами территориальных вод и в воздушном пространстве над ним, а также в межправительственных соглашениях о предотвращении опасной военной деятельности.

Статья 2

Для разрешения вопросов и урегулирования проблемных ситуаций Участники применяют механизмы срочных консультаций на дву- и многосторонней основе, включая Совет Россия-НАТО.

Участники на регулярной добровольной основе обмениваются оценками современных угроз и вызовов безопасности, обеспечивают взаимное информирование о военных учениях и маневрах, основных положениях военной доктрины. В целях обеспечения транспарентности и предсказуемости военной деятельности задействуются все имеющиеся механизмы и инструменты мер доверия.

Для поддержания экстренных контактов между Участниками организуются «горячие» телефонные линии.

Статья 3

Участники подтверждают, что не рассматривают друг друга в качестве противников.

Участники поддерживают диалог и осуществляют взаимодействие по совершенствованию механизмов предотвращения инцидентов в открытом море и в воздушном пространстве над ним (в первую очередь, на Балтике и в Черноморском регионе).

Статья 4

Российская Федерация и все Участники, являвшиеся по состоянию на 27 мая 1997 года государствами-членами Организации Североатлантического договора, соответственно, не размещают свои вооруженные силы и вооружения на территории всех других государств Европы в дополнение к силам, размещенным на этой территории по состоянию на 27 мая 1997 года. В исключительных случаях, при возникновении ситуаций, связанных с необходимостью нейтрализации угрозы безопасности одного или нескольких Участников, такие размещения могут осуществляться с согласия всех Участников.

Статья 5

Участники исключают развертывание ракет средней и меньшей дальности наземного базирования в районах, из которых они способны поражать цели на территории других Участников.

Статья 6

Участники, являющиеся государствами-членами Организации Североатлантического договора, принимают обязательства, исключающие дальнейшее расширение НАТО, в том числе присоединение Украины, а также других государств.

Статья 7

Участники, являющиеся государствами-членами Организации Североатлантического договора, отказываются от ведения любой военной деятельности на территории Украины, а также других государств Восточной Европы, Закавказья и Центральной Азии.

В целях исключения возникновения инцидентов Российская Федерация и Участники, являющиеся государствами-членами Организации Североатлантического договора, не проводят военных учений и других мероприятий военной деятельности свыше бригадного уровня в полосе согласованной ширины и конфигурации с каждой стороны от линии границы Российской Федерации и государств, состоящих с ней в военном союзе, а также Участников, являющихся государствами-членами Организации Североатлантического договора.

Статья 8

Настоящее Соглашение не затрагивает и не будет толковаться как затрагивающее преимущественную ответственность Совета Безопасности ООН за поддержание международного мира и безопасности, а также права и обязательства Участников, вытекающие из Устава ООН.

Статья 9

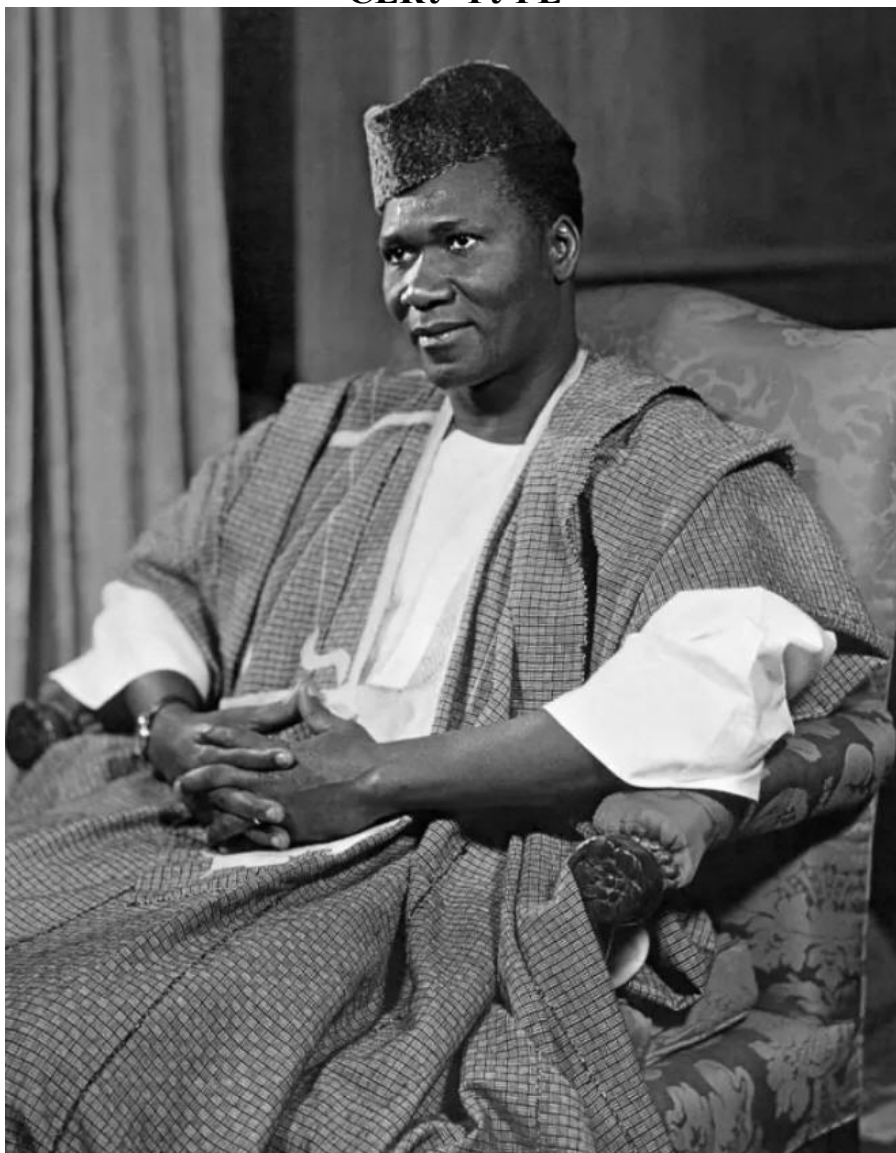
Настоящее Соглашение вступает в силу с даты передачи на хранение депозитарию уведомлений о согласии на обязательность от более чем половины подписавших его государств. В отношении государства, передавшего такое уведомление позднее, настоящее Соглашение вступает в силу с даты его передачи.

Любой Участник настоящего Соглашения может выйти из него, направив депозитарию соответствующее уведомление. Действие настоящего Договора прекращается для такого Участника через [30] дней после получения депозитарием указанного уведомления.

Настоящее Соглашение составлено на русском, английском и французском языках, тексты которых имеют одинаковую силу, хранится в архиве депозитария, которым является правительство ...

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВАЯ ПОЭЗИЯ

ПЕРВЫЙ ПРЕЗИДЕНТ ГВИНЕИ СЕКУ ТУРЕ

В 2022 году исполняется 100 лет со дня рождения «отца-основателя» независимой Гвинеи и первого президента Гвинейской республики Ахмеда Секу Туре. О политической деятельности С.Туре хорошо известно. Но в настоящем материале мы будем говорить о поэзии первого гвинейского президента. Впрочем, его поэзия трудно отделима от политики. Завоевание независимости страны, строительство нового общества на прогрессивных началах социализма (хотя и – как всегда подчеркивалось – с африканской спецификой) – всё это была истинная поэзия самой жизни.

В 1964 году вышел поэтический сборник *Poemes militants. Parti Democratique de*
Казанский журнал международного права и международных отношений № 13 (2022)

Guinee. В настоящем номере мы публикуем ряд стихотворений Секу Туре. Они публикуются на языке оригинала (французском) и на русском языке в переводе выдающегося советского поэта Евгения Долматовского.

Е.Долматовский стал переводчиком стихов президента Секу Туре не случайно. Он бывал в Гвинее, и не как турист, а как свидетель строительства новой страны. Причем, строительства при злобном сопротивлении бывших колонизаторов. Делясь впечатлениями о своей поездке, он писал, что во время бурных дискуссий о строительстве школ и фабрик, выпуске первой газеты, проблеме вождей племен и о том, что делать с колдунами, непременно врывались мотивы, свойственные беседам поэтов: свободный стих или рифма? Устное творчество гриотов или поэзия на языке, принесенном сюда колонизаторами?

Встречался он и с самим Секу Туре. Вот как он описывает их встречи. «Наблюдая за стремительным, но внешне очень спокойным, порою резким, порою сдержанным генеральным секретарем Демократической партии Гвинии и президентом страны Ахмедом Секу Туре, я не мог отделаться от ощущения: наверно, этот человек пишет стихи! Так бывает, угадываешь в человеке стихотворца и поэта по каким-то едва уловимым чертам и признакам». Во время той встречи Е.Долматовский решил проверить свою догадку и прямо спросил об этом главу гвинейского государства, и услышал в ответ ... «Что вы! Мне стихи писать недосуг, некогда склоняться над заветной тетрадкой!»

Но вот прошла пара лет и на столе Е.Долматовского появился скромно изданный сборник, сброшюрованный как тетрадь. «Стихи в борьбе» — так перевел он его название (*Poemes militants*). Здесь впрочем, возможны и другие варианты — например «Борющиеся стихи», однако, оставим так, как это сделал наш великий советский поэт, он прочувствовал эти стихи, как никто другой.

Размышляя над стихами сборника Е.Долматовский пишет: «Влюбленно и восторженно говоря о своем народе, Секу Туре не скрывает от него всей сложности обстановки, создавшейся в результате долгого колониального гнета, всех трудностей, возникающих на пути нового, независимого государства. Не только внешний противник есть у борцов, вставших во главе Гвинейской Республики. И президент призывает молодых и старых граждан разрушить в своих сердцах «яд бесплодного регионализма», ликвидировать касты, бороться за равенство. Он призывает к раскрепощению женщин, выступает против фанатиков, против мистики, не считает зазорным сказать в стихах и о борьбе с алкоголизмом (спаивать было одним из самых примитивных, но действенных приемов, которыми пользовались колонизаторы, чтобы отобрать у народа его силу.

Пожалуй, центральное место в сборнике занимает поэма «Демократическая партия Гвинии». Вот первые строфы этой поэмы:

Демократическая партия Гвинии!
У нас ты называешься слоном.
А в этом имени на языке сусу
Неразделимы — честность, справедливость

И постоянство в каждом деле.
С грядущим неразрывна жизнь твоя.
День нынешний и завтрашний сольются
В истории гвинейского народа.
Я в час рождения тебя узнал.
Под пулями жестоких колонистов.
Под острыми ударами кнута
Начальников районов и кантонов.
Ты твердой, гордою и непреклонной
В глухую пору дикости была
И свой народ учила терпеливо,
Готовила к сражению...
По призыву
Поднялся он и вышел на борьбу
Уверенным, широким шагом,
И обретая силу на пути,
Шагал он все быстрее и быстрее,
И вырастали крылья у народа,
И он взлетел,
Бесстрашный, как орел.
Демократическая партия Гвинеи!
У нас ты называешься слоном,
И это имя разрушает зло.
Добро во всяком деле укрепляя.
Во времена бесстыдного пиратства,
От голода и жажды изнывая.
Томились в тюрьмах воины твои.
Несправедливостью и униженьем
Был вызван ненависти ураган.
Создавший лидеров неустрашимых.
Сюда колонизатор хищный нес
Презренье к цвету кожи и к народу,
Он силился сдвинуть в своих когтях
Весь наш народ — и молодых и старых.
Но выбрали борьбу
И предпочли мы честь
Подачкам жалким,
И сказали громко
Коррупции, пособничеству — нет!
В борьбе за справедливость и прогресс
Определила партия свой выбор.

Любя трудолюбивый свой народ.
Не признавая чужеземной власти,
Ни доводов владычества и силы.
Ни слабости покорного смирения.
Ни косности печальной вековой...

Вторая важнейшая поэма сборника - «Гвинейская Революция». Вот её начальные строки:

Прогрессивная Революция!
Ты возьмешь наследие прошлого.
Реальность настоящего.
Мечту о будущем
И преобразуешь историю,
Не страшась высоких задач.
Приводя наше общество
К высшему уровню.
Ты обрекаешь
Феодализм,
Колониализм,
Империализм
На презрение, на презрение!
Ты сражаешься без устали
Против гнета эксплуататоров.
Чтобы не было несправедливости,
Чтоб народ стал судьбы хозяином!

Оценивая поэтический ритм Секу Туре, Е.Долматовский отмечает, что это - «вольный стих, дисциплинированный повторяющимися запевами строф». И действительно, поэмы первого президента Гвинеи – по существу - речи политического деятеля, который использует поэтическую форму для того, «чтобы чётче и отточенней сформулировать мысли о времени и народе, о партии, о задачах, стоящих перед новым государством, о его месте в масштабах Африки и в масштабах всей земли». И, кстати, приводит пример выступления Секу Туре на конференции по вопросам образования и культуры в феврале 1964 года, где президент выступает с двумя поэмами: «Учитель и гвинейская школа» и «Юность и гвинейская школа».

В настоящем выпуске мы публикуем поэму «Африка» (в русском переводе – «Этот я – Африка») на языке оригинала и в переводе Евгения Ароновича Долматовского.

Ахмед Секу Туре

ЭТО Я — АФРИКА

Это я — Африка,
я — континент,
задающий
всему остальному миру
гневный вопрос:
почему
дети мои
были придавлены злом,
почему
их тела
были исполосованы плетью,
почему
на руках и ногах
носили они
кандалы,
почему они в голоде жили,
задыхались в грязи?
Все мое достоянье —
россыпь
душевных сокровищ —
было к нулю сведено.
Имя мое затерялось
в потоке чужих,
непонятных и мертвых словес,
которыми завоеватель
пытался меня окрестить.
Но воля детей моих,
воля моих дочерей,
воля гордых моих сыновей
положила конец
злобе и грабежу,
произволу и лжи!

Это я — Африка!
Я — континент грядущих веков.

Наши враги —
потомки насильников прежних —
новые цепи куют,
чтобы в рабстве держать
не руки и ноги,
а разум мой,
душу,
и сердце,
и голос,
и совесть,
и честь,
и богатство земли.
Много еще на пути моем
горя и бедствий —
голод,
и страх,
и нужда,
и невежество,
и слабоволье.
Но народы мои
бросаются в бой
по призыву судьбы.
Разрушают, чтоб строить,
чтобы все обновить,
возродить,
воскресить,
оживить,
чтоб очистить наследие наше,
освободить от пороков,
изъянов
и пятен бывшего.

Это я — Африка!
Шествуй,
моя революция!
В битвах
учи, закаляй
всех моих сыновей —
темнокожих и белых!
Пусть будет вырвана с корнем
проклятая несправедливость

и на обломках цепей
расцветут золотые цветы:
Примиренье,
Единство,
Достоинство,
Правда —
и прорастет нежный цветок —
Красота.
Дорого мы заплатили
за нашу победу...
Наша Свобода проснулась.
Она — воплощение Братства.
Да восстановит она
мое славное имя,
порабощенье отменит,
богатства мои оградит
от чужих завистливых глаз
и ненасытных зубов.
Свобода,
будь вечно со мной
и веди меня вдаль,
в бесконечный простор!
Жить иначе
я не хочу.
Быть свободной —
веле́нье моей души
и сердца жаркий призыв!

AFRIQUE

C'est moi, Afrique
Continent qui interroge,
Patrie des hommes de coeur
Qui furent soumis au fer
Des puissances impérialistes.
Patrie des hommes reniés pour leur peau
Qui furent longtemps enchaînés
Et dans la boue sans cesse traînés
Alors qu'étaient déconsidérées
Méprisées, bannies, ma culture
Mes hautes valeurs de Civilisation.
Perdant mon nom vrai
Je fus baptisée de celui de l'envahisseur;
Mais le courage patriotique
Des Miens : fils et filles,
Mit fin à mon indigrité

C'est moi, Afrique
Continent de l'avenir!
Le néo-colonialisme
Aussi féroce que subtil
Veut tenir esclaves
Et mon Esprit et mes Richesses.
Des maux dont je souffre encore
Plus avilissante est l'irresponsabilité

Mes Peuples, désormais
Héroïques résistants
A l'appel du destin
S'élancent au combat :
Détruire pour rénover
Rénover pour développer
Mon inépuisable héritage
Souillé par les felons

Hier victime de la Science.
Bientôt le progrès culturel mien.
Me libérera de toutes tares—
La Révolution globale en marche
Retrempe déjà la vigueur
De mes Peuples Blancs et Noirs.
La violence légitimée
Par la noblesse des buts
Déracine l'injustice
Et réconcilie les frères Sur les ruines des intrus.
La Liberté et l'Unité reconquises

Font éclore ici et là
Les fleurs de l'authenticité
Belle expression d'une dignité
Par tous chèrement rachetée

Par l'indépendance et la souveraineté.
De ma volonté est née l'OUA.
Qui doit me réhabiliter et me valoriser
Escarfelant et brisant le colonialisme
Bannissant l'asservissement
Pour que s'épanouissent sans fin

Et mes Peuples et toutes leurs richesses.
OUA, tu dois résister,
Barrer le chemin à la corruption,
A la séduction et à la terreur impérialistes.
Barrer la voie à toute agression
Pour que demeure éternellement ma liberté,
Résolument, tu dois avancer
Car désormais, je veux être
Etre et grandir sans cesse
Aux dimensions de mon cœur large et fier.

*Ahmed Sékou Touré
Décembre 1970*

Визит С.Туре в Советский Союз в 1965 году

ПЕРВЫЙ ПРЕЗИДЕНТ АНГОЛЫ АГОСТИНЬО НЕТО

В 2022 году исполняется 100 лет со дня рождения отца-основателя независимой Анголы и первого президента Республики Ангола Агостиньо Нето.

В отличие от поэзии С.Туре, поэзия А.Нето была хорошо известна советскому читателю. Его стихотворения публиковались практически во всех антологиях и сборниках африканской поэзии, выходивших достаточно часто в 1960-1980 годах.

А.Нето писал свои стихи на португальском языке, а переводились они выдающимися советскими переводчиками Е. Долматовским, М.Курганцевым, А.Сенквичем, Л.Некрасовой и др. Ряд стихотворений перевёл известный российский африканист, заведующий Центром исследований Юга Африки Института Африки РАН Андрей Александрович Токарев.

В настоящем номере мы публикуем обзор поэзии А.Нето, сделанный А.Махортовой.

АГОСТИНЬО НЕТО: ПОЭЗИЯ НАДЕЖДЫ

А.Нето вошел в историю Анголы как выдающийся политик, борец за независимость и первый президент страны. Но также он был врачом и поэтом. В творчестве каждого большого поэта есть постоянные темы или мотивы, которые отличают его поэзию, отражают его отношение к миру, его видение мира. В поэзии А. Нето такой ведущей темой или лейтмотивом, должно быть, является надежда. Не случайно одна из книг А. Нето носит название «Sagrada Esperança» («Священная надежда»). Эта книга была переведена на многие языки мира, в том числе на русский язык¹⁸⁶.

В поэзии А. Нето надежда – это, с одной стороны, очень личное чувство. Чувство, с которым поэт, еще совсем молодой, обращается к матери. Чувство, которое не покидает его, когда он отправляется в долгий путь, в Португалию. А именно там, как известно, А. Нето

¹⁸⁶ «Священная надежда» (1981, пер. М. Курганцева, А. Сенкевича, Л. Некрасовой, Е. Долматовского, В. Куприянова, В. Краско, П. Грушко). Помимо этой книги, на русском языке изданы сборники А. Нето «С сухими глазами» (1970, пер. Л. Некрасовой), «Звездный путь» (1977, пер. М. Курганцева).

предстояло не только получить образование, но также утвердиться в своих политических и творческих взглядах.

Моя Мать
(негритянские матери,
чьи сыновья ушли),
ты научила меня надеяться,
как сама терпеливо надеялась
в трудное время.
Но во мне
жизнь убила эту призрачную надежду.
И я не надеюсь,
Я тот, на кого надеются.
Надежда – это мы, твои сыновья...

(Прощание в час отъезда, пер. А. Токарева)

Так начинается автобиографическое, как и большая часть поэзии А. Нето, стихотворение «Прощание в час отъезда». И хотя в этих строках звучат мысли о гибели надежды, она не исчезает, но сам поэт становится надеждой для всего народа.

вижу руки, достойные быть изваянными,
руки народа, что увековечил себя
в легендах, в битвах, в трудах
на изможденной земле

(Изваянные руки, пер. М. Курганцева)

А. Нето всегда на стороне своего народа, всегда со своим народом. И поэтому мне представляется возможным провести параллель между ним и русским поэтом Н. А. Некрасовым, в одном из самых известных стихотворений которого есть такие слова: «Я лиру посвятил народу своему».

Задумываясь о судьбе Анголы, А. Нето создает портреты простых людей. Это его друзья, мальчишки, с которыми он играл в детстве:

Мы – это нагие детишки в санзалах джунглей,
Мы – это уличные мальчишки, вместо школы играющие
В тряпичный мяч
В полдень на песчаном берегу

(Моя Мать, пер. А. Токарева)

Законтрактованные рабочие, вынужденные оставить родные края:

«Вереница людей –
А дороге не видно конца
На спинах огромные вьюки,
Глаза, глядящие вдаль

(Законтрактованные, пер. М. Курганцева)

Или, например, торговка апельсинами:

Женщина,
Продающая фрукты вразнос,
То присядет на солнцепеке,
То спрячется в тень.
– Апельсины, сеньора, апельсины, свежие апельсины!

(Апельсины, сеньора, апельсины, свежие апельсины, пер. А. Сенкевича)

Делая их героями своих стихотворений, А. Нето говорит о них одновременно с любовью и болью, разделяя их радости и горести, или дает им самим возможность рассказать о себе и своей тяжелой доле.

Любя свой народ и свою страну, поэт ценит и уважает самобытную и богатую культуру Анголы. Это древние обычаи, музыкальное искусство: звуки песен, ритмы барабанов «рокот маримбы» и «томный мотив киссанже». Это и «бестелесная легкость» танца. И, конечно, язык – хранитель народной мудрости. В свои стихи А. Нето включает слова и фразы из африканских языков, распространенных в Анголе.

Поэт помнит историю своей Родины, он гордится ее героями. Такими, как легендарная королева Жинга. При этом, думая о славных страницах прошлого, он не поддается ностальгии, но смотрит в будущее, веря, что оно принесет перемены к лучшему. Эти перемены не придут сами. Но могут быть достигнуты в борьбе против колониализма, неравенства и несправедливости.

К будущим дням
Обращены
Наши глаза.
К будущим дням
Взывают наши гортани.
К будущим дням
Тянутся наши ладони.
Руки Африки –
Мир, единение,
Земля и любовь!

(Истерзанные и воскресающие, пер. М. Курганцева)

Интересы народы и борьба за свободу и за мир – это цель А. Нето не только в политике, но и в поэзии. И мы не можем не согласиться с мнением одного из крупнейших российских африканистов Е. А. Рязовой, которая отмечала: «Творчество его отличается богатством и разнообразием проблематики, широтой интересов, универсализмом, философской углубленностью. Призыв к национальному возрождению, к солидарности с братьями и сестрами в других странах, мысль об ответственности интеллигента перед народом, о необходимости воспитания и образования красной нитью проходит через всю поэзию А. Нето. В то же время (...) бесстрашный борец против угнетения и произвола обнаруживает черты тонко чувствующего красоту лирика и мечтателя»¹⁸⁷. (Рязова, с. 26)

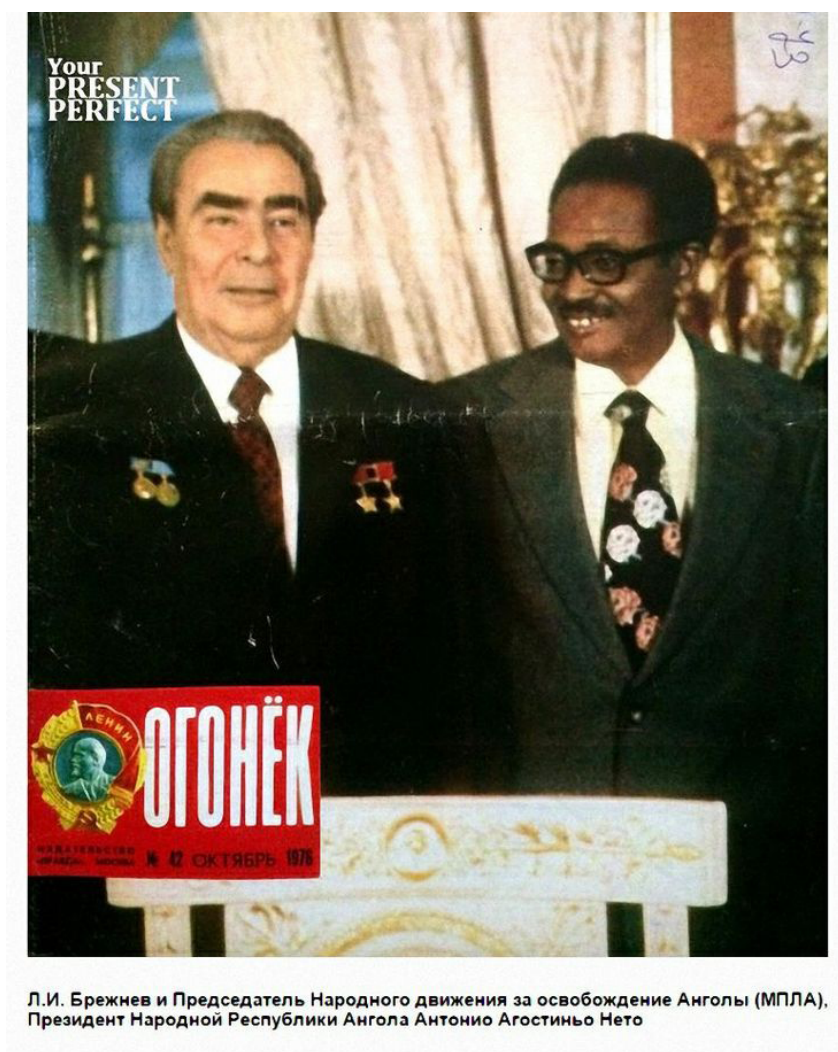
Эта – лирическая грань поэзии А. Нето проявляется в пейзажных зарисовках, в которых изображена удивительная ангольская природа: бескрайние саванны и звездное небо... А также в стихах, которые поэт посвящает своей жене Марии Эужении. Например, в чувственном и нежном стихотворении «Букет роз»:

¹⁸⁷ Цит. по: Агостиньо Нето – Поэт и Президент / Артур да Сильва Жулио, Токарев А.А., Домингуш Петерсон и др. М.: ООО «ПРАД», 2005.

Букет роз для тебя:
Алые, белые, желтые и голубые розы –
На твой день рождения,
Нежность и свежесть
Жадных борозд земли
И напряженная поэзия жизни –
Нежность и свежесть на твой день рождения

(Букет роз, пер. П. Грушко)

Поэзия А. Нето – это поэзия, неотделимая от действительности, это взгляд поэта-борца на мир. Взгляд, полный надежды и решимости.

Л.И. Брежнев и Председатель Народного движения за освобождение Анголы (МПЛА), Президент Народной Республики Ангола Антонио Агостиньо Нето

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОЙ АНЕКДОТ

СМЕХ В ЗАЛЕ НЮРНБЕРГСКОГО ТРИБУНАЛА

***Из стенограммы Международного Военного Трибунала
от 21 ноября 1945 года:**

Председатель: Теперь я буду опрашивать подсудимых, признают ли они себя виновными или не признают себя виновными в предъявленных им обвинениях. Они по очереди будут подходить к микрофону и говорить ... [...] Рудольф Гесс, признаёте ли вы себя виновным?

Рудольф Гесс: Нет. Признаю себя виновным перед Богом.

Председатель: Это является признанием себя невиновным (Смех в зале). ... Если в зале суда будет какой-нибудь шум, все кто нарушает порядок, должны будут оставить зал суда.

***Из воспоминаний участника процесса
в Международном Военном Трибунале**

В своих воспоминаниях участник Нюрнбергского процесса от СССР Аркадий Иосифович Полторак рассказывал о комичном случае, произошедшем с обвиняемым А.Розенбергом, который «всегда так гордился своими философскими трактатами».

Во время перекрестного допроса другого обвиняемого – Шираха – адвокат Розенберга доктор Тома задал вопрос: что он думает о книге своего подзащитного “Миф XX столетия”. «Под общий смех в зале имперский руководитель «гитлеровской молодёжи» заявил, что он никак не мог осилить сей трактат. После этой сцены Джильберт опросил каждого из подсудимых, и все они ответили, что не читали книги Розенберга. Лишь Штрейхер пожалел нацистского философа. Он отозвался о “Мифе” как об очень глубокой работе, настолько глубокой, что лично для него она оказалась недоступной».

Книга Розенберга стала причиной смеха всего зала (включая охранников – см. фото) ещё раз. Вот как описывает этот случай А.И.Полторак:

Доктор Тома стоит на трибуне и, обращаясь к суду, предъявляет один за другим документы в защиту Альфреда Розенберга. Перед адвокатом микрофон. Рядом с микрофоном специальное устройство, которое позволяет оратору на время отключаться от зала. К этому устройству адвокаты прибегают всякий раз, когда хотят сказать что-либо своему ассистенту, сидящему за столом рядом с трибуной. Ассистент доктора Тома услужливо подавал ему соответствующие документы. Но вот он то ли ослышался, то ли сам Тома оговорился, и в руках адвоката оказалась книга Розенберга “Миф XX столетия”. Тома механически хотел передать ее судьям, но в самый последний момент обнаружил оплошность. Побагровев до

ушей, адвокат сверкнул гневным взглядом в сторону своего ассистента, и вдруг по всему залу, во всех наушниках явственно прозвучало:

- Болван, зачем вы мне суете эту дрянь?

Тома забыл, оказывается, выключить микрофонное устройство.

Все присутствовавшие на этом заседании разразились хохотом, настолько дружным и мощным, что даже лорд Лоренс, неизменно подчеркивавший, что „смех в зале причиняет моральный ущерб достоинству трибунала”, ничего не мог сделать. Старый опытный судья сумел сдержать лишь самого себя, да и то ненадолго. Во время перерыва он тоже смеялся так, что стены дрожали. Хохотали и подсудимые. Один лишь Розенберг был мрачнее тучи, метал громы и молнии в адрес своего незадачливого адвоката.¹⁸⁸

¹⁸⁸ Полторак А.И. Нюрнбергский эпилог. Под ред. А.А. Беркова, В.Д. Ежова. 3-е изд. М.: Юрид. лит., 1983. С. 64, 83.